

Д. П. КАЛЛИСТОВ

СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
МОСКВА • 1952

Книга Д. П. Каллистова, рассчитанная на широкие круги советских учителей, даёт богатый материал (археологический и письменных памятников) по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Автор подробно рассматривает историю взаимоотношений местного населения и греческих колонистов, историю племенных объединений в Причерноморье, историю отдельных греческих городов, под влиянием местной среды всё более и более терявших свои специфические черты греческого рабовладельческого полиса. Большое место отводится автором борьбе местного племенного мира с греко-римским рабовладельческим обществом.

Под редакцией

проф. Н. А. Машкина

Античная эпоха в истории Северного Причерноморья тесно связана с одним из наиболее ранних периодов истории нашей родины. Хронологически она охватывает время, начинающая с VII—VI вв. до н. э. и по IV—V вв. уже н. э. К началу рассматриваемого времени северочерноморский племенной мир уже достиг в своём историческом развитии высшей ступени общинно-родового строя и сформировался в историческую силу со своим собственным экономическим, социальным и культурным лицом.

С появлением у северного побережья Чёрного моря греческих мореплавателей и возникновением на побережье постоянных поселений греческих колонистов местные племена пришли в длительное и в ряде случаев очень тесное соприкосновение с миром античной рабовладельческой цивилизации. Об этом времени благодаря античной письменности мы имеем целый ряд неоценимых сведений, дающих возможность судить о жизни древних обитателей нашей страны.

Общение с представителями более развитой культуры сказалось на дальнейшем развитии местного общества. Родоплеменная знать вступила в оживлённые торговые сношения с греками. Более широкие круги местного населения, особенно прибрежной полосы, также оказались втянутыми в постоянные взаимоотношения с греческими городами-колониями. На этой почве местные жители многое заимствовали у греков, а последние в свою очередь — у местного населения. Однако в Северном Причерноморье не произошло слияния двух разных культур и не возникла новая, третья, не похожая на две предшествующие. На протяжении почти всей античной эпохи наблюдается не слияние, а своеобразная борьба двух различных укладов, которая протекала с переменным успехом. В первые века античной эпохи преимуществу более развитой системы социально-экономических и культурных отношений находились на стороне греков. Поэтому характерные для Северного Причерноморья явления ассимиляции пришлого населения с местным вылились в это время главным образом не в форму «варваризации» греческих колонистов, но, напротив, — в форму эллинизации местного населения. Было бы, однако, неправильным переоценивать значение этого процесса. Судя по всему, не только язык, но и весь строй жизни местного общества обнаружил «...большую устойчивость и колоссальную

сопротивляемость...»¹ внешнему влиянию. Влияние греков в основном коснулось лишь верхнего слоя местного общества — родоплеменной знати и тех местных племён, которые находились в непосредственной близости к греческим городам-колониям. Для более широких слоёв местного населения представители более развитой культуры были в то же время и носителями тогда ещё глубоко чуждой им самим социальной системы, построенной на безжалостной эксплуатации рабов. В целом же племенной мир Северного Причерноморья сохранил свою историческую самобытность и после греческой колонизации.

Приблизительно с III—II вв. до н. э. соотношение сил между миром тогдашнего «варварства» и цивилизации начинает постепенно меняться. К этому времени античное общество уже находилось на пороге глубокого экономического и социального кризиса, порождённого неразрешимыми противоречиями рабовладельческого строя.

Жертвой этого кризиса оказались и античные государства Северного Причерноморья: упадок экономической жизни сопровождался обострением социально-политической борьбы и в результате — общим ослаблением этих государств.

В то же время дальнейшее развитие производительных сил приводит мир северочерноморских «варваров» к новому этапу исторического развития, характерной чертой которого было появление государственных форм общественной жизни. Местное население в результате нового передвижения племён пополняется свежими силами. В сложном процессе взаимодействия рабовладельческого и «варварского» общества преобладание переходит на сторону последнего, более примитивного, но обладающего целым рядом социальных преимуществ — историческим будущим.

Развивавшийся ранее процесс эллинизации «варваров» сменяется процессом постепенной и прогрессирующей «варваризации» населения греческих прибрежных городов-колоний. В сложившихся условиях зарождается то грандиозное наступательное движение «варваров» на мир античного рабовладения, которое завершается полной их победой. В конечном счёте «варвары объединились и с громом опрокинули Рим» (Сталин), олицетворявший в их глазах гнёт рабовладельческой эксплуатации. Тем самым они вдохнули в гибнущий рабовладельческий мир новую жизнь, способствуя переходу его на новую, уже феодальную стадию развития.

Излагая конкретные исторические события, связанные с этой борьбой двух миров в Северном Причерноморье, мы считали необходимым прежде всего специально остановиться на характеристике местного общества, затем обрисовать греческую колониза-

¹ И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, изд. «Правда», 1950, стр. 21.

цию и уже только потом излагать историю трёх главных центров рабовладельческой жизни Северного Причерноморья — Ольвии, Херсонеса и Боспора. Специальная глава отведена бурному периоду, связанному с именем понтийского царя Митридата Евпатора и борьбой с Римом. В последней, итоговой главе излагается история Северного Причерноморья в первые века нашей эры, протекавшие под знаком всё более растущего влияния «варварского» мира.

МИР „ВАРВАРОВ“ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Территория нашей страны, примыкающая к побережьям Чёрного и Азовского морей, т. е. Северного Причерноморья, с незапамятных времён была обитаема.

Современная наука располагает троякого рода данными о древнем населении Северного Причерноморья: материалом археологии, свидетельствами письменных источников и, наконец, данными лингвистического характера, почерпнутыми из того немногого, что мы знаем о языках древних обитателей этой страны благодаря главным образом античным авторам и дошедшим до нас надписям.

Археологический материал обладает тем преимуществом, что, основываясь на нём, можно составить известное представление о наиболее далёких от нас эпохах исторической жизни Северного Причерноморья.

С начала и на протяжении III тысячелетия до н. э. и до первых веков II тысячелетия до н. э. в юго-западной части этой территории получает развитие так называемая «Трипольская» культура, получившая своё название по имени села Триполья (на правом берегу Днепра в 50 км ниже Киева), где археологом В. В. Хвойко в 90-х годах прошлого века впервые были обнаружены следы древнего поселения с характерными остатками глинобитных настилов — «трипольскими площадками», которые, как теперь удалось выяснить, служили полами в древних жилищах.

С тех пор советскими археологами в бассейне Среднего и Нижнего Днепра, Южного Буга и Днестра открыто и частично исследовано около тысячи таких поселений.

На западе район Трипольской культуры смыкается с обширным комплексом археологических памятников, получивших распространение в бассейне Дуная, а также по течению Прута, Серета и на Балканском полуострове — в Македонии и Фессалии. Исследования трипольских поселений установили, что трипольские племена вели земледельческое и скотоводческое хозяйство. Остатки жилищ, поражающая богатством своих форм и разнообразием орнаментов керамика, а также орудия труда свидетельствуют об относительно высоком уровне материальной жизни населения — во всяком случае наиболее высоком в юго-восточной и средней Европе того времени. Весьма характерно, что среди трипольских изделий из камня, кости, рога и обожжённой глины встречаются изделия из меди в виде долотообразных орудий, а на более позднем этапе развития этой культуры, представленном в частности находками из Усатова (вблизи Одессы), — и в виде плоских клиновидных топоров, коротких мотыг, плоских кинжалов и висячих колец.

С конца III тысячелетия до н. э. и начала II переход к земледелию и скотоводству становится несомненным и в юго-восточной части страны — в Приазовье, на Кубани и Северном Кавказе. Здесь в это время получает распространение культура, представленная памятниками из курганов так называемой «раннекубанской» группы.

Самый факт распространения типологически однородных памятников материальной культуры на такой значительной территории, какая была охвачена Трипольской культурой, свидетельствует о развитии в местной среде межплеменных связей и межплеменного обмена. Удовлетворяя основные потребности за счёт собственного производства, отдельные племена вступают в меновые отношения со своими соседями. Обмен начинает занимать определённое место в их хозяйственной жизни.

В связи с дальнейшим ростом земледелия и скотоводства в Северном Причерноморье наблюдается переход первобытных племён на среднюю ступень варварства. Межплеменные связи и обмен в это время получают дальнейшее развитие. Наряду с общением местных племён в пределах Северного Причерноморья возникают меновые сношения и с более далёкими, в частности южными, странами.

Следы этих сношений улавливаются уже в трипольское время. Общеизвестно, что территория, на которой была распространена Трипольская культура, не обладает собственными рудными ресурсами. Следовательно, могли появиться лишь импортные изделия из металла. В археологической литературе было высказано предположение, что эти изделия шли из района семиградских медных месторождений.

Существуют и другие данные, проливающие некоторый свет на то направление, откуда ввозились в Северное Причерноморье и готовые изделия и металл в слитках.

Серебряный сосуд с изображениями скифов из Частых курганов (около Воронежа), IV в. до н. э.

клад», найденный в 1912 г. близ села Бородина у Аккермана. Вещи Бессарабского клада датируются серединой II тысячелетия до н. э., т. е. уже послетрипольским периодом. Среди этих вещей были обнаружены изделия из совершенно не встречающегося в Северном Причерноморье этой эпохи серебра и четыре больших каменных секиры из змеевика и нефрита, которые имеют прямую аналогию с секирами, найденными при раскопках древней Трои.

Трудно, конечно, предположить, что в это время между Северным Причерноморьем и эгейскими побережьями существовали прямые сношения по морю. Эти сношения правильнее себе представлять в форме межплеменного обмена, когда слиток металла, кусок руды или готовое изделие совершали длительный путь, переходя от племени к племени, из рук в руки, пока не достигали, наконец, таких далёких от своей родины мест, как северное побережье Чёрного моря.

Главным источником для суждений о древнейших связях между другой, юго-восточной, частью северочерноморской территории и южными странами был и остаётся знаменитый Майкопский курган и Старомышастовский клад с примыкающей к ним группой памятников. Курган, раскопанный в 1897 г. близ города Майкопа, имел огромную высоту — 10,65 м. Под курганный насыпью было обнаружено три погребения. В самом большом из них находился скелет и рядом с ним много различных предметов, в том числе золотых и серебряных. Сохранились две золо-

Так, при раскопках Усатовского поселения был обнаружен кусок сурьмяной руды явно малоазиатского происхождения. Усатовские кинжалы, плоские топоры, долота и острия из меди обладают определёнными чертами сходства с изделиями, известными по находкам на западном побережье Малой Азии и в других местах, бывших районами распространения Эгейской культуры.

Ещё более ярким доказательством сношений Северного Причерноморья с Эгейским миром является так называемый «Бессарабский

тые диадемы, украшенные розетками. На шее погребённого было ожерелье, состоящее из нескольких рядов бус из золота, сердолика, бирюзы, лазурита и морской пенки. У самой головы лежали так называемые височные кольца из массивной золотой проволоки. Всё это было покрыто балдахин, украшенным многочисленными золотыми бляшками с изображением львов и быков.

Кроме того, и в главном погребении, и в двух других находились кремнёвые наконечники стрел, орудия труда из меди, предметы домашнего обихода, 17 металлических сосудов, из них 2 золотых, 14 серебряных, 1 каменный с золотыми и серебряными частями, 2 котла, большой кувшин и др. Многие из перечисленных вещей, несомненно, не местного происхождения. Таковы, например, изделия из не встречающихся в этих местах бирюзы, лазурита и морской пенки. Стилистические особенности других художественных майкопских изделий всеми их исследователями воспринимались как непреложное доказательство связей этого района с южными странами. То же можно сказать и о вещах, найденных в том же году у станицы Старомышастовской. В этом кладе были найдены серебряная статуэтка антилопы, золотая головка льва, золотые розетки и кольца, а также множество бус из золота, серебра, лазурита и сердолика. Следовательно, есть все основания утверждать, что между Северным Кавказом и южными странами в древности существовали связи.

Долгое время существовало представление о совершенной уникальности майкопских и старомышастовских находок. Оба памятника рассматривались в полном отрыве от окружающей их археологической обстановки. Отсюда проистекают и исключительные разногласия в их датировке. Майкопский курган и Старомышастовский клад датировались различными занимавшимися ими археологами в пределах от начала III тысячелетия до н. э. и до VII в. до н. э., причём ни одно из этих хронологических определений долгое время не могло найти себе опоры в сопоставлении с достаточно широким кругом других местных памятников. Отсутствие материала для сопоставлений плохо компенсировалось более широкими, основанными только на данных стилистического анализа параллелями, которые проводились между майкопскими и старомышастовскими вещами и памятниками Эгейского мира, Египта и Месопотамии.

Нельзя сказать, чтобы и теперь все эти затруднения были полностью преодолены. Однако за последние годы в оценке майкопского и старомышастовского материала наметился совершенно определённый сдвиг. Он явился прямым результатом ряда новых исследований, проведённых советскими археологами. В настоящее время уже наметились совершенно определённые перспективы для сопоставления майкопского и старомышастовского материала как с целым рядом местных северокавказских, так и более далёких памятников.

Скифия по Геродоту и важнейшие археологические памятники скифской эпохи;

В этой связи прежде всего приходится упомянуть о замечательных, удостоенных Сталинской премии археологических открытиях Б. А. Куфтина в Закавказье, где им были исследованы Цалкинские курганы.

Художественные изделия и отдельные вещи из этих раскопок совпадают не только с северокавказскими находками, но и имеют совершенно определённую аналогию с вещами из царских гробниц в Уре и Джемдет Насра в южной Месопотамии и кипрскими вещами эпохи средней бронзы, довольно точно датируемыми второй половиной III тысячелетия.

В общем эти исследования с бесспорностью доказали наличие прочных связей Закавказья со странами древневосточной и средиземноморской культуры и, с другой стороны, связей Закавказья с Северным Кавказом. Становится очевидным, что и в пору глубокой древности Кавказский хребет не был непреодолимой преградой в общении между населением, находившимся по обеим его сторонам.

С другой стороны, совпадения майкопского и старомышастовского материала с вещественным материалом из целого ряда других северокавказских курганов даёт теперь право говорить о целом периоде в развитии материальной культуры Северного Кавказа. В археологической литературе всё заметнее становится тенденция отнести его ко второй половине и концу III тысячелетия до н. э.

На майкопской группе памятников наши сведения о внешних связях Северного Кавказа и прилегающих к нему территорий, собственно говоря, и обрываются; обрываются на долгое время, ибо в последующий период импортные изделия здесь почти совершенно исчезают из поля видимости.

Этот последующий период, связанный сначала с распространением по всему Северному Кавказу так называемой культуры «среднекубанских курганов», а потом, с конца II тысячелетия и начала первого, — «Кобанской культуры», захватившей ещё более широкую территорию, оказался периодом исключительно интенсивного развития производительных сил местного общества. Именно в это время отчётливо выявляется местная добыча руды и возникают очаги местной металлообработки. Продукция этих очагов металлообработки в виде медных и бронзовых изделий определённых типов проникает в Крым и дальше в степную полосу.

Золотая бляшка из Костромского кургана (Кубань), изображающая оленя.

Находка семи бронзовых топоров, семи серпов и металла в слитках явно кавказского происхождения на Днестре у Борислава, находка вещей также кавказского происхождения в Кривом Роге, находка двух бронзовых топоров кавказского происхождения вблизи Аккермана — дают наглядное представление о масштабе распространения кавказских изделий.

На юго-западе, на прежней территории распространения памятников Трипольской культуры также в это время перестают встречаться вещи импортного происхождения и складывается местная культура, представленная вещами так называемого «киммерийского» типа.

Факты находок вещей кавказского происхождения в районе Днестра и даже на территории Бессарабии бесспорно свидетельствуют о наличии сношений между юго-востоком и юго-западом.

Можно, таким образом, думать, что к концу рассматриваемого периода межплеменные связи распространяются на всё Северное Причерноморье. Это предположение находит известное подтверждение и в ряде других фактов. Общеизвестно, например, что керамика, найденная в курганах «среднекубанской» группы, в ряде случаев может сопоставляться с керамикой Украины и Поволжья. В погребениях этой эпохи, разбросанных на огромном степном пространстве всего нашего юга, также можно видеть различные варианты одного и того же эволюционирующего типа погребального обряда.

Перечень наблюдений такого рода можно было бы значительно увеличить, но вряд ли в этом есть особая необходимость. Дело в том, что вслед за рассматриваемым периодом в Северном Причерноморье наступает новый период, озарённый уже светом письменности. Поэтому то, о чём иногда, основываясь на материале археологии, можно было только догадываться, теперь выступает перед нашими глазами с полной отчётливостью.

В это время в исторической жизни населения Северного Причерноморья наступает сдвиг огромной исторической важности — совершается переход от средней ступени варварства к высшей его ступени.

Развитие производительных сил местного общества приводит к тому, что на основе в общем однородного складывающегося оседлого земледельческого и скотоводческого хозяйства возникают два новых, различных между собой типа хозяйственной деятельности: в степях — кочевое скотоводство, в лесостепной полосе — оседлое земледелие, связанное с разведением домашних животных и использованием тяговой силы скота при обработке земли. И в том и в другом случае возникают предпосылки для зарождения социального и экономического неравенства. И тут и там из первоначально однородной социальной среды выделяется племенная знать и появляются зависимые от неё группы населения.

В среде кочевников в прямой связи с поисками пастбищ для скота значительно увеличивается подвижность племён и резко

Золотая пластинка из Аксютинского кургана (Полтавская область).

усиливаются и учащаются военные столкновения. Порождая зависимость побеждённых племён, обращение военнопленных в рабов и неравенство в распределении военной добычи, эти столкновения ещё больше форсируют процесс социальной дифференциации местного общества.

Важно также отметить не только сам факт этого перелома, но и то, что он произошёл одновременно на очень значительной по своим размерам территории.

В этом отношении первые свидетельства письменности совершенно единодушны. Так, в китайских хрониках под 771 г. до н. э. отмечается большое нашествие кочевников на северную границу Китая. В 706 г. это нашествие повторяется, захватывая провинцию Шань-Тунь. В 661 г. та же провинция и провинция Пе-Чи-Ли вновь оказываются жертвами нашествия кочевников. Китай ведёт с ними долгую и упорную борьбу. Только к началу VI в. намечается перелом в этой борьбе, и только уже в первых десятилетиях V в. до н. э. воинственная активность кочевников падает, и на северной границе Китая устанавливается относительное спокойствие.

Не касаясь сейчас вопроса об этнических признаках нападавших на китайскую границу кочевников, отметим, что совсем в другом месте, а именно в районе Дуная, в VI в. до н. э. наблюдается также рост военной активности местных племён. Геродот сохранил нам традицию о вторжении скифов на Балканский полуостров. Двигаясь по направлению к югу, они дошли до Херсонеса Фракийского, тем самым достигнув побережья Эгейского моря. Достоверность этой традиции подтверждается це-

лым рядом археологических находок скифских вещей в северной части Балканского полуострова. Обитавшие здесь племена фракийцев испытали на себе сильную струю скифского влияния, следы которого сохранились и в более позднее и потому лучше нам известное время.

Северная часть Балканского полуострова, однако, была в эту бурную эпоху не единственным местом проникновения скифов. Скифские курганные погребения разбросаны по всей территории современной Венгрии, а находка скифских вещей в Фоттерсфельде позволяет предположить, что в своих продвижениях на запад скифы иногда достигали даже Прибалтики.

Из той же передаваемой Геродотом и частично Страбоном античной традиции, совпадающей также и со свидетельствами

восточных клинописных текстов и библии, мы знаем, что VIII и VII вв. до н. э. были также временем грандиозных вторжений северо-черноморских кочевников в Малую и Переднюю Азию. Об этом свидетельствуют стрелы скифских типов, найденные в целом ряде мест Малой и Передней Азии, вплоть до Египта.

Золотая пластинка с изображением лежащего оленя из Куль-оба (*Керчь*), IV в. до н. э.

Для древней Ассирии и Урарту вторжения воинственных кочевников с севера в течение длительного времени составляли угрозу, в значительной мере определявшую историческую обстановку всего этого времени. Основываясь на совокупности источников, можно думать, что проникновение в Переднюю Азию кочевых племён с севера явилось одной из существенных причин гибели урартийского государства.

Итак, VIII—VI вв. до н. э. были временем исключительного роста военной активности всего кочевого и полукочевого мира на пространстве, значительно превышающем территорию Северного Причерноморья в собственном смысле этого слова. Эта активизация в данном случае явилась лишь одним из наиболее заметных и запечатлевших себя в источниках признаков того сложного процесса, который связывается с нашими представлениями о совершившейся исторической перемене. Тот бросающийся в глаза факт, что переход от средней ступени варварства к высшей его ступени, составляющий сущность этой перемены, произошёл здесь в течение промежутка времени, исчисляемого всего двумя-тремя столетиями, и захватил столь значительные

слои местного населения, проживавшего на огромной по своим размерам территории, находит себе объяснение в предшествующих этапах исторического развития племенного мира. Постепенный и неуклонный рост производительных сил и развитие связей между отдельными племенами, наблюдаемые уже с трипольского периода, в конечном счёте приводят к исторически одновременным и однородным социально-историческим сдвигам.

Тем самым обнаруживает себя общее направление в историческом развитии местного общества, которое в конце концов привело к превращению племенного мира Восточной Европы в историческую силу, обладающую собственным историческим лицом.

Имеется целый ряд фактов, которые позволяют думать, что к началу греческой колонизации значительная часть этого пути населением Северного Причерноморья была уже пройдена.

Первое известное нам из письменных источников имя древних обитателей Северного Причерноморья — «киммерийцы». Это имя дошло до нас в многочисленных и разнообразных упоминаниях. Самые ранние и, пожалуй, наиболее достоверные сведения о киммерийцах сообщают нам ассирийские источники конца VIII в. до н. э. В эпоху Саргона II (722—705) киммерийцы (в ассирийских текстах их называют «Гимиррай») встречаются на территории Урарту, далее имеются свидетельства о их нападениях на границы Ассирии. Почти столетие длится борьба киммерийцев с Ассирией. Всё чаще и подробнее говорят о киммерийцах ассирийские тексты. Из них мы узнаём, что преемник Саргона II Ассархадон II в тревоге вопрошал бога Шамаша: «Осуществятся ли планы воинов Гимиррай?» Очевидно, для того чтобы воспрепятствовать этим планам, Ассархадон в 677 г. до н. э. вступает в союз с Бартатуа, вождем скифов, которые вместе с киммерийцами вторглись в Ассирию. Ассархадону удалось расколоть киммерийцев и скифов и разбить и тех и других. В 673 г. он нанёс киммерийцам тяжёлое поражение, о котором с гордостью сообщает: «...и Теушну киммерийца, воителя Манда, обитающего далеко, поразил я на земле страны Хубушна вместе с его войсками оружием моим». Однако эта победа не обеспечила Ассирии безопасности. В летописи Ашшурбанипала киммерийцы упоминаются в связи с их нападением на Лидию и разграблением Сард. При этом Ашшурбанипал, говоря о киммерийцах, вынужден был признать, что они «предков его не боялись, его царя ноги не обнимали». В этих же надписях содержится сообщение о том, что

Бронзовая голова льва из кургана Б. Журавки.

киммерийцы достигли в своём вторжении границ Египта и с ними воевал фараон Псамметих.

Согласно ассирийским текстам, киммерийцы выступают перед нами как народ многочисленный и воинственный, заселявший северо-восток Каппадокии и западный Кавказ и представлявший грозную опасность для стран Двуречья и Малой Азии. Однако эти же свидетельства с несомненностью обнаруживают, что ассирийцы весьма нечётко различали киммерийцев, скифов, мидян и, очевидно, путали их между собой. Так, например, наименование «уман манда» («воины севера»), засвидетельствованное в хронике о разгроме Ниневии

в 612 г. до н. э., употребляется для обозначения не киммерийцев, а скифов. Такая же путаница существует и в знаменитой Бехистунской надписи, где названы «гимирь», т. е. киммерийцы.

Интересно отметить, что киммерийцы были, очевидно, известны и Библии под именем «гомер». Пророк Иеремия пугал ими израильтян: «колчаны их,— говорил он,— подобны открытой могиле, все они люди храбрые».

Вопрос об этнической принадлежности, районе расселения и культуре киммерийцев, таким образом, остаётся открытым. Мало способствует решению этого вопроса и античная литературная традиция. Античные авторы также называют киммерийцев древнейшими обитателями Северного Причерноморья. Первое упоминание о них встречается в XI песне «Одиссеи». Можно думать, что в упоминании «Илиады» о «доителех кобылиц, млекоедах» (XIII, 1—7) имеются в виду именно они. Так по

Навершие бронзовое в виде головы лошади.

крайней мере толковали это место поэмы уже некоторые из античных комментаторов Гомера. Однако первое вполне определённое упоминание о киммерийцах можно встретить лишь у Геродота. В своём «скифском рассказе» он сообщает, что страна, в его время в основном заселённая скифами, прежде принадлежала киммерийцам. Но ни Геродот, ни другие античные авторы, писавшие о Северном Причерноморье, ничего не могут сказать о том, являлись ли киммерийцы населением пришлым, или они были коренными жителями этой страны.

Для Геродота период, связанный с киммерийцами, был далёким прошлым, о котором сохранились лишь смутные воспоминания, в частности, запечатлевшие себя в некоторых топонимических наименованиях. Так, он сообщает, что в его

время пролив, отделявший побережье восточного Крыма от побережья Таманского полуострова, назывался Боспорем Киммерийским. В районе этого пролива также находились: Киммерийские укрепления, Киммерийские переправы, Киммерийская область.

Создаётся впечатление, что современный Керченский полуостров был главным местопребыванием древних киммерийцев. Впрочем, Геродот рассказывает также, что в районе Днестра — древней Тиры — ему показывали могилу киммерийских царей. Таким образом, под названием киммерийцев он, очевидно, имел в виду население более широкой полосы, простиравшейся до Днестра и Южного Буга.

Другой античный автор — географ Страбон — ещё менее чётко представляет себе киммерийцев. Так, он называет треров, вторгнувшихся в Лидию, то киммерийским, то фракийским народом. Сведения Страбона расходятся как с данными Геродота, так и с данными клинописных текстов. Так, например, Геродот в качестве вождя скифов во время их похода в Малую Азию называет Мадия, сына Прототия. Этого Прототия отождествляют с именем скифского вождя Бартатуа, упоминаемого в клинописных текстах. Между тем у Страбона имя Прототий упоминается как киммерийское.

Ритон в виде головы лошади.

Согласно восточным источникам, киммерийцы жили на территории Закавказья и Малой Азии; согласно свидетельству античных авторов, как видно выше, киммерийцы локализируются на обширной территории от Днестра до Кубани, включая Крым, особенно его восточную часть.

По свидетельству Геродота, киммерийцы в дальнейшем были вытеснены из Северного Причерноморья скифами и были вынуждены переселиться на южный берег Чёрного моря, где они обосновались в районе Синопы.

Правда, в современной научной литературе было высказано предположение, что если это переселение и имело место, то оно не было поголовным, и часть киммерийцев осталась в Северном Причерноморье. Согласно этому предположению, потомками древних киммерийцев явилось население горного Крыма, известное античным писателям под именем тавров. От их имени и соответ-

ствующая часть Крымского полуострова стала называться Таврикой.

Письменные источники, таким образом, не позволяют определить точно и район расселения киммерийцев.

Возможно, что наименование «киммерийцы» охватывало всё население Причерноморья с древнейших времён до VII в., так же как в дальнейшем многие источники всё многоплеменное население этой страны обобщают под именем скифов. При существующем состоянии письменных источников ответ на этот вопрос могут дать только материалы археологии. Однако до сих пор не удалось раскопать ни одного поселения или могильника, которые могли бы быть с несомненностью отнесены к киммерийцам.

Мало известна и культура киммерийцев. В. А. Городцов сопоставил и объединил под названием «киммерийской культуры» археологический материал эпохи, переходной от бронзы к железу, который был обнаружен в Северном Причерноморье вкладах и случайных находках. Этот материал даёт довольно ясное представление о материальной культуре населения Северного Причерноморья во второй половине II и начале I тысячелетия до н. э. в целом, но выделить из него памятники собственно киммерийской культуры представляется весьма затруднительным.

Хотя античная традиция, как указывалось, прочно связывала киммерийцев с Керченским полуостровом, однако раскопки на этой территории обогатили «киммерийскую археологию» только единичными находками. Так, в городище Киммерик была найдена примитивная женская статуэтка — идол, относящаяся, очевидно, к концу II — началу I тысячелетия до н. э. Древние культовые, антропоморфные, изображения начала I тысячелетия до н. э. в виде каменных плит были обнаружены при раскопках боспорского города Тиритаки. На Керченском же полуострове были найдены топоры-секиры и некоторые изделия из кремня, относящиеся к концу II — началу I тысячелетия до н. э.

Античные писатели рассказывают о жестокости и грубости тавров. Среди тавров были, по их словам, распространены человеческие жертвоприношения, и жили они войной, разбоем и пиратством. Археологические исследования горного Крыма действительно показали, что в древности здесь не было благоприятных условий для земледелия и скотоводства и главными занятиями жителей были рыболовство и охота. Археологический материал создаёт представление о сравнительно низком уровне материальной культуры таврских племён.

Основным местным населением Северного Причерноморья к концу рассматриваемого периода (т. е. к VII в. до н. э.) были скифы. Под этим именем древние греки разумели целый ряд местных племён, населявших обширное пространство от Нижнего Истра (Дуная) и до Танаиса (Дона). На севере и на востоке за

Доном со скифами соседнили племена не скифские. За Доном, во времена Геродота, в частности, находилась область, заселённая племенами «савроматов» или, как их стали называть в уже более позднее время, — «сарматов».

По всем признакам сарматы находились в близком родстве со скифами. Эта близость сказывается и в быте, и в их языке.

По свидетельству ряда античных писателей, в быте сарматов особую роль играла женщина; отсюда можно заключить, что у сарматов дольше, чем у скифов, сохранялись пережитки матриархата.

Близкими к скифам были также племена меотов, населявших побережья Меотиды (Азовского моря) и области Кубани.

Наиболее обстоятельные и реалистические сведения о древних скифах содержатся у Геродота. Мы не можем с уверенностью определить, когда в основе его изложения лежат личные впечатления, связанные с предполагаемым нами его путешествием в Северное Причерноморье, какие из сообщаемых им сведений он заимствовал у своих осведомителей, очевидно, понтийских греков, и, наконец, что именно он почерпнул из письменных источников. Тем не менее характер описательных приёмов Геродота в основных чертах ясен. Он описывает местный мир, разделив его на четыре части — четыре своего рода зоны наблюдения. При этом по мере удаления на север характер сообщаемых Геродотом сведений становится всё менее и менее определённым. Заканчивается каждое из этих четырёх описаний упоминанием о

Деталь серебряной вазы из Чертомлыцкого кургана, IV в. до н. э.

незаселённой людьми пустыне или, в одном случае, перечнем таких данных, к каким сам Геродот относится с недоверием.

Геродот ведёт свои наблюдения над описываемой им страной всегда из какого-либо одного избранного им пункта. В данном случае таким пунктом для наблюдений, судя по всем признакам, был избран город Ольвии. Отсюда ясно, почему его этнографические описания начинаются с племён, находившихся в непосредственной близости к этому городу. Геродот перечисляет их по именам: каллипиды, алазоны. Об алазонах он сообщает, что они сеют и употребляют в пищу хлеб, а также лук, чеснок, чечевицу и просо.

За алазонами живут «скифы-пахари», которых Геродот характеризует уже по гораздо более общему признаку их хозяйственного быта: они сеют хлеб не только для собственных нужд, но и на продажу, что очень важно отметить, так как в хлебной торговле была очень заинтересована греческая колония Ольвии. По всем признакам территория, населённая «скифами-пахарями», входила в сферу торговых оборотов ольвийских купцов.

Благодаря указаниям самого Геродота, подкрепляемым сопоставлением его сведений со свидетельствами других авторов, удаётся сравнительно точно определить территорию, населённую названными выше племенами и «скифами-пахарями». Этот район примыкал к обоим берегам Буга.

Каллипиды и алазоны, таким образом, действительно были наиболее близкими соседями Ольвии. Местные ольвийские греки должны были поэтому их хорошо знать.

Что касается «скифов-пахарей», находившихся уже на значительно большем расстоянии от Ольвии, то вполне естественно, что и сведения о них носили более общий и расплывчатый характер. За «скифами-пахарями» жили не скифские племена невров, с которыми жители Ольвии, очевидно, никогда непосредственно не сталкивались и знали о них только по наслышке. Сведения об этих племенах поэтому носили весьма неопределённый и, по мнению Геродота, не заслуживающий доверия характер.

В описании населения других частей страны Геродот не приводит таких подробностей об отдельных племенах, как в первом своём описании. Мы не найдём в нём и перечня отдельных племён по именам. Так, население большой территории, простирающейся на восток от Борисфена (Днепра), он характеризует по самому общему признаку хозяйственного быта, обобщая его под именем «скифов-земледельцев». Здесь Геродот преследует совершенно определённую цель: он противопоставляет и хочет отличить эту земледельческую группу населения от ещё более обширной группы кочевников. Последние живут ещё дальше на восток и, по словам Геродота, «не сеют и не пашут».

Ещё дальше живут так называемые «царские скифы». Последние определяются по такому же общему, но уже не хозяйст-

венному признаку — по признаку их военного преобладания над остальным населением. Наиболее отдалённые от Ольвии группы местного населения полностью растворяются у Геродота в общем для всех них собирательном имени скифов.

Примерно такой же характер носит терминология всех тех античных авторов, которые были осведомлены о Северном Причерноморье; всем им знакомы и имена отдельных племён и собирательные термины — скифы, сарматы, меоты. Писатели, не ставившие своей специальной целью дать описание Северного Причерноморья и вообще с ним мало знакомые, в своих попутных о нём высказываниях, как правило, пользуются только собирательными терминами, сплошь да рядом обобщая под ними всё население этой страны. Так, пользуется термином «скифы», например, Фукидид, у которого под ними следует понимать вообще все «варварские» племена, населявшие южную часть Восточной Европы.

Итак, под терминами «скифы», «сарматы», «меоты», а надо думать, и «киммерийцы», точно так же как под именем «саки» персидской клинописи, скрываются имена многих племён. Мир Северного Причерноморья был племенным миром с характерной для ещё не изжившего себя родового строя племенной раздроблённостью. В этом отношении наличие собирательных и обобщающих терминов не должно нас вводить в заблуждение.

Но чем же в таком случае всё-таки объяснить, что два столь различных по своему историческому и культурному складу народа, как греки и персы, нашли одинаковые основания для такого рода обобщений? Ведь в реальной исторической действительности ни те, ни другие ни с какими «скифами», «сарматами» или «саками» непосредственно не сталкивались. Каждый раз перед глазами и греческих и персидских наблюдателей были отдельные племена, из которых каждое имело своё особое имя и другие присущие только ему одному особенности. Тем не менее основания для таких обобщений всё же нашлись.

Современники и непосредственные наблюдатели строят свои характеристики встречающихся им народностей на подчас еле им самим заметных, но всегда безошибочно ими улавливаемых признаках. Для нас, отделённых от этой эпохи тысячелетиями, очень многие из этих признаков навсегда утрачены. Тем не

Золотая ваза из Куль-оба.

менее главное в представлениях и древних персов и древних эллинов о племенах Северного Причерноморья нами всё же улавливается: они безусловно воспринимали их как исторически единый мир.

Историческое единство северочерноморского племенного мира совершенно определённым образом сказалось и в характерных особенностях его социально-экономической структуры.

В научной разработке истории Северного Причерноморья проблема социально-экономического строя местного общества безусловно занимает первое место. Широкая постановка этой проблемы прямо вытекает из марксистско-ленинского учения о социально-экономических формациях; скифо-сарматский период в исторической жизни Северного Причерноморья генетически связан с наиболее ранним уже славянским периодом в истории нашей родины. Следовательно, то или иное понимание сущности социального строя северочерноморских «варваров» далеко не безразлично для суждения о всём ходе исторического развития СССР.

Мы хорошо знаем, что ко времени Геродота земледелие у оседлых скифов достигло в своём развитии относительно уже весьма высокого уровня. Были известны такие культуры, как просо, пшеница, чеснок, лук, лён, конопля.

В частности, возделывавшаяся в скифское время на всём пространстве нынешнего Краснодарского края, Ростовской области и Крыма пшеница, как показал ряд археологических находок, представляла собой так называемую «мягкую» пшеницу — родоначальницу тех самых сортов пшеницы, которые и в наше время культивируются в этих местах.

При уборке урожая скифы-земледельцы пользовались железными серпами, а для перемалывания зерна — зернотёрками. Земля обрабатывалась при помощи запряжённого волами плуга. Земледелие у оседлого населения сочеталось со скотоводством, о котором можно судить по постоянно находимым при раскопках поселений костям домашних животных: крупного и мелкого рогатого скота и лошадей.

Кочевая часть населения разводила лошадей и мелкий рогатый скот. Представление о величине принадлежавших отдельным представителям племенной знати стад даёт ряд кубанских курганов раннего времени: Ульские, Костромской, Воронежский и др. В одном из Ульских курганов, датируемом ещё VI в. до н. э., было, например, обнаружено свыше четырёхсот конских скелетов, лежавших у коновязей правильными рядами.

Обычай массового ритуального умерщвления лошадей в данном случае говорит сам за себя, ибо трудно думать, чтобы всё принадлежавшее умершему конское поголовье шло за ним в могилу. Для обслуживания табунов и стад такой величины, естественно, требовался целый штат пастухов, конюхов и других зависимых от их владельца людей. Некоторым из них, как показывают те же погребения, приходилось, разделяя участь жертвен-

ных животных, сопровождать своего хозяина в загробный мир.

Таким образом, имеющиеся данные об уровне развития производительных сил и материальной жизни и оседлого и особенно кочевого населения не оставляют никакого сомнения в том, что здесь уже были налицо условия, предопределявшие интенсивное развитие в местной среде процессов социально-имущественного расслоения. Конечно, развитие этого процесса на территории такой обширной страны, как Северное Причерноморье, протекало в неоднородных условиях. С этой точки зрения можно говорить об очень существенных локальных особенностях в историческом развитии отдельных северочерноморских племён. Отдавая себе полный отчёт в существовании локальных особенностей развития, мы вправе, однако, одновременно констатировать и общие черты того же процесса, типичные для исторической жизни Северного Причерноморья в целом. В этом отношении весьма показательны некоторые повсеместно наблюдаемые особенности местных погребений. Обращает на себя внимание тот факт, что наряду с целым рядом богатых курганных погребений, представляющих собой целые сооружения с большим количеством находимых в них ценностей, смежными захоронениями рабов, жён-наложниц и коней, во множестве встречаются также могилы бедняков, почти лишённые погребального инвентаря, и погребения средних слоёв, представленные, как правило, рядовыми вещами местной работы.

По данным Геродота и других писателей, у скифов были цари, получавшие власть по наследству. Скифского царя окру-

Бронзовая, покрытая золотым листом фигура пантеры из золотого кургана (близ Симферополя).

жала дружина, необходимая в условиях постоянных военных столкновений. Эти военные столкновения, связанные с военной добычей и наложением на побеждённых дани, безусловно, ещё больше способствовали росту социально-экономического неравенства.

В дальнейшем известную роль в росте этого неравенства стали играть и греческие города-колонии, особенно с того времени, когда они превратились в торговых посредников в оживлённом товарообороте между Северным Причерноморьем и странами Средиземноморья. При этом наибольшему воздействию греческих городов, конечно, должны были подвергаться более близко к ним расположенные районы.

И всё-таки общественный строй скифов, сарматов и меотов времени Геродота и после него сохранял ещё многие черты первобытно-общинного строя, причём у некоторых из них (например, у сарматов) сохранялись ещё пережитки матриархата.

Как уже указывалось, для структуры местного общества прежде всего характерна типичная для ещё не изжившего себя родо-племенного строя расчленённость на многие племена. Каждое из таких племён, судя по Геродоту, имело свою племенную территорию и свои, также весьма типичные для родовой военной демократии, органы управления: народное собрание, совет старейшин и царя.

Скифские цари, даже в тех случаях, когда они возглавляли объединения нескольких племён, продолжали по сути дела ещё оставаться племенными вождями. По всем признакам, тут ещё не произошло обособления публичной власти, уже не совпадающей непосредственно с населением, организующим самого себя как вооружённая сила, о котором говорит Энгельс в своей характеристике нового порядка общественных отношений, идущего на смену родовому строю.

Излагая легенды о скифском золоте, Геродот упоминает об обычае предоставлять заснувшему с этим золотом во время особого праздника «столько земли, сколько он сам объедет на коне в один день». Основываясь на этом сообщении, некоторые исследователи делают вывод о ежегодном распределении земли у оседлых скифов и ограничении наделов. Хотя такое заключение несколько произвольно, поскольку оно основано, может быть, на весьма вольном толковании Геродотом местного сказания, всё же факт отсутствия застывших форм в земельных отношениях и регулярные перераспределения земли представляются вполне возможными в стране, ещё не знакомой с аграрным перенаселением.

В рассматриваемое время предметом индивидуальной и семейной собственности у древних обитателей Северного Причерноморья, очевидно, было только движимое имущество и скот. При передаче этого имущества после смерти собственника, судя по некоторым упоминаниям Геродота, существовал порядок так

называемого минората. Согласно минорату, имущество, оставшееся после смерти отца, переходило к его младшему сыну, старшие же сыновья выделялись, очевидно, ещё при его жизни. Для строя патриархальных отношений также весьма характерно, что в состав переходившего по наследству имущества входили и жёны умершего. Так, например, скифский царь Скил, по рассказу Геродота, унаследовал от своего отца, помимо власти, одну из его жён — скифянку Скию.

О наличии родо-племенных форм социального строя говорит и распространённый у скифов обычай побратимства. Когда, по сообщению Геродота, два не состоявшие друг с другом в родстве скифа хотели установить тесный союз, они смешивали несколько капель своей крови в общем сосуде с вином и совместно его осушали. Этот обычай показывает, что кровные связи ещё не утратили своего значения.

Для характеристики скифского общества большой интерес представляет также и то, что передаёт Геродот о религии скифов и их погребальных обрядах. Храмов и особой касты жрецов скифы не знали. Упоминаются только гадатели, узнававшие волю богов при помощи особой раскладки прутьев. Геродот подробно описывает похоронный обряд скифов: похороны скифского царя связаны с обычаем обвоза покойника по всем окрестным местам, представляющим собой территорию нескольких племён. В этом можно усмотреть намёк на существование у скифов племенных объединений под властью одного вождя.

Не сомневаясь в существовании у скифов рассматриваемого времени патриархального рабства, мы в то же время хорошо знаем о широком экспорте рабов из Северного Причерноморья в средиземноморскую Грецию в V в. до н. э. И на основании надписей и на основании литературных свидетельств также хорошо, например, известно, что у афинян V в. понятие «скиф» успело стать синонимом раба-полицейского. О значительной роли экспорта черноморских рабов в более позднее время красноречиво рассказывает греческий историк II в. до н. э. Полибий.

Как совместить эти сведения о широком вывозе рабов из Северного Причерноморья с нашим представлением о ещё патриархальных формах рабства? Ответ на этот вопрос,

Скиф, натягивающий тетиву на лук.
Деталь Куль-обской вазы.

очевидно, следует искать по линии оценки тех сведений, какими мы располагаем о положении северочерноморских рабов и их роли в производственной жизни общества. Вряд ли несвободный труд мог найти себе широкое применение в хозяйстве оседлого населения. Широкая эксплуатация труда рабов обычно оставляет после себя заметный след в материальной культуре того общества, которое строит на ней своё хозяйство. В этом отношении памятники материальной культуры Северного Причерноморья, если не считать территории греческих городов и Боспорского царства, о которых речь будет идти особо, не дают особых оснований для предположения о заметном развитии рабства в местной среде.

Тем менее рабы могли найти себе применение у кочевников. Помимо упоминания о царских скифах, «считавших всех остальных скифов своими рабами», у Геродота есть небольшой рассказ, специально посвящённый скифским рабам. В нём повествуется о восстании скифских рабов, которые встретили с оружием в руках возвращавшихся после похода в Азию скифов.

Сам по себе этот рассказ обладает всеми чертами типичной новеллы, написанной притом на весьма характерный для идеологии рабовладельческого общества сюжет. Чего, например, с этой стороны стоит финал рассказа, повествующий о том, как скифы догадались заменить обычное оружие бичами. При виде бичей восставшие рабы узнали в скифах, так сказать, своих «законных» хозяев и обратились в бегство.

В начале этого рассказа содержится, однако, ряд вполне реальных подробностей, касающихся использования несвободного труда в животноводческом хозяйстве скифов-кочевников. Геродот рассказывает, как скифы доили своих кобылиц и сливали выдоенное молоко в сосуды. На долю рабов из всех этих операций выпадала только одна: они взбалтывали разлитое по кувшинам молоко, чтобы отделить от него сливки. К большому они не были способны, так как, по словам Геродота, скифы-кочевники ослепляли своих рабов.

Приём ослепления пленников-рабов у кочевников в целях предотвращения побегов не противоречит данным исторической этнографии. В обстановке кочевого быта такой приём вполне объясним: постоянные передвижения по огромным степным пространствам облегчали для пленников бегство.

Если, таким образом, поверить Геродоту, то окажется, что труд рабов мог найти себе в обществе кочевников лишь очень ограниченное применение. Скотоводческое кочевое хозяйство вообще представляет собой наименее удобную сферу для широкого использования труда несвободных. Между тем, по соображениям, вытекающим из общей оценки исторической ситуации в Северном Причерноморье этой эпохи, плен был главным источником рабства; наибольшее же число пленников, обращаемых в рабов, сосредоточивалось именно в руках воинственных коче-

вых племён, постоянно враждовавших друг с другом и совершавших набеги на своих оседлых соседей.

Следует думать, что судьба большинства этих пленников была предрешена. С того времени, когда на северочерноморских рабов установился постоянный спрос, вряд ли они могли долго задерживаться у захватившего их в плен племени. При помощи греческих купцов их, вероятно, быстро сбывали за пределы страны. Таким образом, уже во времена Геродота, очевидно, существовал тот, выражаясь языком уже наших древних источников, «увод в полон», который потом доживает до времён татарщины.

Между античным рабовладельческим обществом и обществом северочерноморских «варваров» в этом отношении существует весьма существенное различие: если в первом случае мы постоянно наблюдаем стремление сосредоточить у себя возможно большее количество рабов в качестве основной рабочей силы, то во втором происходит как раз обратное: не концентрация рабов, а их распыление. В качестве основной рабочей силы «варварское» общество рабов не знало. Главным производителем всех необходимых средств к жизни здесь оставался свободный человек, член сначала родовой, а позднее сельской общины.

В истории раннего периода из всех народностей Северного Причерноморья наибольшую роль играют скифы. Выше уже упоминалось о походах скифов в VII в. до н. э. в Малую и Переднюю Азию. В конце VI в. против скифов через Геллеспонт и Фракию совершает поход персидский царь Дарий. История этого похода известна нам в очень свободной обработке Геродота, восхищавшегося военными качествами скифов. Действуя то тут, то там против войск Дария на своих быстрых конях, скифы избегали решительных сражений, заманивая врага в глубь своей страны. В результате Дарий, лишённый возможности снабжать своё войско провиантом, был вынужден отступить. Всё это показывает, что скифы были уже в то время силой, способной вести борьбу с крупнейшим государством Востока, до этого времени не знавшим крупных военных неудач.

И вторжение скифов в Малую и Переднюю Азию, и победоносная борьба их с персами предполагают существование крупных племенных объединений. В своей работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельс подчёркивает, что родовая организация «выше племени не пошла» и союз племён «означает начало её разрушения». Установить более или менее чёткие грани в этом процессе разложения родового строя, однако, чрезвычайно трудно.

Суммируя имеющиеся данные, следует, однако, решительно отвергнуть взгляды тех буржуазных учёных, которые писали о так называемой «скифской державе» — «варварском» государстве, возникшем в Северном Причерноморье уже в VII—V вв. до н. э.

Можно сказать с полной уверенностью, что в рассматриваемое время местное общество ещё не изжило строя родовой

военной демократии. Возникавшие союзы «варварских» племён поэтому отнюдь не следует себе представлять в форме прочных государственных объединений. Эти племенные объединения отличались непрочностью и изменчивостью своего состава, власть же возглавлявших их династов и вождей по многим признакам была лишь номинальным и временным преобладанием одного из них над другими.

В античной традиции сохранились сведения об образовании в середине IV в. до н. э. на западном побережье Чёрного моря, на территории современной Добруджи, большого племенного объединения, возглавленного скифским царём Атеем. Согласно этим сведениям, Атей вёл успешные войны с трибаллами, воинственным и сильным фракийским племенем, и другими местными племенами. Можно предполагать, что города-колонии западно-понтйских греков некоторое время находились в зависимости от Атея. Со скифским царством Атея было вынуждено считаться даже такое могущественное государство, каким была Македония при царе Филиппе II.

Объединение скифских племён под властью Атея оказалось, однако, недолговечным. В 339 г. до н. э. Филипп II предпринял большой поход во Фракию и разбил скифов. Атей погиб в битве с македонянами. Победителям досталась огромная добыча. После смерти Атея объединение его, повидимому, сразу же распалось.

Первые бесспорные признаки скифской государственности на территории Северного Причерноморья можно обнаружить не раньше III и начала II вв. до н. э., когда в Крыму возникает прочное объединение скифских племён, возглавленное Скилуром и Палаком. Как показали замечательные археологические открытия последних лет, в это время скифы уже строили города, бывшие местом сосредоточения ремесла и торговли. Именно таким городом явился находившийся вблизи современного Симферополя Неаполь Скифский — главный центр скифского царства Скилура и Палака, просуществовавший около семи веков. Остатки оборонительных стен этого города, жилых домов и недавно раскрытый монументальный каменный мавзолей с несколькими богатыми погребениями скифской знати дают ещё одно доказательство яркой и своеобразной культуры, развивавшейся в Северном Причерноморье на протяжении многих веков. Теперь твёрдо установлено, что только один так называемый скифский период в этом развитии занимает по меньшей мере целое тысячелетие: с VII в. до н. э. по IV в. н. э.

Касаясь особенностей материальной культуры скифского периода, следует прежде всего отметить, что на всём его протяжении в Северном Причерноморье можно наблюдать ту же знакомую нам по предшествующему периоду картину типологической общности между памятниками местной материальной культуры почти на всём пространстве её распространения.

Отличия от предшествующей эпохи будут состоять в том, что эти явления типологической общности материальной культуры теперь выливаются в гораздо более определённые формы и могут быть установлены на несравненно большем числе конкретных примеров. Так, в настоящее время можно констатировать определённую типологическую близость между целым рядом известных нам городищ скифского периода, отделённых иногда друг от друга весьма большим расстоянием.

Одни из них, и это типично, по большей части расположены не на берегу больших рек, а поодаль от них, на небольших речках и оврагах около возведённых рвов и валов. Валы и рвы в этих случаях часто защищают очень значительные и далеко не сплошь заселённые пространства. Упомянутыми чертами обладают такие наиболее известные скифские городища, как Мотрошинское и Пастырское, находящиеся в бассейне р. Тясминки, или Бельское — в Груньском районе Полтавской области. В других случаях планировка скифских городищ отличается большей компактностью. Для очень многих городищ характерны зольники, ямы для хранения зерна, землянки и полуземлянки.

Особенно ясно сказываются черты общности в керамике, находимой на территории расследуемых городищ и в погребениях. Формы и техника её в общем одинаковы не только в районах распространения оседлости, но и в степях, занятых кочевниками. Так, например, керамика, оружие, конский набор, найденные при раскопках Каменского городища на Днестре близ Никополя, полностью совпадают с находками, известными по раскопкам так называемых Царских курганов.

Материал, ставший известным благодаря раскопкам погребений, даёт основания констатировать черты типологического единства и в погребальном обряде, причём на территории, далеко выходящей за географические пределы Северного Причерноморья.

Во всём этом можно убедиться хотя бы на примере значительной группы погребений, одинаково характеризующихся скорченным положением костяков, их окраской и погребальным инвентарём из вещей местной работы. Такого рода погребения раннего времени зафиксированы и на Днестре, и на Буге, и на Дону, и на Кубани, и на Северном Кавказе, и на территориях греческих городов-колоний у самого побережья. Последнее время всё чаще высказывается мысль о генетической связи между этим погребальным обрядом и Трипольской культурой, для поздних ступеней в развитии которой как раз очень типично скорченное трупоположение.

Другие черты материальной культуры и погребального обряда местного общества обнаруживают себя в курганных погребениях. Географически курганные погребения, как известно, разбросаны на огромном пространстве. Различия между ними в таких условиях и естественны и понятны — различия локальные

и во времени, поскольку в хронологическом отношении определённые формы местного погребального обряда существуют на протяжении многих веков и элементы известной эволюции тут вполне закономерны.

Различия, о которых идёт речь, иной раз настолько существенны, что возникает право говорить о нескольких типах погребального обряда и типологических разновидностях материальной культуры. Но это — только разновидности. Вещи, обнаруженные при раскопках погребений в окрестностях Блюменфельда (близ ст. Гмелинской Астраханской ж. д.), так называемая блюменфельдская культура, признаются в настоящее время типичными для чрезвычайно обширной географической области — для всей зоны нижневолжских и приуральских степей. Можно сказать, что с VI в. до н. э. до середины IV в. до н. э. на этом громадном пространстве бытовала и развивалась одна культура. В дальнейшем эта культура стала распространяться по степям Украины и повлияла на культуру Северного Кавказа.

Культура, о которой идёт речь, и с полным на то основанием, признаётся сейчас культурой родственных скифам савроматов — сарматов. Однако весьма характерно, что первоначально о ней существовало другое мнение: носителями блюменфельдской культуры считали часть скифов-кочевников, не передвинувшихся на запад, настолько много было обнаружено черт сходства этой культуры с культурой собственно Скифии. В инвентаре погребений блюменфельдского типа были обнаружены, например, кинжалы скифских типов; длинные блюменфельдские мечи имеют рукоятки обычных скифских типов. Конский набор представляет собой вариант скифского конского набора. При этом следует подчеркнуть, что явления отмеченного рода характеризуют собой весь период VI—IV вв. до н. э., т. е. тот период в развитии местной культуры, который, по сравнению с более поздними веками, в большей мере испытал на себе воздействие культуры греческих колоний.

По времени древнейшие из курганов скифского периода, как, например, Литой и Келермесский, восходят к VII в. до н. э., другие, большинство, датируются V, IV и III вв. до н. э. Для всех них одинаково характерна большая насыпь земли с камнями, под которой находятся погребальные катакомбы. В больших курганах, как правило, они состоят из нескольких камер.

Типичным для всех этих погребений, таким образом, следует признать именно погребение групповое, из нескольких человеческих и конских могил, запечатлевшее один и тот же обычай погребальной тризны с человеческими и конскими жертвоприношениями.

Своеобразие курганных погребений совершенно определённым образом сказывается в составе погребального инвентаря. Вещи, сделанные греческими мастерами в свойственной им стилистической манере и технике или созданные ими же, но с определённым

ным расчётом на вкусы местных потребителей, находятся рядом с такими предметами, как специфического вида обручи и гривны, поясные пряжки, нашивавшиеся на одежду бляхи, конские наборы, особые скифские котлы с черпаками, предметы вооружения, в частности скифские мечи-акинаки и не менее типичные двуперые с шипом сбоку или трёхгранные стрелы и т. п. Часть из этих вещей, явно негреческого происхождения, связана с Востоком. Таковы, например, вещи из Литого кургана и известного Мельгуновского клада.

Золотая обкладка ножен меча, найденного в так называемом Мельгуновском кладе (датируется приблизительно VI в. до н. э.).

Из вещей названного клада особое внимание обращает на себя золотая рукоятка и ножны акинака — скифского короткого меча. На них изображён олень в лежащей позе с закинутыми за спину рогами и, повидимому, мифологическая сцена с крылатыми существами и растениями. Кроме того, вдоль всех ножен, между украшающими их меандровыми завитками, находится ряд фантастических фигур со звериными, птичьими и человеческими головами. Некоторые из них пускают стрелы из луков. Изображение оленя имеет аналогию с очень близким ему изображением того же животного на одной из золотых пластинок, найденных в известном Кульобском кургане. Что касается крылатых существ, растений и фантастических фигур вдоль ножен, то они имеют несомненное отношение к искусству древнего Урарту, которое в свою очередь имело тесную связь с ассирийско-вавилонской культурой. Особенно в этом отношении характерны изображения растений, прямо совпадающие с изображениями священных деревьев на оттисках урартийских печатей.

Целый ряд других негреческих вещей, встречающихся в курганах скифского периода, преимущественно ювелирные изделия,

Золотая обкладка ножен меча, найденного в так называемом Мельгуновском кладе (датируется приблизительно VI в. до. н. э.).

относительно более позднего времени, повидимому, связаны с ахеменидским Ираном. Вообще вещи с явными признаками иранского влияния или даже импортированные из Ирана встречаются в Северном Причерноморье далеко не редко. Однако ни иранское влияние, ни вообще влияние Востока отнюдь не могут объяснить разнообразия негреческих памятников Северного Причерноморья.

В этом отношении весьма показательно, что даже на мельгуновских ножнах, безусловно испытывавших на себе воздействие стилистических приёмов Урарту, наряду с изображениями явно древневосточного характера, встречаются элементы оригинального.

Бронзовая пластинка с изображением льва, напавшего на коня
(Сибирь).

скифского стиля. Они усматриваются прежде всего в упоминавшемся изображении на этих ножнах оленя.

Такого рода стилизованные изображения различных животных были чрезвычайно широко распространены в мире «варваров». Их находят не только в Северном Причерноморье, но и на всей территории Азии, большей части Сибири и особенно в Западной Сибири. На протяжении многих веков они неизменно встречаются в местных погребениях всей степной и лесостепной полосы Восточной Европы. В несколько изменённом типе они встречаются и на территории Западной Европы. Всё это — так называемый «звериный» стиль.

Генезис «звериного» стиля, повидимому, восходит к первобытной магии. Распространение его в пору перехода местного общества к более высокой ступени развития связано с тем подъёмом активности всего «варварского» мира, о котором речь шла выше. С этой точки зрения понятна характерная для этого стиля

динамичность в трактовке звериных образов. Фигуры зверей чаще даются не в статичном состоянии, но в напряжённой экспрессии: сплетённые в борьбе звериные тела, царапающие лапы, оскаленные зубы и т. п.

При таких условиях скифский «звериный» стиль, конечно, не может быть объяснён никакими внешними влияниями. Это явление безусловно оригинальное, свидетельствующее о самобытности местной культуры. Распространение же «звериного» стиля по огромной территории Северного Причерноморья и Сибири нельзя не связать с ростом взаимного общения местных племён.

Среди скифских вещей есть ряд таких, которые были выполнены руками греческих или восточных мастеров или попали в Северное Причерноморье в результате импорта. Греческое происхождение таких вещей в отдельных случаях прямо удостоверяется именами мастеров, начертанных на самих изделиях. Однако можно считать твёрдо установленным, что в искусстве древнего Востока и в искусстве античном существовали «варварские», или, как принято их называть, скифские, сюжеты. Наличие такого рода сюжетов, однако, вовсе ещё не должно означать, что среди восточных и греческих художников существовало увлечение скифской экзотикой, породившей там и здесь особые скифские жанры. Никаких признаков таких жанров найти нельзя. Больше того: все известные нам вещи греческой и восточной работы на «звериные» сюжеты скифов до сих пор были найдены только на территориях, населённых самими «варварами», или в районах, непосредственно к ним прилегавших. Ни на Востоке, ни в Греции такого рода находок пока не зафиксировано.

Изделия греческих и восточных мастеров на скифские «звериные» сюжеты, таким образом, были порождены отнюдь не увлечением этих мастеров скифской экзотикой. Они целиком ориентировались на чуждые им самим вкусы, ибо только при таком условии они могли рассчитывать на обеспеченный сбыт своей продукции.

Но откуда восточные и греческие мастера могли почерпнуть представления о художественных образах, послуживших им в дальнейшем материалом для приспособления к вкусам «варваров», как не из искусства самих «варваров»? Самое поразительное, что эти местные традиции дают о себе знать уже на ранних ступенях в развитии культуры Северного Причерноморья. Уже и тогда эта культура обнаруживает способность не только воспринимать идущее извне, но и предъявлять свои собственные требования. В дальнейшем, даже в IV в. до н. э., т. е. в годы наибольших успехов эллинизации в Северном Причерноморье, греческое влияние не оказалось в состоянии полностью вытеснить утвердившиеся в местной среде вкусы.

Греческим мастерам, точно так же, как и мастерам Востока, оставалось только с ними считаться, как с не зависящим от их

воли фактом. Урартийцы, греки, иранцы в этом отношении выступают в совершенно одинаковой роли исполнителей чужих заказов. Представляя собой совершенно различные культуры, все они сохраняют в неприкосновенности одинаково чуждые им образы. Они воспроизводят эти образы в свойственной им технике и в достаточной мере механически соединяют с теми стилистическими началами, на которых сами они были воспитаны. Примерами такого механического соединения различных стилистических приёмов в одном и том же изделии может послужить хотя бы известный меч из Солохи (см. рис. на стр. 47).

Изображения животных на ручке этого меча, выполненные по всем признакам греческим мастером, но в манере скифского «звериного» стиля, сочетаются с другими изображениями на ножнах того же меча, выполненных в совершенно ином, греческом стиле. Примеры таких же контрастов дают и другие вещи, найденные в Прибалтике близ Фетерсфельда — греческой работы, точно так же, как и ряд вещей, например, мельгуновские ножи — восточной работы (см. рис. на стр. 34 и 53).

Скифский «звериный» стиль в своей греческой и восточной интерпретации приобретает, таким образом, значение весьма важного показателя. Наблюдая его, становится ясным, что материальная культура мира «варваров» скифского периода представляется, если, может быть, не вполне ещё сложившейся, то во всяком случае уже обладающей своим собственным оригинальным лицом.

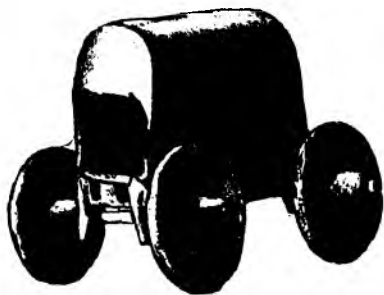
То же впечатление глубокого своеобразия оставляют после себя и все остальные доступные нашему наблюдению проявления местного быта.

С этой точки зрения особенно интересны сообщаемые Геродотом и другими античными писателями, а также известные нам из ряда археологических памятников подробности о быте скифов. Особое внимание эти писатели уделяют быту скифов-кочевников.

«Скифы (кочевники.— Д. К.) добывают себе пропитание не земледелием, а скотоводством и жилища свои устраивают на повозках»,— пишет Геродот. Кочевой образ жизни скифов описывает и автор одного трактата, приписываемого Гиппократу. «У них нет домов, а живут они в кибитках, наименьшие из которых четырёхколёсные, а иные и шестиколёсные; со всех сторон они закрыты войлоком и разделяются, как дома — одни на два, другие на три отделения. Они непроницаемы ни для дождя, ни для снега, ни для ветра. В эти возы запрягают по две и по три пары безрогих волов. В таких кибитках живут женщины, а мужчины едут верхом на конях». Ценным дополнением к этим литературным свидетельствам являются археологические находки и данные этнографии. Среди детских игрушек, найденных в Пантикапее, оказалась модель такой крытой повозки. Этот вид жилья возник, очевидно, ещё в доскифскую эпоху, так как в погребениях бронзовой эпохи на Северном Кавказе также най-

дены глиняные модели таких повозок, а в одном из курганов обнаружены деревянные колёса без спиц, на которых эти повозки передвигались. Этнографические данные говорят, что в начале XIX в. похожие на описанные Гиппократом повозки бытовали у поволжских калмыков.

Скифы, несомненно, имели и наземные жилища. Геродот описывает, например, скифскую баню. Она согревалась раскалёнными камнями и представляла собой войлочный шатёр с очагом в центре. Именно такой шатёр изображён на одной из пантикапейских фресок. Это круглая юрта из коричневого войлока, конической формы с цилиндрическим клапаном над дымовым отверстием, расположенным в центре юрты. Такие жилища получали распространение у тех кочевников, которые переходили к более длительному пребыванию на одном месте.

Жилище-повозка.

Жилища оседлых скифов ещё мало исследованы. Остатки землянок были обнаружены в известном Бельском городище. В одной из них сохранилась глинобитная печь с очень толстыми стенками и без трубы. На территории Дубовского городища на Ворскле насчитывается более 300 впадин, которые многими археологами рассматри-

ваются как следы жилья в виде землянок и полуземлянок. Эти впадины расположены внутри ограды, окружающей Дубовское городище, и притом с заметной правильностью в группировке. На Пастерском городище в бассейне р. Тясьминка найдены остатки глинобитных жилищ, относящихся, однако, к более поздней эпохе.

Детальное устройство скифских постоянных жилищ на основании этих данных, не может быть установлено. До некоторой степени отсутствие необходимых сведений можно восполнить, привлекая материалы из погребений скифской эпохи. В лесостепной полосе, в скифских курганах Киевской, Кировоградской, Полтавской, Харьковской и Воронежской областей, встречаются погребения сложного устройства. В середине могильной ямы сооружалось настоящее деревянное жилище. Стены строились либо из досок, горизонтально положенных между столбами, врытыми по углам и в середине стен, либо из вертикальных столбов или жердей, вкопанных основанием в прорытые вдоль стен канавы. В центре ямы находился особо толстый столб или несколько столбов, на которые опиралась двускатная крыша. Пологий спуск, который вёл в этот дом-могилу, и ряд других признаков позволяют предположить, что некоторые из таких жилищ нижней своей частью углублялись в землю; они являлись,

таким образом, полуземлянками. Такое жилище, как правило, было четырёхугольным и имело 15—25 кв. м полезной площади.

В некоторых могилах Полтавской области сохранились помосты — остатки деревянного пола. В последнее время исследование Каменского городища на Днепре выявило жилища, очень близкие по своей конструкции к рассмотренным выше домам-могилам. Наиболее сохранившееся жильё Каменского городища представляет собой правильную четырёхугольную площадку примерно в 36 кв. м. Стены жилища составлены из столбов, рядами зарытых в специальные канавы. Крыши не сохранилось. К той стене, где был вход в жилище, прилегает небольшое помещение с очагом — своеобразная кухня-сени. В 1940 г. в том же Каменском городище были обнаружены подвалы. Эти подвалы имели овальную форму. В некоторых глинобитных очагах и очагах-ямах было найдено большое количество пережжённых костей — интересное подтверждение рассказа Геродота о том, что скифы иногда пользовались костями животных в качестве топлива.

Внутреннее убранство скифских домов почти неизвестно. В одной из домов-могил Полтавской области был найден круглый стол и по бокам его помосты-лавки. На золотых бляшках, найденных в могилах IV — III вв. до н. э., имеются

изображения скифов, сидящих в креслах с высокой спинкой. В одной из могил VII — VI вв. до н. э. Литого кургана вблизи Кировограда найдены серебряные ножки от кресла урартийской работы.

В быту скифов видное место занимала керамика. Об этом свидетельствуют многочисленные находки разнообразной по форме скифской посуды. Горшки со следами нагара использовались для изготовления пищи. Глубокие миски предназначались для стола. Грушевидные сосуды могли использоваться для хранения продуктов. Рассказ Геродота о том, что скифы готовят пищу в бронзовых котлах, также подтверждается рядом археологических находок. В одной из могил под Воронежем, например, был найден такой бронзовый котёл на высокой ножке с двумя вертикальными ручками. Близкий к нему по типу котёл обнаружен в кургане Солоха. В таком же котле из Чертомлыцкого кургана найдены были кости лошади.

Скифы пользовались и деревянной посудой. Геродот сообщает о глубоких деревянных сосудах, в которых взбалтывали

Скифский бронзовый котёл из кургана Солоха.

Деталь серебряной вазы из Чертомлыцкого кургана (IV в. до н. э.).

кобылье молоко. В кургане Солоха была найдена деревянная миска, обитая золотыми пластинками с изображением рыб.

В пищу скифы употребляли главным образом продукты животноводства. Кости домашних животных в больших количествах обнаруживали и при раскопках всех скифских поселений. Псевдо-Гиппократ упоминает о скифском сыре из кобыльего молока. В этом отношении также весьма характерен эпитет «млекоеды» и «доители кобылиц», с которыми мы встречаемся в эпосе.

В тех же поселениях нередко находили амфоры греческого происхождения. В некоторых из них, видимо, хранилось вино. Употребление вина прочно вошло в быт скифов. Геродот неоднократно упоминает о чашах, из которых скифы пили в различных случаях жизни. Так, например, обряд побратимства был связан с обычаем, когда побратимы пили вино из одной чаши, подмешивая в него кровь. Чашей вина награждали за военные подвиги. Сведения Геродота в данном случае подтверждаются многочисленными находками скифских чаш, черпаков, серебряных и золотых ситечек для процеживания вина и т. п. в скифских могилах. Некоторые из чаш отличаются высокохудожественными качествами. Такова, например, чаша из знаменитого Чертомлыцкого кургана с замечательным горельефным фризом, изображающим сцены укрощения скифами лошадей. Таков и всемирно-известный электровый сосуд с изображением бытовых сцен из жизни скифов из Кульобского кургана.

В отличие от греков, у скифов было принято пить вино, не разбавляя его водой. Заимствуя этот обычай у скифов, греки говорили, когда хотели выпить неразбавленное вино: «подскифы мне».

Одежда скифов известна нам главным образом по изображениям на золотых и серебряных сосудах и других драгоценных изделиях из Чертомлыцкого, Кульобского, Солохи и других курганов. В этом отношении, помимо уже упоминавшихся горельефных сосудов с изображениями скифов, особенно интересен

золотой гребень из кургана Солоха. На нём изображён всадник в греческом вооружении, сражающийся с двумя воинами в скифской одежде. Интересна также золотая бляшка из Кульобского кургана, изображающая двух стреляющих из лука скифов.

Одежда скифов-мужчин состояла из короткого кафтана, не доходившего до колен, штанов и кожаных сапогов. Кафтан запахивался, оставляя грудь открытой, и подпоясывался широким кожаным поясом. К поясу прикреплялся короткий скифский меч — акинак. Штаны были узкие кожаные или широкие со сборками. На Воронежском сосуде одежда скифа украшена спиральной вышивкой. На голове скифы носили кожаный или шерстяной башлык. Однако, судя по изображениям на вазах, они часто обходились совсем без головного убора; его им заменяли длинные волосы. Ноги обували в мягкие кожаные сапожки. Иногда для большей прочности под подошву пропускался ремень и завязывался на лодыжке.

О женской одежде мы можем судить также на основании некоторых золотых бляшек с изображением фигуры сидящей богини. Такова, например, бляшка из Чертомлыцкого кургана. С головы богини спускается длинное покрывало. Платье длинное с узкими рукавами и поясом. Сверху накинута халат с такими же узкими рукавами.

Материалом для одежды служили главным образом шерсть и кожа. Скифы умели также изготавливать полотно из конопли. Кроме того, главным образом для женской одежды, употребляли привозные ткани.

Геродот рассказывает, что на изготовление верхней одежды шли бараньи шкуры. Таким образом, современный кожух является, очевидно, одним из древнейших видов одежды. Богатые скифы украшали свою одежду золотыми бляшками. Одни из этих бляшек, часто треугольной формы, были покрыты рядами выпуклостей, образующих рисунок. В других случаях на бляшках мы встречаемся с изображениями скифов в разных положениях, фигур различных реальных и фантастических животных и т. д. На одежде скифского вождя, погребённого в Кульобском кургане, найдено около 266 бляшек, на одежде женщины, очевидно, жены вождя — 474 бляшки, общим весом в 1,432 кг. Из других украшений, судя по вещам из курганов, были распространены шейные обручи — гривны, перстни, браслеты, серьги и ожерелья. Многие из этих украшений поражают тонкостью и художественностью работы.

Одежда скифов была удобна и для мирного быта и для войны. Изображения военных сцен часто рисуют скифов в описанной выше их одежде без панцыря. Такова, например, сцена схватки на упоминавшемся золотом гребне из Солохи. Скифские воины здесь одеты так же, как и в мирных сценах на Чертомлыцком сосуде.

Наиболее распространённым видом оборонительного оружия у скифов был щит. Воины на гребне из Солохи изображены со щитами различной формы. У одного из них щит четырёхугольный с закруглёнными углами, у другого — в форме полумесяца. Сделаны они из дерева с натянутой на него кожей. Такой же щит имеет один из скифов на золотом Кульобском сосуде. Все эти щиты местной работы. Находки их редки, но ещё реже встречаются в скифских погребениях щиты греческой работы. Таков, например, круглый щит из могилы VI в. до н. э. близ станицы Костромской. Редки случаи находок и панцирей кожаных с нашитыми чешуйчатыми пластинками или же греческого типа.

Наступательным оружием скифов были: лук, копьё, меч и кинжал. Судя по изображениям, скифский лук был невелик. Он состоял из двух асимметричных дуг, соединённых переключи-

Золотой гребень из кургана Солоха, IV в. до н. э.

ной. В одной из гробниц неподалёку от Керчи были найдены части лука в виде изогнутых кусков дерева со следами клея. Такой лук был лёгким и удобным для стрельбы с лошади. Он бил на далёкое расстояние: судя по одной ольвийской надписи — на 500 м. Скифские стрелы имели наконечники из бронзы, реже из железа, ещё реже из кости. По своей форме эти наконечники плоские, чаще трёхгранные, иногда с шипом сбоку, чтобы помешать вынуть стрелку из раны. Древко стрелы имело в длину не более 0,75 м.

Железные кинжалы и нож.

Скифский воин носил стрелы в так называемом горите — деревянном или кожаном колчане, прикрепляемом к поясу с левой стороны. Богатые скифы вместо кожи покрывали горит золотой или серебряной обивкой, часто украшенной различного рода изображениями.

Судя по тому, что во многих погребениях находят только луки и стрелы, они были основным вооружением скифского воина. Копья и дротики скифы пускали в ход в решающие моменты сражения. То же назначение имели скифские короткие мечи — акинаки — и кинжалы, отличавшиеся друг от друга только длиной: акинак имел обычно в длину около 60 см, кинжал — 30—40 см. Мечи и кинжалы скифы носили в деревянных ножнах, прикрепляя их к поясу с правой стороны. Точно так же, как и гориты, ножны акинаков в богатых погребениях украшались золотыми и серебряными пластинами, часто с рельефными изображениями в «зверином» стиле. Всё перечисленное выше оружие скифов было железным. Лишь в древнейших погребениях находили бронзовые наконечники копий, мечи и кинжалы.

На основании археологических данных можно утверждать, что скифская одежда и оружие в основных чертах были одинаковыми на всей территории их расселения. Типы скифского оружия, сложившиеся на рубеже VII—VI вв. до н. э., оказали сильное влияние на вооружение их соседей: его переняли греки черноморских колоний, фракийцы, население южного Урала и прикаспийских степей. Наконечники скифских стрел находят на огромной территории — от Болгарии, Венгрии и Прибалтики до Тихого океана.

Скифы в основном были конными воинами. Почти во всех погребениях мы встречаем либо коня, либо отдельные части его

Бронзовые наконечники скифских стрел.

тела, либо символ коня — удила. В гробницах скифских вождей встречаются десятки лошадиных скелетов. В кубанских курганах их число доходит до сотен.

Удила сперва были бронзовыми, с VI в. до н. э. — железными. Уздечки делались из ремней, к которым часто прикреп-

Деталь фриза Чертомлыцкой серебряной вазы.

лялись бронзовые, серебряные или золотые украшения в виде колец, налобников, нащёчников. В наших музеях имеется богатый набор скифских уздечек. Замечательны две уздечки из кургана Солохи. Золотые нащёчники сделаны в них в форме крыльев, а налобники в виде рыбы. Очень интересны уздечки одиннадцати коней из Чертомлыцкого кургана с налобниками в виде голов фантастических животных и изображениями птиц

на нащёчниках. Одни из этих украшений золотые, другие серебряные. В ряде могил найдены деревянные сёдла, обитые по краям золотыми пластинками, и нагайки с ручкой, перевитой золотом.

С ростом оседлости и земледелия в скифском войске появляется пехота. Следует думать, что пехота состояла, в основном, из населения земледельческих районов Скифии. Самое раннее свидетельство о пехоте скифов принадлежит Геродоту. «Скифы пешие и конные выступили против Дария для боя», — пишет Геродот в одном месте своего повествования о скифском походе

Дария. В херсонесской надписи конца II в. до н. э. упоминается об одном поражении скифов. В результате этого поражения: «из пехоты никто не вернулся, а из конницы уцелели лишь немногие».

В рассказе Диодора о междоусобной борьбе сыновей боспорского правителя Перисада, о которой подробно речь будет идти ниже, при описании скифских войск одного из противников упоминается, что в нём на 10 тысяч конницы имелось 20 тысяч пехоты.

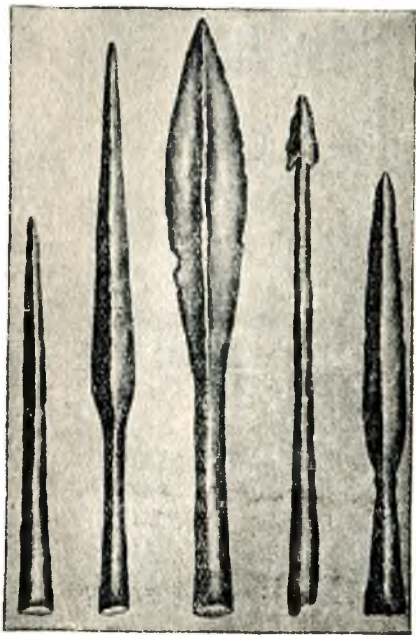
В пору образования в III в. до н. э. скифского государства в Крыму оно, помимо сил сухопутных, обладало и морскими силами. Первоначально это были корабли греков, принадлежавшие, повидимому, тем греческим городам-колониям, какие были вынуждены признать себя зависимыми от скифского государства.

В этот флот могли также входить и суда тавров, с древнейшего времени связанных с морем. О скифском флоте, разбитом флотом понтийского царя Митридата, упоминает и Страбон.

Война наложила определённый отпечаток на быт и нравы скифов. Описание военных обычаев скифов занимает видное место у Геродота. Очевидно несколько преувеличивая их воинственность, он рассказывает, что скифы пили кровь первого убитого врага, головы же убитых в сражении врагов они отрубали от тел и относили к царю. Принесший голову получал долю военной добычи, не принесший не получал ничего.

Далее Геродот подробно останавливается на том, как скифы стягивали кожу с голов убитых; стянутые кожи, очищенные от мяса при помощи бычьего ребра, они привязывали к узде коня или использовали для покрывки колчанов и одежды.

Война, таким образом, играла большую роль в жизни скифов, и это нашло отражение в религии. Одним из богов, наиболее почитаемых у скифов, был, по словам Геродота, бог войны. Существовал ряд святилищ этого бога. На обычном месте военных сборов сооружался курган из связок хвоста с четырёхугольной площадкой наверху. На каждом из таких курганов, говорит

Железные наконечники копий и дротик.

Геродот, «водружался старинный железный меч». Он-то и был символом бога войны. Этому мечу ежегодно приносили в жертву рогатый скот и лошадей, а также каждого сотого мужчину из числа взятых в плен неприятелей.

Другие наши сведения о религии скифов недостаточно определены. Геродот в своём описании скифской религии приводит ряд имён скифских божеств и пытается перевести их на язык греческого Пантеона. Так, скифского Гойтосира он называет Аполлоном, Аргимпасу — Афродитой, Папая — Зевсом, Тагима-сада — Посейдоном. Однако религиозные представления скифов были весьма далеки от религии греков, и попытка Геродота сделать их понятными его греческим современникам выглядит в достаточной мере произвольной.

Таким образом, и свидетельства античных писателей, и материал археологии одинаково убеждают нас в глубоком своеобразии племенного мира. Особенности местной культуры были прямо или косвенно связаны с кочевым или полукочевым образом жизни значительной части местного населения, что по понятным причинам накладывало особый колорит на весь его быт. В дальнейшем греческое влияние не оказало на быт особо сильного

воздействия. Оно коснулось главным образом верхнего слоя скифского общества — родо-племенной знати. Экономические связи с греческими городами толкали её на сближение с греческой цивилизацией. Влияние греческих городов-колоний затронуло также те из племён, какие жили в непосредственной к ним близости — находились в сфере их непосредственного экономического влияния. Следует отметить, что и сами греки также испытывали на себе совершенно определённое влияние местной среды. Основная масса местного населения и после колонизации продолжала жить своей собственной своеобразной жизнью. Ко всему чужеземному она относилась враждебно. Об этом ярко говорит рассказ Геродота о скифском царе Скиле. Когда соплеменники увидели его одетым в греческое платье, принимающим участие в греческом празднике Диониса, то они убили его. «Так оберегают скифы свои обычаи и так сурово карают тех, которые заимствуют чужие», —

Золотая пластинка с изображением скифа-гадателя.

этими словами заканчивает свой рассказ Геродот. Повидимому, широкие слои местного населения враждебно относились к чуждым им самим формам развитых рабовладельческих отношений.

Даже в области военной, т. е. в той области, где заимствования воюющих друг с другом народов бывают особенно часты, и в области вооружения, и в области тактики и стратегии северочерноморские «варвары» сохраняют своё собственное лицо. Греческим приёмам ведения войны до IV в. до н. э., например, была совершенно чужда стратегия и тактика широкого манёвра, тогда как, судя хотя бы по описанию похода Дария I против скифов у Геродота, именно широкий манёвр был наиболее характерной особенностью военной стратегии и тактики скифов VI в. до н. э.

Историческое единство племенного мира не могло не обнаружить себя и в языке как важнейшем средстве общения, созданном усилиями сотен поколений. Геродот с полной определённостью упоминает о языке скифов и близком к нему языке савроматов, на котором, следовательно, говорило не одно-два племена, но все скифские и сарматские племена, т. е. подавляющая часть населения страны. Основываясь на этом свидетельстве, можно предполагать, что ко времени Геродота местный язык находился уже на относительно высокой ступени развития — на ступени развития от языков племенных к языкам народностей. Следовательно, этот язык должен был уже обладать достаточно богатым словарным фондом и относительно развитым грамматическим строем. Не будь этого, широкое общение местного населения в масштабах всей страны не могло бы иметь места в исторической действительности. К сожалению, наши сведения о языке скифов и савроматов отличаются исключительной скудностью. Местной письменности ещё не существовало; благодаря записям античных писателей и надписям до нас дошли в греческой транскрипции главным образом названия племён, личные имена и отдельные топонимические наименования. Опираясь на такие данные, конечно, трудно составить мало-мальски ясное представление даже об общем характере этого языка. Занимавшиеся этим вопросом учёные пришли к далеко не однородным и притом весьма гипотетическим выводам. В науч-

Золотая обкладка ножен меча из кургана Солоха (IV в. до н. э.) с изображениями в зверином стиле.

ной литературе XIX в. и первых десятилетий XX в. на этой почве возникли большие разногласия, которые до сих пор не разрешены окончательно. Советским языковедам ещё предстоит разрешить эту задачу с позиций подлинно марксистского языкознания.

Итак, суммируя всё изложенное, можно сказать, что ко времени появления греческих колонистов местное общество достигло уже весьма высокого уровня в своём социальном, экономическом, культурном развитии. Это в значительной мере предопределило характер тех взаимоотношений, какие в дальнейшем устанавливаются между местным и пришлым населением древнего Причерноморья.

КОЛОНИЗАЦИЯ СЕВЕРНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ ЧЁРНОГО МОРЯ

Античная эпоха в истории нашего юга начинается с того момента его исторической жизни, когда на северном побережье Чёрного моря возникают постоянные поселения греческих колонистов, когда между ними и местным населением устанавливаются прочные взаимоотношения.

Когда и при каких обстоятельствах это произошло?

Более или менее отчётливые представления о Чёрном море и его побережьях содержатся уже в древнем эпосе. В песнях «Илиады» и «Одиссеи» упоминается о «нависших скалах его берегов», мимо которых тогда «ещё не пробежал ни один человеческий корабль». У древних поэтов, у их слушателей, а потом и их античных читателей с Чёрным морем и его побережьями связан ряд таких образов, как образ Прометея, прикованного к скалам Кавказа, образы Ифигении, Геракла, Ахилла на Белом острове и др. Здесь же, по представлениям древних эллинов, жили фантастические аримаспы, гипербореи, грифоны и воинственные амазонки. Сюда совершали свой знаменитый поход аргонавты и сюда же занесло корабль Одиссея.

Современная наука только ещё намечает пути использования всего этого материала для расширения наших познавательных возможностей в области изучения наиболее раннего, так сказать, доисторического периода античности. Однако границы возможного использования мифологического материала, если иметь в виду Северное Причерноморье, в известной мере уже наместились. Основываясь на данных мифологии, можно говорить скорее о характере древнейших греческих представлений о Чёрном море,

но вряд ли многое можно сказать о нём самом, об обитателях его побережий и первых попавших сюда греческих мореплавателей.

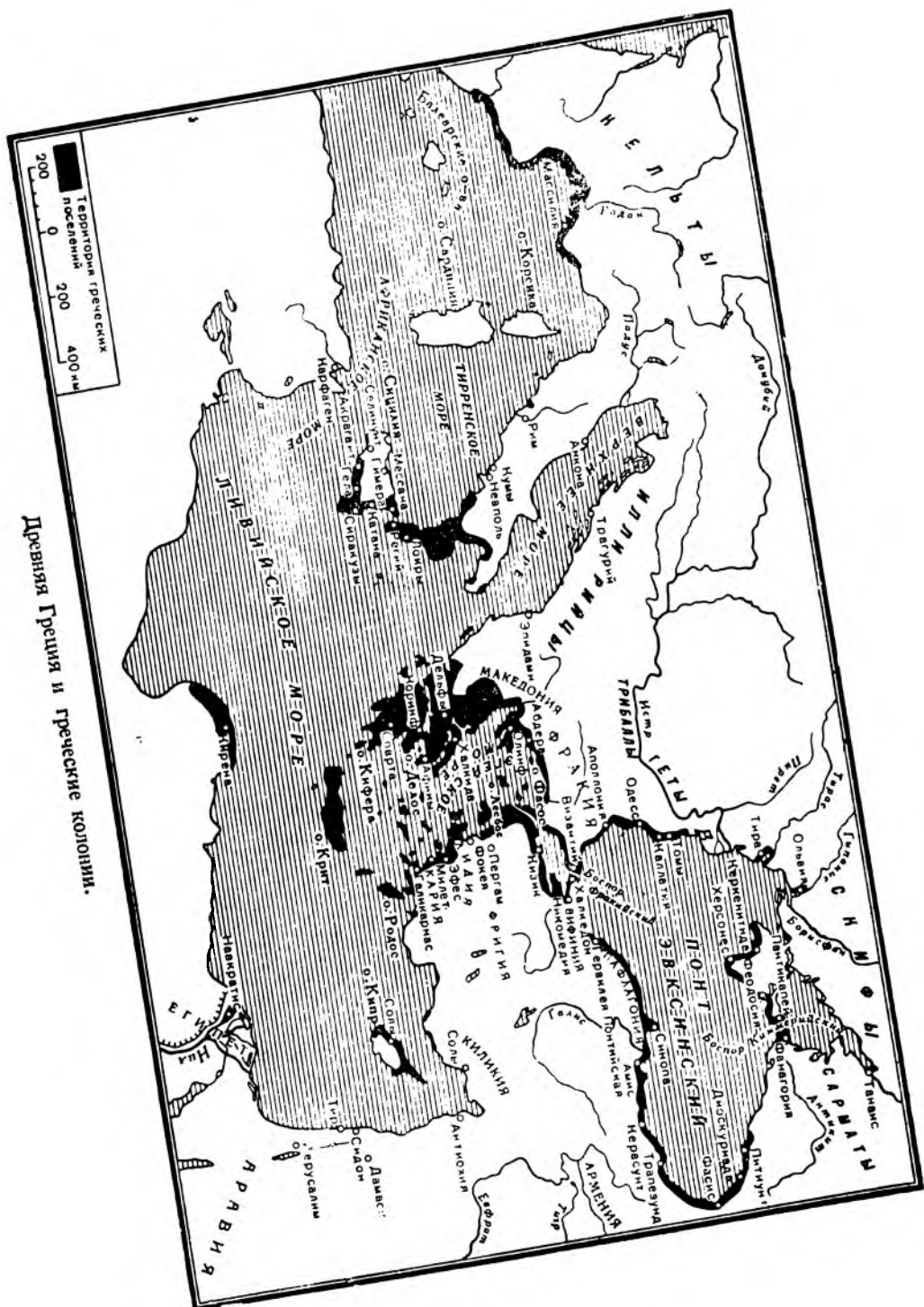
Если теперь от мифов и связанной с ними древней литературной традиции обратиться к тем античным писателям, которые

Бронзовое зеркало, найденное в Одесской области.

в своих описаниях Понта руководствовались уже интересами практического характера — интересами географическими, этнографическими и историческими, то окажется, что все они, начиная с самого раннего из них. Гекатея, писали уже в то время, когда на северном побережье Чёрного моря возникли постоянные поселения греческих колонистов. В лучшем случае у этих авторов можно почерпнуть отрывочные сведения, касающиеся основания отдельных колоний старыми греческими метрополиями, и некоторые скудные данные об особенностях быта местного населения древнейшей поры. В этом отношении не составляют исключения даже такие неоценимые источники наших сведений о Северном Причерноморье, как произведения Геродота и Страбона, ибо и они, если не считать отрывочных сведений о киммерийцах и скифских походах древнейшего времени в Малую и Переднюю Азию, почти ничего не дают нам для изучения периода, связанного с первым появлением греческих кораблей у северочерноморских побережий.

В целом начальный период в колонизационном освоении греками северного побережья Чёрного моря, таким образом, не нашёл себе достаточного отражения в античной литературной традиции. Частично этот пробел может быть восполнен и восполняется двоякого рода данными: материалом современных археологических исследований и теми сведениями, какими мы в настоящее время располагаем об общем развитии греческой колонизации.

Древняя Греция и греческие колонии.

За истекшие тридцать с лишним лет, за годы советского периода, археологическая деятельность на территории нашей страны в корне изменила свой характер. Отличительная и принципиальная особенность советской археологии заключается прежде всего в новой, единственно научной методологии: в марксистско-ленинских идеях, которыми руководятся советские археологи. В прямой связи с этим исчезла хищническая погоня за отдельными ценными находками — золотом, внешне эффектными произведениями искусства, — в поисках которых было безжалостно погублено столько первоклассных памятников древности. Несистематические, случайные раскопки отдельных памятников сменились плановыми, повторяющимися из года в год исследованиями значительных археологических комплексов, позволившими в ряде случаев раскрыть всестороннюю картину древней жизни.

Много дали новые методы в области датировки и отдельных памятников и целых культурных слоёв, расследуемых городищ. Основываясь на материале археологических исследований, теперь можно довольно точно определить время возникновения отдельных античных поселений на северном побережье Чёрного моря и тем самым связать их с определённым периодом в развитии греческой колонизации. Последнее обстоятельство весьма существенно. Греческая колонизация, сыгравшая большую роль в исторической жизни античного мира, — процесс в достаточной мере сложный. На различных этапах своего развития она определялась неоднородными факторами.

Возникновение греческих колоний во всём бассейне Средиземного моря, так называемая «великая колонизация» VIII—VI вв. до н. э., явилась закономерным результатом экономического и социального развития греческого общества.

Рост производительных сил, отделение ремесла от сельского хозяйства, развитие обмена, разложение родовой общины приводят к тому, что «Старое общество, покоящееся на родовых связях, взрывается в результате столкновения новообразовавшихся общественных классов; его место заступает новое общество, организованное в государство...»¹.

Процесс образования рабовладельческого государства составляет основное содержание внутренней истории Греции в так называемую «архаическую эпоху». При этом, конечно, приходится учитывать неравномерность в развитии отдельных областей Греции. Более передовые области скорее прошли путь от периода, связанного ещё с пережитками родовых отношений, тормозившими развитие производительных сил, к утверждению нового, более прогрессивного по тому времени социального строя, основанного на классовом делении.

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1950, стр. 4.

Становление этого нового общества протекало в обстановке ожесточённой борьбы. Из некогда однородной среды общинников выделилась родовая аристократия. В её руках сосредоточились лучшие земли. В ходе постоянных военных столкновений между греческими общинами львиная доля добычи доставалась аристократам. В зависимости от аристократии оказалась значительная часть прежде свободных общинников. Процесс социально-имущественного расслоения интенсивно развивался.

Золотая рыба из Феттерсфельда, V в. до н. э.

Характеризуя этот период в жизни Аттики, Аристотель пишет: «Главное было то, что бедные находились в порабощении (у богатых.— Д. К.) не только сами, но также и дети и жёны... Вся вообще земля была в руках немногих. При этом, если эти бедняки не отдавали арендной платы, можно было увести в кабалу и их самих и их детей. Да и ссуды тогда обеспечивали личной кабалой...» Нечто весьма сходное происходило в соседней с Атикой Беотии. Гесиод, беотийский поэт, живший на грани VIII и VII вв., в поэме «Труды и дни» рисует ту же картину. Беотийские крестьяне также были порабощены аристократией. Гесиод сравнивает крестьянина с соловьём, попавшим в когти ястреба.

Что ты, несчастный, пищишь, ведь на много тебя я сильнее.
Жалко пищал соловей, пронзённый кривыми когтями...
Как ты ни пой, а тебя унесу я куда мне угодно.
И пообедать могу я тобой и пустить на свободу.

Тяжёлое положение бедноты, стоявшей перед угрозой полной утраты свободы, и положение средних слоёв греческих общин, ущемлённых в своих правах всеильной аристократией, порождало ожесточённую классовую борьбу.

И. В. Сталин следующими словами характеризует социальные взаимоотношения античной эпохи: «Богатые и бедные, эксплуататоры и эксплуатируемые, полноправные и бесправные,

жестокая классовая борьба между ними — такова картина рабовладельческого строя»¹.

В конечном итоге демос одержал победу над родовой аристократией и навсегда лишил её былого значения, но даже и тогда, когда путь для дальнейшего развития производительных сил греческих городов оказался расчищенным, положение мало состоятельных слоёв свободного населения оставалось тяжёлым. Труд мелкого свободного производителя вытеснялся трудом рабов. Разорявшиеся крестьяне и ремесленники часто не находили применения своим силам на родине и были вынуждены переселяться в другие места.

Характеризуя причины этой принудительной эмиграции, К. Маркс писал: «В древних государствах, в Греции и Риме, принудительная эмиграция, принимавшая форму периодического устройства колоний, составляла постоянное звено в общественной цепи. Вся система этих государств была построена на определенном ограничении количества народонаселения, которого нельзя было превысить, не подвергая опасности самого существования античной цивилизации. Но почему это так было? Потому, что им было совершенно неизвестно применение естественных наук к материальному производству. Только оставаясь в небольшом числе, они могли сохранить свою цивилизацию. В противном случае они стали бы жертвами того тяжёлого физического труда, который тогда свободного гражданина превращал в раба. Недостаточное развитие производительных сил ставило граждан в зависимость от определенного количественного соотношения, которого нельзя было нарушать. Поэтому единственным выходом из положения была принудительная эмиграция»².

Ожесточённая борьба в греческих городах шла с переменным успехом. Часто для побеждённых эмиграция была единственным выходом. История архаического периода знает много случаев, когда побеждёнными оказывались демократические элементы, но ей известны также и такие случаи, когда покидать родной город были вынуждены аристократы. Так, в крупнейшем городе на побережье Малой Азии, Милете, в 40-х годах VI в. произошёл переворот. К власти пришли так называемые «средние» слои. Торговая аристократия, державшая раньше власть в своих руках, так называемые «вечные мореходы», пускается на поиски новой родины.

В рассматриваемое время ионийский Милет развивает совершенно исключительную колонизаторскую энергию. По словам античных писателей, им было организовано до 90 колоний.

Существенную роль в развитии колонизации в дальнейшем начинает играть быстро развивающаяся морская торговля. Если колонизация древнейшей поры по преимуществу носила аграр-

¹ И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 555.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 278.

ный характер и колонисты в местах нового своего поселения прежде всего принимались возделывать землю, то в более позднее время появляются колонии иного типа. В ряде случаев они носят характер земледельческо-торговый. Часть их населения продолжает заниматься земледелием, но, уже в расчёте на сбыт продукции своего труда, другая часть занимается ремёслами, наконец, выделяются группы, преимущественно занятые торговлей.

Во второй половине VII и VI вв. до н. э. появляются колонии типа торговых факторий. Это находится в прямой связи с превращением ряда городов греческой метрополии в крупные центры торговли и ремесленного производства. При этом наблюдается известная, если можно так выразиться, специализация их в этой области. Так, за Афинами, например, утверждается репутация центра керамического производства, Коринф производит панцири и другое оружие, Милет славится на всю Грецию своими шерстяными тканями. Вполне естественно, что в таких городах, усиленно экспортирующих продукцию своего ремесла, вывоз компенсировался ввозом сельскохозяйственных продуктов и сырья. Характерно, что афинские земледельцы в рассматриваемое время усиленно развивают виноградарство и оливководство. Виноград и олива перерабатываются в вина и растительное масло, имевшее у древних греков весьма широкое использование

Серебряный сосуд из кургана Куль-оба, IV в. до н. э.

(его использовали и в пищу, и для освещения, и в косметических целях). Потребность же в хлебе удовлетворяется за счёт импорта.

непрям. В развитии этой торговли решающую роль сыграла колонизация. Именно благодаря появлению поселений греческих колонистов не только на побережье Средиземного моря, но и на побережьях Мраморного и Чёрного морей торговые связи греческих городов достигли такого широкого масштаба. Ряд районов, отдалённых друг от друга зачастую очень значительным расстоянием, оказались теперь связанными оживлёнными торговыми сношениями.

В VII—II вв. до н. э. колонизационная проблема приобретает уже такой удельный вес, что становится в центре внимания античных государств. В таких сыгравших наибольшую роль в развитии колонизации городах, как Милет, возникает особый институт «ойкистов» — устроителей колоний, в прямую обязанность которых входит учреждение и организация новых колоний. Основание новых колоний тем самым приобретает значение важного государственного акта.

Суть дела, однако, от этого не меняется. По всем признакам частная инициатива в данном случае опережает инициативу государственную и ей предшествует. Следует думать, что и при участии ойкистов новые колонии возникли только в таких местах, которые были уже предварительно разведаны, освоены в торговом отношении и даже, может быть, частично обжиты предприимчивыми купцами-мореходами. Только при этих условиях вопрос об организованном выводе поселенцев, очевидно, ставился на рассмотрение органов государственной власти.

особенн. Характерная особенность греческой колонизации заключалась в том, что вновь основанные поселения быстро превращались в такие же большие и цветущие города, какими были и их метрополии. Это в полной мере распространялось и на особенности их социально-политической структуры.

Типичной чертой социально-политической жизни древних греков было, как известно, то, что каждый город (полис) с окружающей его небольшой территорией представлял собой отдельное государство. В этом отношении колонии в принципе ничем не отличались от городов-государств центральной Греции. Раз возникнув, они становились такими же самостоятельными городами-государствами, как и их метрополии. В отдельных случаях они сохраняли с ними тесную связь. В этих случаях связь между колонией и метрополией выливалась в форму дружественных или союзных отношений двух самостоятельных государств. В других случаях связь между ними порывалась. Нередки случаи, когда между колониями и метрополиями возникала острая вражда и военные столкновения.

В VIII—VI вв. до н. э. колонизационное движение развивалось прежде всего в направлениях, которые были подготовлены

доколониционными связями греческих племён, восходящими к микенской и домикенской эпохам. Эти связи первоначально выливались в форму междуплеменного обмена; отдельные вещи, переходя из рук одного племени в руки другого, иной раз оказывались отделёнными тысячами километров от места своего происхождения. Дальнейшее развитие этих сношений привело к установлению более прочных форм меновых отношений. Древняя торговля носила, однако, спорадический характер, часто переплетаясь с морским грабежом. С дальнейшим развитием производительных сил и переходом к военной демократии эти меновые сношения всё ещё не носили систематического характера. Тем не менее установившиеся тогда меновые связи сыграли потом, в пору развития греческой колонизации, свою роль. Греческие колонисты первоначально селились именно в тех местах, которые были охвачены этими связями.

В греческой колонизации вообще следует видеть процесс двусторонний. Успех её в одинаковой мере был обусловлен как причинами, стимулировавшими греков к переселениям, так и той обстановкой, какую они заставляли на местах своего нового поселения. Последнее в свою очередь всецело зависело от уровня развития производительных сил местного населения.

Наиболее благоприятные условия в этом отношении представляли собой близлежащие побережья и острова Эгейского моря. Однако уже в VIII в. греческие колонисты проникают на берега южной Италии и Сицилии. Здесь возникает ряд их поселений, многие из которых превращаются затем в цветущие города. Греческие города-колонии возникают и на западном побережье Италии. Самыми крупными городами были здесь Кумы и Неаполь. Ещё дальше на запад в устье Роны, на месте современного Марселя, греческими переселенцами была основана колония Массалия.

В свою очередь Массалия вывела ещё ряд поселений. Они были уже, если можно так выразиться, колониями колоний. Таким образом, греческая колонизация охватила всё северо-западное побережье Средиземного моря, включая и побережье Пиренейского полуострова.

На южном берегу Средиземного моря греки столкнулись с соперниками — финикийцами, другим народом древности, развившим не менее энергичную колонизаторскую деятельность. Все наиболее удобные места для поселений уже были ими заняты. Поэтому на южном побережье Средиземного моря греческие колонии утвердились только в двух местах: в устье Нила на земле, уступленной им египетским фараоном, где возникла колония Навкратис, и в Киренаике — области, получившей своё имя от греческого города-колонии Кирены.

Побережье Геллеспонта и побережье Мраморного моря, так же как и южный берег Чёрного моря, стали осваиваться греческими колонистами в VIII в. до н. э. Отдельные этапы этого колониза-

ционного продвижения нашли своё отражение в произведениях античных писателей. В частности, один из них — именно Евсевий, живший уже в конце античной эпохи, собрал у своих предшественников сведения об основании колоний и изложил их в своей «Хронике». По данным Евсевия, такие колонии, как Кизик на берегу Мраморного моря, Синопа и Трапезунд на южном берегу Чёрного, возникли в середине VIII в. до н. э., однако первоначальное существование этих колоний, являвшихся тогда, повидимому, небольшими посёлками, было кратковременным: переселенцы были вынуждены их покинуть под натиском киммерийцев.

Вторичное заселение тех же мест приходится уже на середину и вторую половину VII в. до н. э. К тому же времени относится основание на западном побережье Чёрного моря колонии Истры. По данным Евсевия, Истра возникла в конце 50-х годов VII в. до н. э. Несколько позднее — уже в конце VII в. — на том же побережье возникает Аполлония и вслед за ней другие колонии Западного Причерноморья. Они послужили опорными пунктами для дальнейшего продвижения мореплавателей и переселенцев на север.

Данные Евсевия, конечно, не могут претендовать на большую точность. Хронология раннего периода вообще связана с большими затруднениями, вызванными, в частности, отсутствием единой системы летосчисления. Тем не менее, если отбросить детали, его хронологический расчёт в основном подтверждается данными археологических исследований западного побережья Чёрного моря. Раскопки на южном турецком побережье до сих пор почти не производились. Что касается западного побережья, то производившиеся здесь раскопки в общем подтверждают данные Евсевия.

Как же решается вопрос о колонизации нашего северного побережья Чёрного моря?

В настоящее время можно считать твёрдо установленным, что ни один из наиболее древних культурных слоёв до сих пор расследованных античных поселений Северного Причерноморья, за исключением небольшого поселения на о. Березани, в дальнейшем прекратившего своё существование, не может быть датирован более ранним периодом, чем VI в. до н. э. Это находит себе объяснение, в частности, и в особенностях древнего мореплавания. Вплоть до V—IV вв. до н. э. оно преимущественно осуществлялось вдоль берегов. Только в IV—III вв. до н. э. появились суда, на которых можно было отважиться пересекать значительные морские пространства. Колонизационное освоение Понта поэтому началось с побережий Мраморного моря — Пропонтиды. Отсюда древние мореплаватели, попадая через пролив Босфор в Чёрное море, следовали дальше либо вдоль южного его побережья, либо вдоль западного. Именно на этих побережьях, как мы видели, возникают первые причерноморские колонии греков.

Вне зависимости от решения вопроса, каким из этих путей попадали первые греческие переселенцы в Северное Причерноморье, общая картина постепенного заселения черноморских побережий такова, что вряд ли колонизация северного побережья могла начаться раньше VI в. до н. э.

Результаты археологического исследования наиболее древних культурных поселений греков и имеющиеся сведения о времени заселения греческими колонистами других побережий

Чёрного моря в данном случае говорят об одном и том же: до VI в. колонизационный поток по всем признакам ещё не мог дотянуться до самого далёкого от средиземноморской метрополии греков района будущей колонизации.

Однако случаи захода в эти воды отдельных кораблей, несомненно, имели место и раньше. Они запечатали себя не только в древних сказаниях, но и в гораздо более реальных данных — вещественном материале.

На территории Северного Причерноморья, как правило, не на самом побережье, но на известном, иной раз значительном от него расстоянии был найден ряд вещей безусловно греческой работы, безусловно импортных и в то же время безусловно относящихся к периоду, предшествующему появлению здесь постоянных греческих поселений.

Таких вещей, правда, немного. К числу их относятся фрагменты «родосско-милетских» ваз и родосских киликов, найденных в 1909—1940 гг. в Подольщине на территории Немировского городища, горло родосско-милетского сосуда, найденного в 1863 г. в Чигиринском районе Киевской области, родосско-милетская ваза из погребения на Темир-горе близ Керчи, фрагмент ионийского сосуда из Ольвии, два фрагмента ионийских архаических сосудов из Коперского округа близ Криворожья, наконец, ряд находок на о. Березани, на котором раньше, чем в каком-либо другом пункте Северного Причерноморья, возникло небольшое поселение.

Датировка всех этих вещей VII в. до н. э. не вызывает никаких сомнений. Как в таком случае согласовать факт проникновения в Северное Причерноморье в VII в. до н. э. единичных вещей греческого происхождения с другим отмечавшимся выше фактом — датировкой наиболее древних культур-

Золотая шейная гривна из кургана
Куль-оба, IV в. до н. э.

ных слоёв, всех, за исключением Березани, расследованных до сих пор северочерноморских колоний временем не раньше чем VI в. до н. э.?

Оба эти факта не находятся в противоречии друг с другом. Напротив, они могут послужить основанием для весьма важного вывода. Отдельные вещи греческого происхождения, очевидно, проникли внутрь страны в результате торгового обмена между греками и местным населением. Значит, этот обмен существовал до возникновения на северном побережье постоянных поселений греков — он предшествовал постоянным поселениям и, очевидно, подготовил для них почву.

Тем самым перед нами раскрывается весьма существенная особенность греческой колонизации Северного Причерноморья. Всё говорит за то, что греки стали появляться в этих местах только в ту пору, когда их колонизаторская деятельность достигла в своём развитии уже известной зрелости и маршруты греческих кораблей всё в большей и большей мере стали определяться интересами растущей из десятилетия в десятилетие торговли.

Таким образом, то, что может быть названо торговым колонизационным освоением Северного Причерноморья, началось примерно за столетие до возникновения старейших греческих колоний на берегах Керченского пролива и Ольвии на юго-западе.

По аналогии с тем, что мы знаем о заселении других районов греческой колонизации, не так уж трудно представить, как всё это произошло. Сначала греческие торговые суда, очевидно, только время от времени, от случая к случаю, наездами посещали эти берега, и после обмена и продавцы, и покупатели надолго расходились в разные стороны. Потом, когда обоюдная выгода от этого общения была осознана и теми и другими, встречи между местным населением и греками стали учащаться, и на побережье появились так называемые эмпории — торжища, куда в известное время года приезжали со своими предназначенными для обмена товарами местные жители и подплывали торговые корабли греческих купцов.

Слово «эмпорион» в греческом языке имеет значение не только места, где производится торговля, но и складочного пункта, своего рода торговой фактории.

Совершенно естественно, что на ставших уже привычными и для греков, и для местных жителей местах их постоянных встреч стали строить складочные помещения для товаров и жилые помещения для высаживающихся на берег моряков и предпринимателей. Так постепенно на территории эмпориев возникают посёлки. Первоначально в них, можно думать, жили только в периоды проведения обменных операций, а в остальное время года они пустовали. В дальнейшем здесь появляется постоянное население, посёлок обносится стенами, возникают

органы управления, и новая колония получает жизнь. Не следует упускать из виду, что источники пополнения переселенческих контингентов в античной Греции никогда не оскудевали.

Всё говорит за то, что в развитии греческой колонизации Северного Причерноморья существенную роль играла торговля. Интересы морской торговли стимулировали старые греческие метрополии создавать торговые фактории на побережьях Чёрного моря. Это, конечно, не исключило занятия сельским хозяйством части обитателей вновь основанных поселений.

В VI в. до н. э. потребность в причерноморском сырье и особенно в хлебе ощущалась уже многими греческими городами. Греческое ремесло также нуждалось в рынке сбыта для своей продукции. Заинтересованность в этом в первую очередь ощутили города побережья Малой Азии — наиболее передовые и экономически развитые греческие города того времени.

Широкое распространение ионийской архаической керамики по всем побережьям Чёрного моря наглядно свидетельствует, как много ими в этом направлении было сделано в течение VII—VI вв. до н. э. С первой четверти VI в. становится заметным распространение по побережьям Чёрного моря и аттической чернофигурной керамики.

Существуют известные основания связывать эти устремления афинян в Чёрное море с событиями, имевшими место в самих Афинах — с реформами Солона. В годы правления Пизистрата Чёрное море и проливы, соединяющие его с Средиземноморьем, уже безусловно становятся одной из самых актуальных внешнеполитических проблем, затронувших жизненные интересы целого ряда греческих городов. Когда афинский тиран Пизистрат, опираясь на своих союзников, овладел Херсонесом Фракийским и Сегеем и тем самым поставил под афинский контроль важнейший торговый путь, — это был крупнейший успех в его внешней политике, во многом способствовавший расцвету Афин.

Греческие колонии на побережьях Чёрного моря, в частности северочерноморские колонии, таким образом, в VI в. до н. э. приобретают исключительное значение в экономической жизни Греции. Они становятся поставщиками сырья, хлеба и рабочей силы — рабов. От их деятельности зависит материальное благосостояние многих греческих городов.

Известно, что торговая деятельность составляла одну из основ экономической жизни северочерноморских городов-колоний в более позднем и потому нам значительно лучше известном периоде их истории. Есть все основания признать эту упоминаемую особенность северочерноморских колоний изначальной особенностью колонизации Северного Причерноморья, ибо она обнаруживает себя уже в доколониционном или, правильнее сказать, предколониционном периоде.

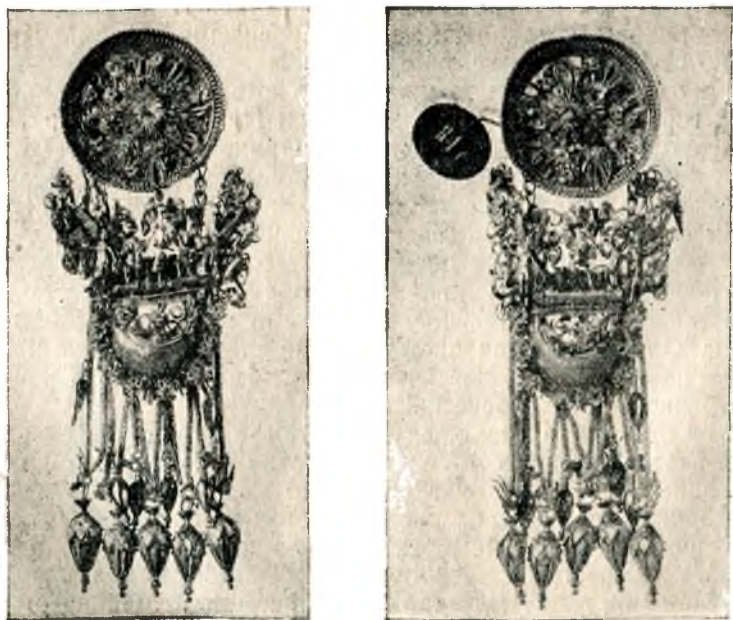
Было бы, конечно, неправильно думать, что торговая деятельность полностью подавила в северочерноморских колониях

другие виды хозяйственной деятельности. В пределах непосредственно окружавшей их территории, т. е. в пределах так называемых своих земель — «хорай», северочерноморские города, как и вообще подавляющее большинство городов древних греков, располагали своей собственной производящей сельскохозяйственной базой.

В Херсонесе, например, сельское хозяйство играло едва ли не первую роль в его экономике. Точно так же оно занимало значительное место в хозяйственной жизни поселений, возникших на обоих берегах Керченского пролива — древнего Боспора Киммерийского.

Импорт ремесленной продукции не помешал развитию и местного производства. Следы его обнаружены в раскопках. Тем не менее в первые века, истекшие от начала колонизации, торговля в северочерноморских городах-колониях безусловно занимала среди других видов их хозяйственной деятельности весьма видное место. Установление этого факта открывает путь к ряду других не менее существенных выводов.

Торговля — процесс двусторонний. Торговые отношения лишь тогда приобретают благоприятную почву для своего развития, когда они отвечают потребностям и интересам обеих участвующих в торговом обороте сторон. Отсюда ясно, что греческие море-

Пара золотых серёг из кургана Большая Близница с изображением Ники (богини победы), IV в. до н. э.

ходы и купцы не стали бы основывать на северном побережье Чёрного моря свои торговые фактории и эти последние не превратились бы в постоянные их поселения и не пустили бы таких глубоких корней на новой почве, не оказалась сложившаяся к этому времени в Северном Причерноморье обстановка благоприятной для их торговой деятельности.

Было бы наивно думать, что греки научили северочерноморских жителей торговать. Следовательно, перед нами ещё одно доказательство того факта, что к началу греческой колонизации развитие производительных сил местного общества и связанных с ними производственных отношений достигло уже уровня, способного обусловить взаимные выгоды торгового общения между пришлым и местным населением.

Греческая колонизация Северного Причерноморья с этой точки зрения также выступает перед нами в чертах процесса двустороннего, одинаково обусловленного и ходом развития средиземноморской Греции и историческим развитием общества Северного Причерноморья. Местные северочерноморские предпосылки колонизации в сложившихся условиях приобретают не менее существенную роль, чем, если так можно выразиться, греческие её факторы.

Было бы, однако, ошибочным рассматривать торговлю той далёкой эпохи по аналогии с более поздним периодом её развития. Суть дела тут заключалась в том, что греческий спрос на северочерноморское сырьё, судя по многим данным, был значителен уже в архаическое время. Между тем производительность сельскохозяйственного труда в древности была ещё относительно низкой. При таких условиях отдельный прибрежный район не был в состоянии удовлетворить спрос греков.

Из характеристики Геродота северочерноморских племён, находившихся в сфере торговой деятельности Ольвии, становится ясным, какой обширной должна была быть территория, способная удовлетворить экспортные потребности только одной греческой колонии. Не следует при этом упускать из виду, что эта характеристика относится уже к середине V в. до н. э. Но если представить себе обстановку, сопутствовавшую первым десятилетиям существования колоний? Вот тут-то и выступают на первый план связи между местными племенами. То, что было не по силам населению одного прибрежного района, оказалось вполне возможным для совокупности многих племён, связанных многовековыми узами взаимного общения.

Этот факт в полной мере подтверждается археологией, которая не знает ни одного случая скопления греческих импортных вещей раннего времени в пределах небольших, ограниченных побережьем территорий, и, напротив, даёт ясную картину рассеяния этих вещей по огромному пространству.

Центрами греческой колонизации на северном побережье Чёрного моря именно по этим причинам делаются районы, при-

легающие к большим магистралям. Все колонии возникают на таких магистралях, исключая, может быть, Херсонес. Но Херсонес, как будет показано дальше, составляет исключение и в другом отношении. Это единственная греческая колония в Северном Причерноморье не столько торгующая, сколько производящая, во всяком случае обладающая своей собственной сельскохозяйственной базой на Гераклийском полуострове.

Успех колонизации, таким образом, зависел не от преуспевания отдельных населённых пунктов или районов этой страны, а от развития производительных сил её населения в целом, от развития связей между различными населяющими её племенами и группами племён, от её исторического прошлого, от уровня развития местной культуры.

СЕВЕРОЧЕРНОМОРСКИЕ ГОРОДА-КОЛОНИИ

Древнейшее из известных до сих пор северочерноморских поселений греков возникает в западной части этого побережья на небольшом острове Березани, расположенном в непосредственной близости от западного берега Буго-Днепровского лимана между нынешними городами Николаевом и Очаковом.

Раскопки на этом острове показали, что здесь уже в VII в. до н. э. существовало греческое поселение, судя по ряду археологических признаков, — ионийская торговая фактория. В конце VI в. до н. э. или в самом начале V в. до н. э. она заглохла и вновь возродилась в виде рыбацкого посёлка уже в римское время.

Первые греческие колонисты, таким образом, предпочли поселиться на острове. Очевидно, они опасались сразу же основать своё поселение на ещё мало им известном материке среди воинственных местных племён.

Поселение на Березани в этом отношении не представляет собой исключения. Из семи греческих колоний, возникших примерно в то же самое время на западном побережье Чёрного моря, две наиболее древние — Истр и Аполлония — также были расположены на находившихся вблизи побережья островах. Вторая из двух названных колоний — Аполлония, по свидетельству Страбона, лишь позднее распространилась на материк.

Островное местоположение упоминаемых древнейших поселений греческих колонистов вряд ли случайно. Создавая гарантии известной безопасности для первых поселенцев, оно в то же время позволяло им разведать близлежащую местность и завязать сношения с местным населением.

В ходе последующей колонизации северочерноморского побережья поселение на Березани, очевидно, сыграло роль своего

рода отправного пункта. Существование этого поселения, во всяком случае, следует поставить в связь с возникновением в устье Буго-Днепровского лимана Ольвии, в дальнейшем одного из самых богатых и крупных греческих городов Северного Причерноморья.

Этот город известен античной литературной традиции и, в частности, Геродоту ещё под именем Борисфена, хотя официальным его названием, засвидетельствованным и на монетах и в надписях, была Ольвия или Ольвиополис.

По свидетельству хроники Евсевия, дающей нам небольшое число сведений о времени основания черноморских колоний греков, Борисфен был основан в середине VII в. до н. э.

Существенен вопрос, подтверждается ли сообщаемая Евсеем дата основания города материалом археологических исследований.

Руины Ольвии издавна вызывали интерес. С середины XIX в. они становятся предметом внимательного изучения со стороны ряда крупных русских учёных-археологов того времени: Уварова, Кавелина, Тизенгаузена и, наконец, выдающегося русского археолога Б. В. Фармаковского. С начала XX в. раскопки Ольвии, проводившиеся из года в год под руководством Б. В. Фармаковского, приобретают систематический и строго научный характер. Можно сказать, что с этого времени Ольвия становится главным центром античной археологии на территории России, открывшей новую страницу в истории русской археологии.

Особенно много было сделано в области археологического изучения Ольвии в годы советского периода. Хотя и по сей день не вся ещё площадь древнего города охвачена раскопками, но то, что расследовано, расследовано очень тщательно. Во многих отношениях проводимые советскими археологическими учреждениями раскопки Ольвии, несомненно, являются образцовыми, и известный нам ольвийский археологический материал служит надёжным фундаментом для выводов. Между тем приходится констатировать, что этот материал не подтверждает Евсевия. До сих пор на территории Ольвийского городища был найден только один обломок греческой вазы, бесспорно датируемый VII в. до н. э. Древнейший культурный слой Ольвии в целом характеризуется находками, относящимися уже к VI в. до н. э.

В современной литературе было высказано предположение, не относится ли сообщаемая Евсеем дата к поселению на острове Березани. Может быть, не случайно, отмечая в своей хронике возникновение новой колонии, Евсевий называет её не Ольвией, а Борисфеном. Может быть, название «Борисфен» первоначально относилось к поселению на Березани. Если жители этого поселения в дальнейшем приняли участие в основании Ольвии, то они легко могли перенести имя своего прежнего и потом заглохнувшего поселения на новое место. Такое предположение тем более вероятно, что история северочерноморской ко-

лонизации знает другой случай перенесения старого названия на новое место. Несколькими веками позже, когда на другой, восточной стороне северочерноморского побережья заглохло под влиянием изменения режима реки античное поселение у современной станицы Елисаветовской, его имя «Танаис» было перенесено переселившимися жителями на другое место близ современного села Недвиговки.

Местоположение Ольвии во многих отношениях отличалось выгодностью. Она находилась на правом берегу Буга (древнего Гипаниса), немного выше того места, где Буг, соединяясь с Днепром, образует Буго-Днепровский лиман. Такое местоположение в сочетании с близостью к морю создавало удобства для заходящих сюда кораблей.

С внутренними областями окружающей её страны, плодородной и с незапамятных времён заселённой замлельческими племенами, Ольвия была связана двумя большими судоходными реками. От внезапного нападения врагов её защищали естественные преграды: с восточной стороны — река, ширина которой в этом месте достигает семи километров; с запада и севера — глубокие овраги и балки: Заячья и Северная.

По своей форме территория между рекой и названными балками представляет собой треугольник. Этот треугольник и стал площадью города.

Заселение его началось, как теперь установлено раскопками, с приречной части — с так называемого «нижнего города». Площадь «нижнего города» в настоящее время не сохранилась в том виде, в каком она была в древности; частично её размывла река.

«Нижний город» одной своей стороной примыкал к речному берегу. Здесь находилась гавань. С трёх других сторон «нижний город» окружён высотами. На этих высотах потом расположился так называемый «верхний город».

В V в. до н. э., т. е. примерно спустя столетие от основания Ольвии, и нижняя и верхняя часть города были уже заселены. В IV в. до н. э. городские кварталы распространились едва ли не на всю площадь известного нам теперь городища.

Раскопки северной части города раскрыли следы оборонительных стен и башен V—IV вв. до н. э. О существовании городских укреплений упоминает и Геродот, который, по всем признакам, лично побывал в Ольвии.

Толщина ольвийских оборонительных стен местами достигала 4 м, а с башен — достаточно высоких, судя по сохранившимся фундаментам, можно было наблюдать всё, что происходит далеко в степи и в самом городе.

Башни были расположены по обеим сторонам главных городских ворот. От этих ворот шла центральная улица, разветвлявшаяся в двух направлениях: одна ветвь вела в «верхний город», другая — в центральную часть «нижнего». К главной улице при-

мыкали остальные улицы: одни из них её пересекали, другие шли ей параллельно. Обычного для греческих городов акрополя, повидимому, в Ольвии не было.

Сохранившиеся остатки ольвийских домов V—IV вв. до н. э. свидетельствуют о высоком уровне строительной техники.

Отдельные архитектурные детали, преимущественно привозная скульптура и художественная расписная керамика, существенно дополняют общую картину материальной и культурной жизни города в первые века его существования. Вскоре после своего возникновения Ольвия стала цветущим греческим городом, успешно торговавшим с соседями и поддерживавшим живую и постоянную связь с средиземноморской метрополией.

Вторым районом греческой колонизации в Северном Причерноморье стали берега Боспора Киммерийского — Керченского пролива, восточное побережье Крыма и побережье Таманского полуострова, в древности представлявшего собой группы островов, образуемых дельтой Кубани.

Край этот отличался исключительным плодородием. По свидетельству Страбона, земля, взрыхлённая здесь любым сошником, давала урожай сам-тридцать. Воды Азовского моря и Керченского пролива изобиловали рыбой.

Местное земледелие к началу колонизации достигло относительно уже весьма высокого уровня. Судя по ряду находок, здесь возделывалась пшеница, ячмень, просо, бобовые и другие культуры. Неизменно обнаруживаемые при раскопках местных поселений глиняные грузила и рыба чешуя свидетельствуют о развитии рыболовства. Широкое развитие коневодства и скотоводства засвидетельствовано находками костей домашних животных и уже упоминавшимся обычаем массового ритуального умерщвления лошадей.

Местное население, состоявшее из меотийских и скифских, частью оседлых, частью кочевых племён, не только в эпоху, непосредственно предшествовавшую колонизации, но и потом, на всём протяжении веков античного периода, продолжало сохранять племенную структуру. Характеризуя меотов, Страбон, например, прямо указывает, что они делились на целый ряд племён: синдов, дандариев, торгатов, агров, тарпедов, обиднакенов, ситтакенов, досхов и многих других. Целый ряд из этих племенных имён известен также по боспорским надписям.

Первым греческим колонистам, таким образом, пришлось здесь столкнуться с племенной раздроблённостью населения, затронутого уже, однако, процессом социально-имущественной дифференциации.

Античная традиция сохранила нам свыше тридцати названий, возникших здесь в разное время населённых пунктов.

Самые древние и крупные из них: Пантикапей (на месте нынешней Керчи), Феодосия (на месте нынешней Феодосии), Фанагория, Гермонасса и Кепы.

По свидетельствам античных писателей, Пантикапей, Феодосия и Кепы были основаны ионийскими греками, выходцами из Милета. Метрополией Фанагории также был ионийский Теос. Сведения об основании Гермонассы менее определённые; по одним данным, она также была ионийской колонией, по другим — колонией Митилены, эолийского города на о. Лесбосе. Трудно сказать, какой из этих двух версий следует отдать предпочтение. Вопрос этот, впрочем, не имеет принципиального значения для уяснения характерных особенностей северочерноморской колонизации; явное преобладание в ней ионийцев не может возбуждать никаких сомнений. Никаких прямых указаний на время основания отдельных колоний на берегах Боспора Киммерийского в литературных источниках не содержится. Используя литературную традицию, этого рода данные можно установить лишь весьма приблизительно, главным образом путём сопоставления различных литературных источников.

Так, например, свидетельство Арриана об участии в основании Фанагории некоего теосца Фанагора, очевидно ойкиста этой колонии, который, как говорит Арриан, «бежал от персидской наглости», можно сопоставить с рассказом Геродота о взятии Теоса персидским полководцем Гапаргом, последовавшем вскоре после завоевания Киросом в 546 г. Лидийского царства. По словам Геродота, жители Теоса тогда были вынуждены чуть ли не поголовно покинуть свой город. Часть их могла переселиться и на побережье Тамани. По этому можно предположить о времени основания Фанагории.

Не меньшее значение в освещении вопроса о времени возникновения боспорских колоний имеют те сведения, какие мы можем почерпнуть из литературных источников по истории Милета VII—VI вв. до н. э. Из всех городов средиземноморской Греции Милет, как указывалось, проявил наибольшую энергию в основании новых колоний. Если традиционная цифра в 90 якобы выведенных им колоний и представляется некоторым преувеличением, то всё же именно Милет явился метрополией для большинства возникших в Северном Причерноморье греческих городов. При этом важно подчеркнуть, что наибольшее напряжение острой социальной борьбы, происходившей в Милете, как и в других греческих городах, относится к первой половине VI в. до н. э. В это время в Милете происходит переворот, и к власти приходят средние слои населения, не утратившие ещё связи с землёй. Торговая аристократия, державшая раньше власть в своих руках, так называемые «вечные мореходы» (характерное название!), навсегда утрачивает прежнее политическое господство. Таким путём удаётся подкрепить предположение о возникновении ряда боспорских колоний именно в первой половине VI в. до н. э. ✓

Как бы ни были иной раз убедительны такого рода предположения, доказательная их сила неизмеримо увеличивается, когда они подкрепляются археологическим материалом.

В результате старых и новых раскопок и отдельных исследований и более или менее случайных археологических находок такого материала накопилось достаточно много. Опираясь на весь этот материал, современная археология может дать ответ на целый ряд весьма существенных вопросов, в частности и на вопрос о времени возникновения тех из известных нам поселений, городища и некрополи которых были подвергнуты исследованиям.

Из их числа некрополь Пантикапея известен больше и лучше остальных. Его стали раскапывать ещё с начала XIX в.; суммируя результаты этих исследований, можно считать, что с первой половины VI в., а может быть и с самого начала его, Пантикапей уже существовал. Об этом с ясностью говорит найденная в древнейших пантикапейских погребениях самосская и коринфская керамика середины второй половины VI в. до н. э. Чернофигурная посуда, захватывающая и начало V в. до н. э., представлена таким количеством находок, что существование в это время города становится совершенно очевидным. Повидимому, к середине VI в. до н. э. относятся и первые из известных нам пантикапейских монет.

Что же представлял собой этот город в первую пору своего существования?

Погребальный инвентарь архаического периода создаёт совершенно определённое впечатление господства импортной греческой керамики над сосудами, изготовленными на месте. В своей массе — это продукция греческих мастерских, малоазийского, а может быть, частично и аттического происхождения.

Такое же впечатление относительной бедности производит и весь остальной материал, добытый при исследовании древнейших погребений. Золотые вещи почти не встречаются. Самые могилы представляют собой или трупоположение в простых земляных ямах, лишь изредка обложенных сырцовым кирпичом, или трупоположение в скромных погребальных урнах. Такого типа погребения не отличаются оригинальностью. Аналогии к ним как в отношении способа погребения, так и в отношении характера погребального инвентаря можно без труда найти в самой Греции, в некрополях архаического периода ряда городов.

Далее обращает на себя внимание почти полное отсутствие не только в Пантикапее, но и в других боспорских поселениях находок кровельной черепицы старше конца V в. до н. э. или начала IV в.

Это значит, что в городах рассматриваемого времени почти ещё не было зданий, способных выдержать тяжесть такого кровельного перекрытия. Городское население, строя свои дома, как правило, пользовалось глинобитными кровлями или делало их из камыша и соломы.

Архаический Пантикапей, таким образом, представляется нам пока ещё очень скромным по уровню материального достатка

поселением. Население этого города, судя по всему, придерживалось в своём быту обычных для всех эллинов форм жизни и обрядов.

По своему характеру чрезвычайно близки к некрополю Пантикапея городище и некрополь Фанагории.

Местоположение этого города в 3 км к юго-западу от современной станицы Сенной в настоящее время можно считать твёрдо установленным. Начиная с конца XVIII в., на протяжении всего XIX в. и первых десятилетий XX в., здесь время от времени производились раскопки. В результате этих раскопок на территории Фанагории было раскрыто немало погребений с богатым и интересным инвентарём и обнаружены остатки монументальных городских сооружений. Бессистемность всех этих работ, однако, привела к тому, что до 1936 г., когда Государственный Исторический музей и Московский музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина организовали сюда совместную экспедицию, на всей площади прежних раскопок не было зафиксировано ни одного погребения и ни одного культурного слоя старше V в. до н. э. Появлению твёрдых археологических доказательств существования Фанагории с середины VI в. до н. э. советская историческая наука целиком обязана деятельности экспедиций вышеуказанных московских учреждений.

Начиная с 1936 и по 1950 г. ими была вскрыта и исследована значительная площадь на территории древнего городища и обнаружены не только большое число керамики, относящейся к VI в. до н. э., но и следы архитектурных сооружений того же времени. Таким образом, вопрос о времени возникновения Фанагории не позже середины VI в. до н. э., решается теперь с полной определённости.

Общий облик этого города в первые века его существования по всем признакам, так же как и облик Пантикапея, был греческим. Это особенно ясно сказывается в характере существовавших в Фанагории культов. По свидетельству ряда античных авторов, вблизи города существовал пользовавшийся большой популярностью среди всех боспорских греков храм Афродиты Апатуры. В 1929 г. уже на территории самой Фанагории был найден фрагмент архитрава, судя по которому можно предполагать существование в самом городе особого храма Геракла. Из фанаторийских надписей следует, что здесь появился также культ Аполлона-Врача.

Излишне подчёркивать, что все эти культы, получившие широкое распространение по всем боспорским городам, носят эллинский характер и что, следовательно, приверженность к ним колонистов лишней раз демонстрирует прочность их связей с родиной.

Экономическая основа этих связей, точно так же, как и в Пантикапее, раскрывается в особенностях керамики. И здесь и там наблюдается преобладание импортной керамики над местной.

Анализ этой керамики обнаруживает постоянное и длительное общение обоих городов с ионийским побережьем Малой Азии, Атикой, Родосом, Фасосом, Делосом, Гераклеей Понтийской и другими центрами эллинского мира.

В то же время Пантикапей и особенно Фанагория играли несомненную роль в широком распространении греческих изделий по всему Крыму и прилегающей к нему степной полосе, по всей территории Таманского полуострова и Северного Кавказа. Это показывает, что посредническая торговля занимала крупное место в экономической жизни обоих городов. Тем самым получают объяснение и прочность связей Пантикапея и Фанагории со старыми греческими центрами и постоянное их общение с местным населением. Последнее, конечно, не могло не наложить своего отпечатка на материальную культуру северочерноморских колоний, породив известное её своеобразие.

К юго-западу от городища и некрополя Фанагории, на территории современной станицы Таманской, по всем признакам существовал ещё один древний эллинский город. С большой долей вероятия его отождествляют с Гермонассой. Раскопки этой территории обнаружили в нижних её слоях ионийскую керамику, восходящую ко второй половине VI в. до н. э. Тем же временем датируются и древнейшие из раскопанных здесь погребений.

В 1913 г. на территории Таманской станицы была найдена надпись, представляющая собой какой-то список граждан. По характеру письма и диалектическим особенностям она относится к IV в. до н. э. Ценность этой надписи в том, что она позволяет составить представление о населении Гермонассы. В списке перечислено 38 имён. Из них одно фригийское и одно местное; все остальные — чисто греческие. Типичный ионийский язык надписи ясно показывает, что древний город был заселён выходцами с побережья Малой Азии.

Древние Кепы весьма предположительно отождествляются с некрополем и следами городища, расположенными к северо-востоку от Фанагории, на восточном берегу Таманского залива, между хуторами, которые вошли в археологическую литературу под именами их прежних владельцев — Пивнева и Артюхова.

Территория эта раскапывалась весьма поверхностно. Подавляющее большинство раскрытых в процессе раскопок погребений датируются III в. до н. э., хотя в отдельных могилах была обнаружена чернолаковая керамика и более раннего времени.

При таких условиях в решении вопроса о времени основания этого поселения приходится снова обратиться к литературным источникам. Как уже указывалось, античные авторы единодушно называют Кепы колонией, выведенной Милетом. Нет никаких оснований не доверять этим свидетельствам. Если же их принять, то окажется, что Кепы могли возникнуть в качестве милетской

колонии никак не позже первых лет V в. до н. э., ибо милетская колонизация на Чёрном море совершенно замирает после 494 г. до н. э., когда персы подвергли все города малоазийского побережья сокрушительному разгрому.

В различных пунктах Таманского полуострова и в районе нынешней Анапы и Новороссийска и севернее, по побережью Азовского моря, сохранились следы ещё целого ряда древних городищ и древние погребения. Одни из них, как, например, так называемое Семибратнее городище в низовьях Кубани близ ст. Варенковской, были исследованы более или менее детально, другие, в их подавляющем большинстве,— лишь поверхностно, в порядке предварительных археологических разведок; многие вообще не расследованы.

Подавляющее большинство этих городищ обладает всеми чертами местных поселений. Каждое из таких поселений обычно занимает небольшую площадь от 1,5 до 3 га, защищённую валом. Внутри вала часто встречаются насыпи, может быть служившие наблюдательными пунктами. Строительные остатки показывают, что в рядовых местных поселениях жилища строились из жердей и камыша. Некоторые из этих поселений, судя по имеющимся данным, уже существовали во второй половине VI в. до н. э. С конца V в. и в IV в. число поселений заметно увеличивается.

Страбон и Птолемей отмечают только самые крупные из населённых пунктов азиатского Боспора, причём, очевидно, только такие, которые в их глазах были по составу населения греческими или полугреческими. К их числу относится Синдская гавань и Горгиппия. Местоположение последней благодаря находке надписей и черепичных клейм с её именем точно отождествляется с территорией современной Анапы. Самым северным из перечисленных ими поселений был, повидимому, Киммерий, расположенный где-то в районе Азовского побережья. Синдская гавань, Горгиппия и Киммерий явились, по данным литературных источников, плодом уже не внешней, а внутренней боспорской колонизации не ранее середины IV в. до н. э., ибо только с этого времени делается заметным развитие боспорской территориальной экспансии.

Не перечисляя по имени других приводимых литературной традицией поселений азиатского Боспора, следует, однако, отметить, что возникновение большинства из них, повидимому, относится всё к тому же периоду максимального подъёма колониционной деятельности ионийцев, падающего на вторую половину VI в. и первые годы V в. до н. э.

Так, в 1931 и 1948 гг. незначительные археологические расследования одного небольшого городища в северной части азиатского Боспора (на полуострове Фонтан, вблизи Запорожского хлопкового совхоза), весьма предположительно отождествляемого с древним Патрээм, позволили обнаружить типичную греческую

Фигурная расписная ваза-сфинкс
из Фанагории, IV в. до н. э.

керамику VI—III вв. до н. э. в значительной своей части импортного происхождения.

То же можно сказать и о ряде древних поселений на европейском берегу пролива. Они располагались и к северу и к югу от Пантикапея, вдоль всего побережья; на юге — до самой Феодосии, за которой, по словам Страбона, начиналась уже территория, заселённая таврами.

Раскопки самой Феодосии были затруднены главным образом тем, что древняя её площадь сплошь застроена кварталами современного города. В лучшем положении находится феодосийский некрополь. Производив-

шиеся до сих пор раскопки его, впрочем, не отличались систематическим характером. Несмотря на это, там был найден целый ряд первоклассных в художественном отношении вещей. Имеющиеся данные позволяют утверждать, что в середине и второй половине VI в. до н. э. древняя Феодосия уже несомненно существовала. Греческий её облик особенно ясно сказывается в некрополе. Из всех северочерноморских городов Феодосия единственная, в некрополе которой до сих пор не обнаружено ни одного местного погребения или погребения со смешанным греко-скифским инвентарём. Все погребения, представляющие собой по большей части трупосожжения, носят ярко выраженный характер греческого погребального ритуала.

Из числа других поселений европейского побережья обстоятельно и систематически исследовались: Мирмекий, Тиритака и в последние годы — Нимфей и Илурат. Все они находились в непосредственной близости к Пантикапею: Мирмекий — к северо-востоку от него, в районе современного Керченского металлургического завода; Тиритака — к югу, на территории нынешнего Камыш-Буруна; Нимфей — несколько южнее Камыш-Буруна, у селения Героевка. Возникновение первых трёх поселений в VI в. до н. э. доказывается как рядом находок керамики этого времени, так и строительными остатками. Самым северным из боспорских античных поселений был Танаис, возникший в конце V в. до н. э.

близ устья Дона, в окрестностях современной станицы Елисаветовской, на месте существовавшего здесь и раньше местного поселения.

Итак, одни из боспорских поселений, как Киммерий, Танаис, Синдский порт, Горгиппия, появились позже и были обязаны своим возникновением внутренней боспорской колонизации, другие были непосредственно выведены старыми эллинскими метрополиями или возникли в пору максимального подъёма колонизационной волны в результате, так сказать, первоначального расселения греческих колонистов. Во всех тех случаях, когда археологическое исследование ставило своей задачей в отношении этой последней группы поселений хронологическое определение наиболее древних культурных слоёв, почти каждый раз удавалось обнаружить следы существования этих поселений уже в VI в. до н. э., причём это относится не только к таким большим городам, как Пантикапей и Фанагория, но и к таким гораздо более скромным по своим размерам и значению поселениям, как Тиритака, Мирмекий и Патрэй.

Создаётся совершенно определённое впечатление, что чуть ли не все выведенные сюда старыми ионийскими метрополиями колонии были основаны главным образом на протяжении VI в. до н. э.

Колонисты, повидимому, селились сразу на обоих побережьях Керченского пролива и одновременно в целом ряде пунктов. Поэтому, к началу V в., колонизационный поток иссякает и прекращается. Обе эти особенности греческой колонизации берегов Боспора находят своё объяснение в обстановке, сложившейся в архаическую эпоху во всём эллинском мире.

Об усиленной колонизации побережий Мраморного и Чёрного морей в VII в. и первой половине VI в. главным образом ионийцами говорилось выше. К этому времени в прямой связи с развитием колонизации в экономической жизни многих городов-государств балканской, островной и малоазийской Греции уже успел наметиться ряд очень существенных сдвигов. На рынки попадает такое количество привозного хлеба, что заниматься разведением зерновых культур в расчёте на продажу делается для населения ряда районов невыгодным. Крестьяне предпочитают разводить виноград и оливу, которые потом перерабатываются в вино и растительное масло и усиленно экспортируются. Не менее существенные перемены происходят и в области ремесленного производства. Возросший спрос на изделия греческого ремесла и широкий вывоз этих изделий способствуют общему росту ремесленного производства и значительному техническому прогрессу.

В сложившихся условиях обмен, осуществляемый при посредстве морской торговли, делается органической частью экономической жизни эллинского мира. Прочная и бесперебойная связь с побережьями Северного Понта, этими главными постав-

щиками хлеба, сырья и рабов и потребителями греческого экспорта, становится в это время жизненно необходимой для многих эллинских городов.

Именно поэтому посредническая торговля с Понтом, в течение значительного времени осуществлявшаяся без всяких препятствий через Геллеспонт, явилась одной из существенных причин пышного экономического и культурного расцвета городов побережья Малой Азии в первой половине VI в. Потом, когда Пизистрату при помощи его союзников удалось овладеть Херсонесом Фракийским и Сегеем и тем самым установить афинский контроль за обоими берегами пролива, Афины сразу выдвигаются из среды других греческих городов на первое место и превращаются в богатейшее и влиятельнейшее государство Греции. Даже в литературной традиции, восходящей по всем признакам к антипираническим кругам, сохранились для обозначения этого периода афинской истории такие выражения, как «золотой век».

«Век» этот, впрочем, длился очень недолго. Около 550 г. персы вплотную продвинулись к границам Лидийского царства, а ещё через несколько лет, именно в 546 г., перешли через Галис и подчинили себе всю эту территорию. Вместе с Лидией утратили свою независимость и города малоазийских греков. Геллеспонт ещё некоторое время оставался свободным. Но после похода Дария I на скифов 515—512 гг. персидские полководцы Мегабаз и Отан овладели Византием, Халкидоном и частью фракийского побережья. Македонский царь Александр тогда же оказался вынужденным удовлетворить требования персов о «земле» и «воде» и признать свою зависимость от персидского царя. Вскоре власть этого царя распространилась на Лемнос, Имброс, Хиос, Лесбос и Самос, а Геллеспонт тем самым и со стороны моря и со стороны обоих — и европейского и азиатского — берегов полностью оказался под контролем персов.

В Афинах эти события нашли свой отзвук в падении режима Пизистратидов. Начавшиеся перебои в снабжении города хлебом и тяжёлый кризис, надвинувшийся на афинскую торговлю, оттолкнули большую часть населения от Пизистратидов и активизировали существовавшую против них и до этого оппозицию.

В дальнейшем дважды, когда вспыхнуло восстание малоазийских городов и когда начались греко-персидские войны, греческий мир столкнулся с понтийской проблемой. Не утратила она своей актуальности и потом, в V и IV вв., когда значение понтийского хлебного экспорта ещё больше возросло.

Интенсивность в колонизации северочерноморских побережий, сказавшаяся и в основании Ольвии на западе и возникновении в короткий срок целого ряда поселений на берегах Боспора Киммерийского, таким образом понятна. Греческих колонистов властно толкали сюда интересы бурно растущей торговли, развитие которой было обусловлено всем ходом экономической

жизни и эллинского мира и Северного Причерноморья предшествующего периода.

Понятна и относительная краткость периода, на который падает возникновение большинства северочерноморских колоний. Этот период оказался ограниченным прежде всего потому, что вначале, до тех пор пока другие побережья Чёрного моря не были освоены греческими моряками, колонизационный поток просто не мог сюда дотянуться; потом, после того как Геллеспонт оказался занятым персами и важнейшие центры колонизационного движения на побережье Малой Азии подверглись разгрому и опустошению при подавлении ионийского восстания, он был прерван вмешательством внешних для греков сил.

Удалённость от арены главных событий общегреческой жизни, таким образом, не помешала северочерноморским городам-колониям постоянно испытывать на себе воздействие этих событий. Вместе с тем, будучи далёкой окраиной эллинского мира, северочерноморские города находились на самом его рубеже. Дальше шёл другой мир, с которым греческие колонисты, можно сказать, бок о бок прожили многие столетия. Проблема взаимоотношений этих двух миров при таких условиях становится главной проблемой в дальнейшем изучении исторической жизни Северного Причерноморья.

В заключение обзора греческой колонизации Северного Причерноморья необходимо остановиться на истории возникновения единственной здесь дорийской колонии — возникновении Херсонеса Таврического.

Вопрос о времени и обстоятельствах возникновения этого города вызвал существенные разногласия между учёными нашего времени.

Дело в том, что наши сведения о возникновении Херсонеса исчерпываются кратким сообщением неизвестного автора (так называемого Псевдо-Скимна), произведение которого представлено собой компиляцию, составленную, повидимому, в последней четверти II в. до н. э. Согласно Псевдо-Скимну, Херсонес Таврический был основан по совету дельфийского оракула жителями Гераклеи Понтийской и острова Делоса, который со своим знаменитым храмом Аполлона был религиозным, а потом и политическим центром ионийцев.

Гераклея Понтийская — сама колония, выведенная в половине VI в. до н. э. на южное побережье Чёрного моря дорийским городом Мегарами. Вызывает недоумение, как могли доряне-гераклеяцы и ионяне-делосцы принять участие в одном общем предприятии и основать совместную колонию? Делос вообще не участвовал ни в какой колонизации и в дальнейшем входил в состав Афинского морского союза, резко враждебного Мегарам и их колониям. По этому поводу высказывались различные соображения, основанные главным образом на большем или меньшем доверии к свидетельству Псевдо-Скимна и общих оцен-

ках обстановки, связанной с предполагаемым временем основания Херсонеса. В результате в определении времени возникновения этого города были колебания в пределах от VI в. до н. э. и до конца V в. и даже первой половины IV в. до н. э.

С уверенностью можно сказать одно: если делосцы и принимали участие в основании Херсонеса, то это не оставило после себя никакого следа. В дальнейшем Херсонес в уже известную нам по памятникам его письменности и материальной культуры эпоху был совершенно дорийским городом.

Не исключена возможность, что до поселения гераклеотов на территории будущего Херсонеса существовало небольшое ионийское поселение. На такое предположение наводят отдельные находки ионийской керамики раннего времени.

Руины Херсонеса раскапывались, начиная с 1827 г. Раскопки Херсонеса, таким образом, продолжают уже свыше ста лет. Город находился в 3 км к западу от Севастополя, на скалистом полуострове между Песочной и Карантинной бухтами.

Раскопки показали, что заселение этого полуострова началось с восточной его стороны, примыкающей к Карантинной бухте. Это и понятно: западный берег — Песочная бухта — не защищена от морских ветров и штормов, тогда как закрытая Карантинная бухта должна была представлять исключительные удобства для древних кораблей. Здесь было выгоднее высадиться и обосноваться первым поселенцам. Рост города, таким образом, происходил с востока на запад и север.

В северной части полуострова, в дальнейшем сплошь застроенном городскими кварталами, в 1936—1937 гг. был открыт некрополь, повидимому, древнейший.

Для выяснения вопроса о времени основания города пока решающим служит то обстоятельство, что наиболее древние погребения на территории этого некрополя датируются не раньше второй половины, точнее, концом V в. до н. э. Примерно к тому же времени относятся наиболее древние сохранившиеся части херсонесских оборонительных стен. Начало херсонесской монетной чеканки и древнейшие надписи относятся уже к IV в. до н. э.

Всё это вместе взятое заставляет думать, что из трёх главных центров греческой колонизации Северного Причерноморья — Ольвии, боспорских городов и Херсонеса — последний наиболее поздний.

По всем признакам, не интересы морской торговли привели сюда первых дорийских переселенцев. Окружающая город территория Гераклейского полуострова хотя и плодородна, но отрезана горным хребтом от степного Крыма. Ближайшие соседи Херсонеса — полудикие племена тавров — земледелием занимались мало и ни с какой стороны не подходили к роли поставщиков хлеба для херсонесских купцов. Торговля, как показывает всё то, что мы знаем о дальнейшей жизни города, никогда не занимала первого места в его экономике. Возникновение Херсонеса, по-

видимому, следует объяснять событиями в Геракле.

История метрополии Херсонеса — Гераклен Понтийской — характеризуется острой внутренней социальной борьбой, бушевавшей в ней с неослабевающей силой чуть ли не с самого основания города и, во всяком случае, на протяжении двух последующих столетий её жизни. Политические перемены следовали в ней один за другим. Для побеждённых эмиграция была часто единственным выходом. Убежище на другой стороне моря, при том способное прокормить, очевидно, было для них желанным идеалом. С этой

Серебряный сосуд из кургана Солоха, IV в. до н. э.

стороны скалистый выступ между Песочной и Карантинной бухтами, окруженный плодородной территорией Гераклеяского полуострова, должен был их устраивать. Таким образом, всё говорит за то, что дорийскими основателями Херсонеса были политические эмигранты, вынужденные покинуть свой родной город под влиянием неблагоприятно сложившейся для них политической обстановки.

ОЛЬВИЯ

История Ольвии известна нам лишь в самых общих чертах. Единственным литературным источником по раннему её периоду является Геродот, который, упоминая о «эмполиуме борисфенитов» и сообщая об окружающем её населении, собственно говоря, не приводит ни одного факта ольвийской истории. Дальнейшая история этого города, если не считать отдельных кратких упоминаний у авторов уже римского времени, не нашла отражения в античной литературной традиции. Пробел этот только частично может быть восполнен ольвийскими надписями и материалами археологии.

Основываясь на совокупности всех имеющихся данных, можно утверждать, что в VI — V вв. до н. э. Ольвия была уже крупным торговым городом.

Керамика Ольвии обнаруживает её постоянные и прочные связи и с эллинскими городами-колониями, расположенными по побережьям Чёрного моря, и с рядом центров средиземноморской Греции. С Милетом Ольвия поддерживала тесное торговое сотрудничество, по всем признакам, с первых же лет своего существования. Из всех этих мест в Ольвию систематически ввозилось оливковое масло, вина, ткани, художественные изделия и ряд других товаров.

Раскопки древнейших культурных напластований Ольвийского городища обнаружили многочисленные образцы расписных ваз ионийской, родосской, самосской, коринфской, халкидской, аттической и даже навкратийской работы. Из произведений привозной скульптуры раннего времени обращают на себя внимание находки мраморной статуи архаического Аполлона, повидимому, сделанной на о. Самосе, и плоская мраморная скульптура, изображающая задрапированную в длинную одежду женскую фигуру аттико-ионийской работы конца VI—начала V в. до н. э.

В V—IV в. до н. э. среди предметов ольвийского импорта встречаются произведения первоклассных греческих художников.

Создаётся впечатление, что потребность города в керамических и художественных изделиях удовлетворялась в рассматриваемое время в основном за счёт импорта.

При посредничестве Ольвии значительная часть ввозившихся в неё товаров широко распространялась среди местного населения. Постоянным потребителем импортировавшихся через Ольвию предметов роскоши была местная племенная знать.

Когда в Ольвии налаживается собственное производство, оно также начинает работать на сбыт. Значительная часть вещей, находимых в местных погребениях, выполненных в «зверином» стиле, очевидно, делалась в Ольвии.

На усиленный ввоз Ольвия отвечает не менее усиленным вывозом. Она экспортирует хлеб, местное сырьё (рыбу, скот, холст, воск и т. п.) и, очевидно, рабов.

Ольвийская нумизматика ярко запечатлела эту энергичную торговую деятельность города. Ольвия приступает к регулярным выпускам своих денежных знаков, начиная со второй половины VI в. до н. э., значительно раньше многих других городов. Равняться с ней в этом отношении могут только Пантикапей и расположенная на южном побережье Синопа. Так, на западном побережье Понта регулярный выпуск монеты начинается только с середины V в. до н. э., некоторые же из западнопонтийских городов выпускают свои первые монеты не ранее середины второй половины IV в. и даже уже в III в. до н. э.

Наиболее древняя ольвийская монета была литой и медной. Кроме литых медных монет, при раскопках территории ольвийского городища, начиная с определённой глубины, соответствующей культурным напластованиям архаической, классической

и эллинистической эпох, неизменно и в исключительном изобилии встречаются так называемые ольвийские «рыбки» или «дельфины» — отлитые из меди денежные знаки в форме рыб.

Медь сохраняет в Ольвии своё значение и в последующее время. В этом отношении весьма показательна ольвийская надпись первой половины IV в. до н. э. — декрет об обращении валюты. В рассматриваемое время на ольвийском рынке наряду с монетами различных греческих городов находились в одновременном обращении медь, чеканная серебряная монета и кизикины — золотая монета (по имени города Кизика́ на южном берегу Мраморного моря), являвшаяся на всех черноморских побережьях универсальной валютой для расчётов на внешнем рынке. Декрет ставит своей целью обеспечить привилегированное положение для ольвийской валюты и кизикинов и одновременно установить правила обмена. По этим правилам золотые кизикины могли размениваться непосредственно на медь. Таким образом, и в IV в. до н. э. медь продолжала ходить наравне с серебром и играла в Ольвии роль одного из главных средств расчёта.

Широкое использование в денежном обращении металла с такой незначительной покупательной способностью, какой в это время обладала медь, бросает свет на одну из своеобразных особенностей Ольвии. Вряд ли медные деньги были удобны для расчётов с крупными поставщиками экспортируемых городом товаров, и уж во всяком случае они совершенно не подходили для расчётов по импортным сделкам. На внешнем рынке Ольвия в рассматриваемое время, несомненно, вела свои расчёты на кизикины. В этом отношении весьма характерно, что ольвийские медные деньги за пределами Северного Причерноморья не получили сколько-нибудь заметного распространения, находят же их преимущественно на территории самого города и в прилегающем к нему районе. При всех этих условиях становится очевидным, что ольвийская медь и в виде литой монеты и в виде «дельфинов» прежде всего предназначалась для внутреннего рынка. Нумизматический материал в данном случае говорит о том же самом, о чём свидетельствует Геродот, рассказывая об окружавших город племенах, с которыми греческие колонисты поддерживали постоянные торговые отношения.

Постоянная потребность в местном сырье для сбыта создала экономические предпосылки для широкого и притом мирного общения Ольвии с окружающим её местным населением. И если город в первые же века своего существования достиг значительного процветания, то это значит, что проблема взаимоотношений с местным миром была им успешно разрешена. Ольвийские колонисты, очевидно, сумели стать необходимыми для своих соседей, и взаимоотношения с ними по всем признакам были построены на началах взаимной экономической заинтересованности.

Весьма характерно, что при исследовании древнейшего поселения греческих колонистов на острове Березани наряду с чи-

сто греческими вещами импортного происхождения были обнаружены и явные следы чисто местного быта.

Самое имя «Ольвия» по-гречески означает — «счастливая». Однако филологические изыскания позволяют сделать предположение, что Ольвия была основана не на пустом месте, а там, где уже существовало чисто местное поселение, от которого она, очевидно, и получила своё название, осмысленное на греческий лад.

Предположение это как нельзя более подтверждается раскопками ольвийского некрополя VI и V вв. до н. э. Здесь среди типичных греческих могил было раскрыто и значительное число местных погребений со скорченным трупоположением и характерным сочетанием в погребальном инвентаре греческих и местных вещей.

Тесное общение пришлого и местного населения в сложившихся условиях не могло не положить начало процессу ассимиляции. Развитие этого процесса удостоверено показаниями и письменных источников. Геродот называет ближайшее к Ольвии племя каллипидов «эллино-скифами». Позднейшая эпиграфика знает, повидимому, ту же группу под ещё более характерным именем «миксэллинов» — «смешанной» группы населения, явившейся прямым результатом постоянного общения греков с окружающими их племенами.

Яркий образ эллинизировавшегося «варвара» даёт рассказ Геродота о скифском царе Скиле, несомненно отражающий, несмотря на свой новеллистический характер, реальную действительность.

Золотой ритон в форме головы быка.

По этому рассказу, Скил был сыном гречанки, ставшей женой скифского царя. Мать научила Скила греческому языку и грамоте. Став царём, он обнаруживает приверженность ко всему греческому. В Ольвии у него был свой дом греческого типа, в котором жила его жена-скифянка. Пребывая по месяцу и более в городе, Скил сбрасывал свою скифскую одежду, одевал греческую и, очевидно, чувствуя себя настоящим эллином, приносил жертвы греческим богам. В одно из таких посещений Ольвии, совпавшее с участием Скила в мистериях Диониса, скифские дружинники, которых он обычно оставлял в городском предместье, увидели своего царя в

состоянии вакхического экстаза. Этот случай стоил ему жизни, ибо видевшие Скила рассказали обо всём его войнам, и те подняли бунт. Скил был убит, а на его место восставшими был водворён его брат.

В сочетании с уже отмеченным выше фактом постоянных находок вещей греческого происхождения, именно в богатых местных погребениях этот рассказ даёт основание думать, что процесс эллинизации в первую очередь затронул верхушку местного общества. Племенную аристократию сближала с греками общность экономических интересов, основанная на совместной прямой и косвенной эксплуатации более широких слоёв местного населения. Вот, очевидно, почему в геродотовской новелле эти слои, в образе воинов Скила, обнаруживают совсем иное отношение к «греческим просветителям» их царя. В последующей истории Северного Причерноморья линия классового антагонизма и борьбы не раз совпадала с линией глубоких различий между племенным миром и миром античной рабовладельческой цивилизации.

Непосредственная близость и постоянное общение с миром северочерноморских «варваров» не могли не наложить на Ольвию своего отпечатка, хотя он сказался на городе значительно позднее, в ту пору, когда все греческие города Северного Причерноморья, не исключая и Ольвии, вступили в полосу постепенной «варваризации». До этого, в первые истекшие с начала колонизации века, Ольвия, безусловно, продолжала сохранять свой облик эллинского города во всех доступных нашему современному наблюдению проявлениях. Об этом ясно говорят и памятники её материальной культуры, и язык ольвийских надписей, и то немногое, что мы знаем о её духовной культуре. Так, например, до нас дошли имена нескольких философов и учёных, уроженцев Ольвии, ставших в III—II вв. до н. э. известными во всей Греции. Таковы получивший разностороннее философское образование и славившийся своей огромной эрудицией Бион и стоик Сфер, написавший ряд сочинений на философские и историко-политические темы.

➤ Религиозные верования ольвиополитов также отличались всеми типичными для религии греков чертами. Судя по надписям, монетам и другим источникам, здесь существовали культы Аполлона, Деметры, Афродиты, Зевса и других божеств общегреческого Пантеона.

Ольвия была типичным греческим полисом и по особенностям своего социального и политического строя.

Как и во многих других греческих городах-государствах, верховная власть принадлежала здесь народному собранию, издававшему законы и ведавшему всеми главными делами внутреннего управления и внешней политики.

Органами этого собрания был выборный совет и выборные должностные лица. О функциях совета мы плохо осведомлены.

Очевидно, как и в других греческих государствах с аналогичной структурой, он подготавливал дела, подлежащие рассмотрению в народном собрании, и в промежутках между его созывами решал менее важные вопросы. Дошедшие до нас ольвийские декреты обычно издавались от имени совета и народного собрания.

Выборным должностным лицам поручались отдельные функции исполнительной власти. До нас дошли сведения о существовании в Ольвии коллегии пяти архонтов и шести стратегов. Архонты были главным органом исполнительной власти, руководившим всей государственной деятельностью, выполнявшим постановления народного собрания и ведавшим делами внешней политики и городских финансов. Стратеги ведали военными делами.

Известны также другие должностные лица: агораномы, наблюдавшие за торговлей, астиномы, повидимому, располагавшие контрольными функциями, члены особой финансовой коллегии из 7 или 9 человек. Срок полномочий по каждой из перечисленных магистратур длился один год, после чего наступали переборы.

Пассивными и активными политическими правами располагала только та часть населения, которая входила в состав ольвийских граждан. Как и повсюду, они, вероятно, составляли привилегированное меньшинство.

Проживавшие в Ольвии иностранцы, как правило, политическими правами не пользовались. Если они происходили из особо дружественных Ольвии полисов или им удавалось завоевать расположение ольвиополитов, для них делалось исключение. В таких случаях совет и народное собрание выносили особые законодательные акты в форме декретов о так называемой проксений. На основании проксений иностранцам предоставлялись особые привилегии, вплоть до полного уравнивания их в правах с ольвийскими гражданами, освобождения от пошлин и т. п.

Во взаимоотношениях Ольвии с её метрополией, Милетом, существовал особый договор, фактически предоставлявший гражданам обоих этих полисов полное равноправие.

Внизу социальной лестницы в Ольвии стояли «миксэллины», о правовом положении которых мы весьма плохо осведомлены, и рабы. Положение ольвийских рабов вряд ли чем-либо существенным отличалось от того положения, в каком они находились в других рабовладельческих полисах Греции.

О конкретных событиях внешней и внутренней истории Ольвии до второй половины IV в. до н. э. сведения в источниках отсутствуют. Только уже через писателей римского времени мы знаем, что во второй половине IV в. до н. э., повидимому в последние годы жизни Александра Македонского, город был осаждён полководцем последнего — Зопирионом. Поход Зопи-

риона, очевидно, был предпринят в порядке осуществления общего большого плана, целью которого было подчинение всего западного и части Северного побережья Чёрного моря с находившимися там греческими городами-колониями.

Осада Ольвии Зопирионом поставила город в исключительно тяжёлое положение. Ольвийское правительство было вынуждено прибегнуть к ряду чрезвычайных мероприятий. Были освобождены рабы, завербованные в ряды защитников города. С той же целью предоставлены были гражданские права иностранцам и погашены долговые обязательства. Только ценой таких исключительных мероприятий ольвиополитам удалось консолидировать все имеющиеся у них силы и отстоять свою независимость. Предпринятая Зопирионом осада Ольвии закончилась для него полной неудачей.

Положение Ольвии в III в. до н. э. было обусловлено теми переменами, какие в это время произошли в исторических судьбах Северного Причерноморья в целом. Начиная с конца IV и начала III в. до н. э. период процветания всех северочерноморских городов-колоний постепенно сменяется полосой застоя, упадка, в дальнейшем переходящем в острый кризис. Сокращается экспортная и импортная торговля с городами центральной Греции. Ослабевают местные хозяйственные связи северочерноморских городов друг с другом, замирает местная ремесленная промышленность. В городах замечается обострение классовой борьбы.

Все явления этого рода достаточно хорошо нам знакомы по истории самой Греции IV в. На Балканском полуострове, островах, Ионийском побережье резкое обострение социально-политической борьбы внутри и непрерывная борьба вовне, сопровождаемая естественным в таких условиях параличом нормальной хозяйственной жизни, послужили преддверием к новому периоду в истории всего эллинского мира, связанному с возвышением Македонии, гегемонией царя Филиппа, походами его сына Александра, фактической утратой большинством греческих городов своей независимости и появлением государств нового эллинистического типа.

Северное Причерноморье в то далёкое время было связано с балканской, островной и малоазийской Грецией многочисленными политическими, культурными и, конечно, прежде всего экономическими торговыми нитями. Отсюда понятно, почему этот общегреческий кризис с некоторым запозданием распространился и на северочерноморские города-колонии. Но здесь все эти явления приобрели свой особый, местный колорит, обусловленный к этому времени уже многовековым соседством греческих колонистов с миром северочерноморских племён.

Пожалуй, самой существенной причиной потрясений, которые переживали северочерноморские эллины, было резкое обострение их взаимоотношений с местным населением.

В предшествующем периоде существования Ольвии взаимоотношения, как мы видели, складывались, прежде всего, как отношения мирные, покоящиеся на взаимной экономической выгоде. Верхушка «варварского» общества, в лице местных царей и родовой аристократии, уже очень рано оказалась вовлечённой в оживлённый торговый оборот с ольвийскими купцами. Торговля хлебом связывала Ольвию с более широкими слоями местного населения. Значительная его часть, очевидно, подпала под влияние

Золотой колатос с рельефным орнаментом, изображающим скифов, борющихся с грифонами, из кургана Большая Близница, IV в. до н. э.

этого города уже в качестве объекта прямой или косвенной его эксплуатации. Во всех этих случаях преимущества более совершенной социальной организации, преимущества культуры и более передовой экономики долгое время находились на стороне греков. На этой почве процесс тесного взаимного общения греков и «варваров» выливался главным образом в форму эллинизации последних. «Варвары» заимствуют материальную культуру, быт и обычаи греков. В Ольвии, как уже указывалось, это привело к образованию целой группы смешанного населения, очевидно, не случайно названной Геродотом эллино-скифами, но не скифо-эллинами.

Это по преимуществу мирное сосуществование двух находившихся в постоянном и тесном соприкосновении миров можно наблюдать примерно только до начала III в. до н. э. С этого времени наступает перелом. В массах местного населения просыпается враждебная грекам активность.

В этом взрыве вражды нельзя не видеть своего рода реакции на продолжительный период иноземного влияния. Теперь сказывается и обратная сторона сложившихся между греками и местным населением взаимоотношений. Ведь и Ольвия и все другие северочерноморские города-колонии выступали здесь не

только в качестве представителей более высокой культуры, но и в роли носителей чуждого «варварскому» обществу рабовладельческого способа эксплуатации. Враждебная грекам активность местного населения приобретает при таких условиях черты социального антагонизма.

Ослабленные недугом общезллинского социально-экономического кризиса, выступают и Ольвия и все другие черноморские города греков перед этой новой и очень серьёзной для них опасностью. Чаша весов склоняется на сторону «варваров». Реальное преобладание переходит к ним, и хотя греческая культура и в последующие столетия продолжает влиять на эту страну, «золотой век» в истории северочерноморских колоний навсегда уходит в прошлое. В Северном Причерноморье начинают постепенно складываться предпосылки новой исторической эпохи, закономерно подготовленной всем ходом прогрессивного развития местного общества.

Ольвия раньше всех других северочерноморских городов ощутила на себе надвигающуюся грозу. Благодаря счастливому для нас стечению обстоятельств до нашего времени дошёл почётный декрет ольвийского народного собрания и совета в честь ольвийского же гражданина Протогена. В этом обширном документе, составляющем гордость северочерноморской эпиграфики, с потрясающей силой и яркостью обрисовано положение города, со всех сторон окружённого врагами и уже успевшего истощить свои силы в неравной борьбе.

Декрет в честь Протогена, очевидно, должен быть отнесён к первой половине III в. до н. э. Таким образом, прошло всего около столетия с того времени, когда то же самое народное собрание и совет награждали своих сограждан денежными подарками по тысяче золотых или выносили постановление об урегулировании обращения иноземной валюты на ольвийском рынке, фактически создавая монополию для монеты городской чеканки. Тогда цветущий и богатый город был в состоянии властно диктовать свои условия торгового оборота своим многочисленным торговым контрагентам. Теперь городская казна опустела. В ней нехватает даже денег на выкуп заложенных архонтами в трудную минуту священных сосудов. Сам факт заклада этих сосудов в достаточной мере показателен.

В казне нет денег и на такие неотложные нужды, как ремонт пришедших в ветхость оборонительных башен и постройку двух необходимых для обороны города стен. Подвозить камень для этих работ город вынужден на частных судах, ибо общественные не на что было отремонтировать. Городским архонтам нечем было заплатить за уже сторгованное ими вино, нечем покрыть расходы, связанные с отправкой послов. Оплата всех этих расходов из личных средств и составляет содержание услуг Протогена, вызвавших появление благодарственного декрета.

Но заслуги Протогена этим не исчерпываются. «Когда случился голод и хлеб продавался по 5 медимнов за золотой, и народ, вследствие угрожавшей опасности считал нужным приготовить достаточное количество хлеба и просил об этом имевших запасы, он первый выступил и обещал 2 000 медимнов по 10 медимнов за золотой (т. е. за полцены), и между тем как другие немедленно получили плату, он оказал снисхождение на год». Когда вторично город попал в такое же положение, Протоген дал в долг городу на закупку хлеба 1 000 золотых на льготных условиях и 2 500 медимнов зерна сам ему продал по пониженной цене.

Из дальнейшего содержания декрета выясняется, что следует иметь в виду под упоминавшейся выше «опасностью», угрожавшей городу и породившей такие бедствия для его населения. Во второй части надписи приводится конкретный случай такой опасности. Племена галатов и скиров заключили союз и собрали большие силы, чтобы зимой, когда замёрзнет река и город окажется незащищённым со стороны лимана, напасть на Ольвию. Угроза этого нападения представлялась настолько серьёзной, что, как говорится в тексте декрета, «многие впали в отчаяние и приготовились покинуть город». Немало иностранцев и граждан осуществили это намерение и оставили Ольвию. Готовящееся нападение галатов и скиров напугало и соседних с Ольвией тисаматов, скифов и савдаратов, которые начинают искать укреплённого места для защиты и в этом отношении рассчитывают на Ольвию. Положение осложнилось ещё и тем, что врагам удалось «совратить» городских рабов и окрестное население — «миксэллинов».

Из общего тона декрета и содержащихся в нём других упоминаний с очевидностью следует, что описываемый случай опасности являлся далеко не единственным. Столкновения с окружающими племенами в это время приобретают хронический характер. В таких условиях нормальная хозяйственная жизнь неизбежно должна была замереть, и на город обрушиваются несчастье голода и другие бедствия военного времени.

Ко времени Протогена Ольвия уже утратила способность к самостоятельной защите и оказалась вынужденной вступить на путь политики соглашений с отдельными племенными предводителями. Одна из очень существенных заслуг Протогена состояла в том, что «когда царь Сайтафарн прибыл в Канкит и потребовал даров», а общественная казна была по обыкновению пуста, он дал городу для уплаты дани этому царю 400 золотых. Этот случай повторяется: когда в город «явились за получением даров во множестве саки», Протоген снова дал городу 400 золотых. Потом он даёт ещё 150 золотых «в счёт будущих доходов города» для удовлетворения, повидимому, того же царя и ещё так называемых его «скиптроносцев». Таким путём

Ольвия пытается откупиться от опасности нападения и фактически превращается в данника соседних племён.

Как всё это могло случиться?.. Почему прежде богатый и цветущий город, во времена Геродота державший под своей экономической эгидой окружавшее его население, теперь оказывается вынужденным перейти на зависимое положение данника «варварских» царей? Тут, несомненно, сыграли роль многие обстоятельства. За истекшее время «варвары» окончательно перешли от пассивного подчинения влиянию города к решительному наступлению. За это же время резко изменилась торговая конъюнктура во всём эллинском мире, что особенно болезненно должна была почувствовать Ольвия, поскольку торговля была основой её процветания.

Наконец, очень существенное значение имеют и резкие перемены внутри самой Ольвии. «Когда всё в городе,— читаем мы в декрете в честь Протогена,— находилось в упадке вследствие войны и неурожая и средства совершенно истощились, так что народ вследствие этого попросил его сделать месячные отсрочки и позаботиться о кредиторах и должниках, он первый, хотя долги ему и отцу его простирались до 6 000 золотых, предложил народу располагать им как угодно, и когда народ попросил его простить должникам их долги, он всем всё простил, считая, что для него нет ничего дороже благосклонности к нему народа».

Эти заключительные строки надписи, подводящие итог многочисленным заслугам Протогена, говорят об очень многом. Речь здесь идёт ни о чём другом, как об официальном решении ольвийского народного собрания объявить мораторий по долгам и поставить вопрос о частичном их аннулировании. В эллинских городах к таким приёмам разрешения назревших затруднений прибегали только в совершенно исключительных случаях. Для торговой Ольвии с её, несомненно, очень развитой системой кредитных отношений проведение таких мероприятий означало острый финансовый кризис.

Бросается в глаза ещё одно обстоятельство. Протоген ведь был, как об этом неоднократно упоминается в надписи, только первым из тех, кто шёл навстречу призывам ольвийского народного собрания. Он первый согласился на мораторий, первый дал денег на приобретение хлеба, первый обещал городу зерно из своих запасов и отсрочил расчёт, тогда как «другие немедленно получили плату». Эти «другие», очевидно, такие же богатые люди, как и Протоген, несмотря на войны и кризис, всё-таки сумели удержаться на ногах и сохранить, хотя бы частично, свои богатства и во всяком случае экономическое преобладание над остальными гражданами. Они продолжают заниматься откупом податей на публичных торгах, подрядами, фрахтами судов и т. п.

Население Ольвии в это время, таким образом, распадалось на две неравные части: на малочисленную plutократию и ос-

тальную массу, голодавшую и обременённую долгами. И хотя в Ольвии рассматриваемого времени продолжает существовать и народное собрание, и выборный совет, и магистраты — всё это было демократией только по имени. В действительности народное собрание и его органы были в полной зависимости от таких людей, как Протоген, от того, захотят они или не захотят дать денег на покрытие того или другого неотложного государственного расхода. Но мог ли такой порядок, в котором всё фактически зависело от желаний отдельных представителей плутократии, обеспечить независимость государства?

Результаты острых внутренних противоречий, порождённых противоположностью между бедностью и богатством, очевидно, не раз сказывались на различных сторонах жизни города. Сказались они и тогда, когда перед угрозой нашествия галатов и скиров городские рабы и пограничные «миксэллы» перешли на сторону врагов Ольвии.

В Афинах V в. такой случай имел место также уже после сицилийской катастрофы, явившейся страшным ударом по демократии, и незадолго перед олигархическим переворотом 411 г.

Тяжёлое положение Ольвии в дни Протогена было, таким образом, не внезапной катастрофой, столь же быстро проходящей, как и наступающей, но хроническим состоянием, прогрессирующим упадком.

Последующие за декретом в честь Протогена годы и десятилетия очень плохо нам известны. Положение Ольвии на протяжении второй половины III в. до н. э. вряд ли улучшилось. Во II в. до н. э. в Ольвии уже чеканились монеты с именами и изображениями «варварских» царей. Если это, может быть, ещё и не означало полной утраты городом своей былой независимости, то во всяком случае свидетельствовало о значительном её ущемлении. В конце II в. до н. э. Ольвия вместе с многими другими северочерноморскими городами греков была вынуждена признать над собой верховную власть понтийского царя Митридата Евпатора.

В середине I в. до н. э. Ольвия стала жертвой нашествия гетов. Город был взят приступом, опустошён и разрушен. Несколько десятилетий он лежал в развалинах. Хотя жизнь в нём в дальнейшем и возродилась, но никогда уже потом Ольвии не удалось достигнуть своих былых размеров и значения.

ХЕРСОНЕС

Совсем иначе складывается развитие дорийского Херсонеса. Местность, лежащая вокруг города, создавала благоприятные условия для садоводства и виноградарства. Включение в состав подвластной Херсонесу территории Гераклеяского полуострова обеспечило город своим хлебом, но вряд ли этого хлеба хватало для вывоза. Соседями херсонесцев были полудукские тавры и воин-

ственное скифское население степной части Крыма. Херсонесу не удалось завязать с этими племенами прочных торговых сношений. Поэтому даже в лучшие свои времена херсонесская торговля своим объёмом значительно уступала торговле Ольвии и боспорских городов.

Предметом вывоза в Херсонесе было, прежде всего, вино, другие продукты собственно сельского хозяйства, соль и рыба. Импортировались преимущественно предметы роскоши: украшения, оружие, художественная посуда, ткани.

О торговых связях Херсонеса говорят многочисленные амфорные ручки и обломки черепицы с клеймами Синопы, Гераклеи, Родоса, Фасоса и др., афинская керамика (чернофигурная, краснофигурная и чернолаковая) и терракоты. Об этом говорят также херсонесские надписи — почётные декреты в честь граждан-иноземцев, связанных с Херсонесом торговыми интересами.

Однако, в отличие от Ольвии, основу херсонесской экономики составляла не посредническая торговля, а собственное хозяйство. Гераклейский полуостров до сих пор хранит следы энергичной хозяйственной деятельности херсонесцев. Вся эта территория, включая и подчинённые Херсонесу Керкенииду (Евпатория) и Прекрасную гавань (Акмечеть), была защищена многочисленными башнями, стенами и валами, образующими правильную систему укреплённых поясов. Многие из этих оборонительных сооружений одновременно имели хозяйственное и жилое назначение, являясь своеобразным типом усадеб-крепостей. Поля и виноградники в пределах укреплённой полосы обрабатывались при помощи рабов.

О развитии виноградарства в Херсонесе свидетельствуют и эпиграфические и археологические памятники. В надписи на мраморном пьедестале статуи, поставленной в честь херсонесского гражданина Агасикла, среди многих заслуг чествуемого упоминается и о его участии в размежевании виноградников на равнине. Возможно, что именно следы этих междоулий следует видеть в сохранившихся до сих пор остатках длинных валов, разделявших Гераклейский полуостров на небольшие пря-

Золотая маска из царской гробницы на Глинище, III в. н. э.

моугольные участки. Археологические расследования Херсонеса обнаружили древние орудия виноградаря — изогнутые ножи в виде дуги, чрезвычайно напоминающие современные ножи для обрезки виноградной лозы. Кроме того, в окрестностях Херсонеса открыты площадки для выжимки винограда. Эти площадки были вырублены в скале и имели по краям желоба и слив для стока виноградного сока. Виноград давили прессом. Один такой пресс был найден в 1929 г.

Земля принадлежала отдельным гражданам и государству. В последнем случае она сдавалась участками в аренду или на откуп отдельным херсонесским предпринимателям. Известную роль в хозяйстве Херсонеса играло также животноводство, рыболовство и соляной промысел. В самом городе существовало керамическое производство (в частности производство тары для вина) и ряд других отраслей ремесленной промышленности: текстильной, металлообрабатывающей и др.

О развитии производства керамики свидетельствуют открытые в Херсонесе следы гончарных и терракотовых мастерских. Они позволяют составить некоторое представление о технике керамического производства. Найдены формы, в которых отливали светильники, терракотовые статуэтки.

Виды керамики были весьма многообразны: амфоры, чернолаковая посуда, блюда, миски, кувшины, грубая кухонная посуда.

Как правило, корпус сосуда изготовлялся на гончарном круге. Чернолаковая посуда украшалась орнаментом при помощи штампов. На кувшинах красочный орнамент наносился кистью от руки. Для обжигания посуды существовали специальные печи. Характерно, что большинство гончарных печей и мастерских были обнаружены за пределами городской черты. Очевидно, это обстоятельство было вызвано боязнью пожара.

О прядельно-ткацком производстве в Херсонесе также говорят археологические находки: прясла для веретён, грузила для ткацких станков, бронзовые и костяные иголки, напёрстки и, наконец, остатки полотна.

Взаимоотношения Херсонеса с местным населением приняли здесь совсем другую форму, чем, например, в Ольвии. Мощные стены самого города и оборонительные сооружения на Гераклейском полуострове говорят о хронической военной опасности, исходившей от соседей. По отношению к ним, вплоть до III в. до н. э., Херсонес вёл наступательную политику. За этот промежуток времени вся западная часть Крыма была им завоёвана. Широкое экономическое общение со скифскими и таврскими племенами здесь отсутствовало. Отсюда характерная для Херсонеса замкнутость, способствовавшая сохранению городом в течение ряда веков его существования греческого облика. В века уже нашей эры, когда другие северочерноморские города подвергались в значительной степени процессу «варваризации» херсонес-

ские надписи продолжали хранить чистоту дорийского диалекта. Плиний указывает, что в его время из всех эллинских городов Северного Причерноморья самым греческим был Херсонес. Это сказывается на всех сторонах социальной и культурной жизни города.

О политической его структуре мы осведомлены из ряда надписей и прежде всего из знаменитой херсонесской «присяги». В Херсонесе существовала античная рабовладельческая республика. Верховная власть принадлежала народному собранию. Его органами были: совет, суд, выборные дамиурги и архонты.

Херсонесская республика поддерживала постоянные дружеские отношения со своей метрополией — Гераклеей Понтийской, засвидетельствованные рядом почётных декретов. В свою очередь, когда Боспорское государство стало развивать территориальную экспансию в западном направлении, что поставило под угрозу интересы херсонесской независимости, Гераклея выступила против Боспора с оружием в руках.

В религии херсонесцев, наряду с общеэллинскими божествами, фигурирует и местный культ «Девы», очевидно, заимствованный у тавров.

Когда в Северном Причерноморье в конце IV и начале III в. до н. э. поднимается волна активности местных племён, враждебная греческим городам, Херсонес также попадает в чрезвычайно опасное и тяжёлое положение.

В рассматриваемое время Херсонес, не меньше, чем другие северочерноморские города, был ослаблен внутренними противоречиями и внешней борьбой с окружающими его племенами. Об этом с достаточной красноречивостью говорит текст упоминавшейся присяги херсонесских граждан, датированной самым концом IV и началом III в. до н. э.

Двум русским учёным Ф. Ф. Соколову и С. А. Жебелеву принадлежит бесспорная заслуга трактовки этого замечательного документа не как обычной присяги, принимавшейся юношами греческих городов при достижении ими совершеннолетия и вступления в число граждан, а как чрезвычайной клятвы, произносимой перед лицом серьёзной опасности для существующего государственного порядка. Через всё содержание присяги красной нитью проходит опасение за целостность херсонесской демократической системы и страх перед изменой.

Гражданин прежде всего должен поклясться именем богов, покровителей города, и героев в том, что он не предаст Херсонеса, Керкинитиды, Прекрасной Гавани, прочих укрепленных пунктов и остальной территории, принадлежавшей городу, — «ни эллину, ни варвару», не замыслит ниспровержения демократического строя, не примет участия в заговоре против херсонесской общины и сообщит, если узнает, о его существовании властям.

Перечень всех этих сформулированных в негативной форме обязательств херсонесского гражданина настолько конкретен,

что он, несомненно, был почерпнут из политической практики, очевидно, очень хорошо знакомой со всем тем, чего не должен был делать добронамеренный гражданин Херсонеса.

К сожалению, данные наших литературных источников, лишь вкратце упоминающих о Херсонесе, не позволяют восстанавить связной истории города. Мы поэтому не знаем, какая конкретная опасность породила присягу и как протекал процесс постепенного увядания Херсонеса, но самый факт этого увядания для нас совершенно несомненен. Дело в том, что помимо присяги мы располагаем ещё двумя эпиграфическими документами, двумя яркими вехами истории Херсонеса этого времени — это договор Херсонеса с царём Фарнаком Понтийским 179 г. и знаменитый почётный декрет херсонесского народного собрания в честь Диофанта — полководца понтийского царя Митридата Евпатора.

Договор херсонесцев с царём понтийским Фарнаком, дошедший до нас только во второй своей части, которая представляет собой обязательства, принятые на себя Фарнаком по отношению к Херсонесу, сводится к обещанию оказать херсонесцам военную помощь против «варваров» и гарантиям неприкосновенности херсонесской демократии. «Я навсегда буду другом херсонесцам, и если соседние варвары выступят походом на Херсонес или на подвластную херсонесцам страну, или будут обижать херсонесцев и они призовут меня, буду помогать им, поскольку будет у меня время, и не замыслию зла против херсонесцев и не совершу против херсонесцев [ничего такого], что могло бы повредить народу херсонесскому, но буду содействовать охране его демократии, по [мере] возможности, пока они останутся верными дружбе со мной».

Рассмотренный дипломатический документ знаменует поворотный пункт в истории города. Херсонес отныне вступил на путь поисков помощи вовне, с тем чтобы уже никогда потом с него не сойти. Утрата политического равновесия внутри и истощение собственных ресурсов в борьбе с наступающими местными племенами заставили его сделать этот опасный для своей независимости шаг.

Хотя обязательства херсонесцев по отношению к Фарнаку нам и неизвестны, но можно не сомневаться, что помощь понтийского царя была куплена дорогой ценой, ценой признания его верховного господства над городом, объявления его простаком — покровителем Херсонеса. О том, что в данном случае на карту был поставлен вопрос о суверенитете херсонесского государства, говорят многочисленные аналогии с другими греческими полисами. Такова, например, была судьба греческих городов в Южной Италии, в частности Тарента. Ослабленный хроническими столкновениями олигархии и демоса внутри, он также утратил способность в борьбе с наседавшими на него с севера племенами прежде покорных италиков; он также оказался вынужденным

искать помощи то у спартанского царя Архидама, то у эпирского — Александра, то у сиракузского тирана Агафокла и, наконец, у царя Пирра. В конечном счёте эта политика приводит Тарент к полной утрате не только независимости, но и автономии.

Количество примеров подобного рода могло бы быть значительно увеличено, но и так ясно, какими серьёзными опасностями был чреват этот путь для Херсонеса. Может быть, в предвидении последствий своего соглашения с Фарнаком Херсонес потребовал от него гарантии неприкосновенности своего строя. Однако в Херсонесе не могли не понимать, какое реальное значение может иметь подобного рода гарантия, если речь идёт о взаимоотношениях одного из самых сильных и больших государств Малой Азии II в. с небольшим греческим городом на северном берегу Чёрного моря, окружённого со всех сторон нападающими на него врагами. Но другого выхода у херсонесцев тогда не было.

Дело в том, что к началу II в. до н. э. в непосредственной близости от границ принадлежавшей Херсонесу территории окончательно сформировалось и окрепло первое в Северном Причерноморье по времени объединение «варваров» уже государственного характера.

Проводившиеся в последние годы археологические исследования Крыма, в частности продолжающиеся и по настоящий день раскопки Неаполя Скифского (в окрестностях современного Симферополя), чрезвычайно расширили наши представления об обстановке, сопровождавшей появление «варварской» государственности.

Теперь стало очевидным, что, начиная примерно с конца IV в. и главным образом в III—II вв. до н. э., в западной части Крымского полуострова получает развитие своеобразная и богатая скифская культура. В отличие от культуры скифов предшествующего периода она может быть названа уже культурой городского типа. Крымские скифы строят города. В них развивается их собственное, уже обособившееся от земледелия ремесленное производство и торговля, создаются основы своего монументального стиля в архитектуре, скульптуре и стенной живописи, ранее нам совершенно неизвестной.

В общем достигнутый здесь уровень в развитии местных производительных сил вполне объясняет появление форм социальной жизни, которые свидетельствуют уже о государственном быте населения.

Можно думать, что государство скифов на территории Крыма начинает своё существование ещё в III в. до н. э., но своей силы оно, безусловно, достигает только во II в. до н. э. при царях Скилуре и Палаке.

Скифское государство Скилура и Палака, несомненно, испытало на себе сильнейшее воздействие греческой культуры. Главный город этого государства носил греческое имя «Неаполь».

До нас дошла также, правда, плохо сохранившаяся надпись, по всем признакам представляющая собой посвящение от имени самого Скилура на греческом языке к греческим богам. На монетах скифского царства, сделанных в чисто эллинской манере и украшенных в виде эмблемы головой Гермеса, имя Скилура воспроизводится по-гречески. В самом Неаполе наряду со скифами, несомненно, проживали и греки. До нас дошли две греческие надписи из этого города. Обе представляют собой посвящение в честь почитавшихся на Родосе Зевса Атабрия, Афины Линдийской и Ахилла от имени некоего грека Посидия. Последняя из надписей — посвящение Ахиллу — установлена была по случаю победы Посидия над сатархейми — племенем, обитавшем где-то в районе Сиваша и занимавшемся морским разбоем.

Таким образом, этот грек не только установил в Неаполе Скифском свои греческие посвящения греческим богам, но и участвовал в войнах, которые велись скифским царём. Можно думать, что Посидий по поручению этого царя предводительствовал частью его войск.

Из всего этого следует, что в ходе формирования скифского государства немалую роль сыграло влияние греков. Конечно, последнее могло иметь место лишь после того, как в недрах самого скифского общества созрели необходимые предпосылки для перехода к более совершенным и для той эпохи прогрессивным формам социальной организации. Разложение первобытно-общинного строя должно было привести к образованию государства. Экономическое, торговое, культурное общение «варваров» с греческими городами, несомненно, форсировало этот рост. При этом появление нового государства по времени совпадает с усиленным ростом враждебной грекам активности «варваров». В сущности, в возникновении скифского царства Скилура и Палака следует видеть одну из наиболее существенных форм этой активизации. Заимствуя в какой-то мере у греков их социальную организацию, «варвары» против них же обращают её острей. Политика Скилура, а затем Палака прежде всего была направлена на расширение подвластной им территории и подчинение греческих городов. Перед лицом этой мощной скифской активности у Херсонеса не оказалось иного пути, как обращение за помощью к сильнейшему в то время на Чёрном море государству.

Принёс ли, однако, реальную помощь Херсонесу его договор с понтийским царём Фарнаком? Скудость источников исключает возможность конкретного ответа на этот вопрос. Можно предполагать, что угроза вмешательства понтийского царя могла на время приостановить продвижение Скилура. Но это могло произойти и по совсем другим причинам, а именно благодаря вражде скифов с сарматскими племенами, в начале III в. перешедшими Дон и вторгнувшимися на территорию, ранее занятую скифами. Так или иначе, но потом, повидимому, Скилуру удалось вступить

в союз с роксоланами, одним из самых могущественных сарматских племён, и тогда руки у него оказались развязанными для действий против Херсонеса.

Сличение сведений о размерах подвластной Херсонесу территории на основании херсонесской присяги с аналогичными херсонесского декрета в честь полководца понтийского царя Митридата Евпатора, Диофанта, показывают, что за промежуток от начала III в. и по последнее десятилетие II в., которым датируется декрет, Херсонес лишился большей части своих прежних владений. Диофанту пришлось выбивать скифов из Керкинитиды, и из Прекрасной Гавани, и из многочисленных укреплений.

Всё это, однако, произошло уже во время царствования в Неаполе Палака, одного из многочисленных сыновей Скилура, целиком унаследовавшего политические заветы своего отца.

Не исключена возможность, что при нём объектом скифского наступления делается не только Херсонес, но и обширная территория Боспорского государства, так же как и район Ольвии. Вместе с тем то исключительное упорство, которое потом проявили скифы Палака в борьбе с войсками Митридата Евпатора, возглавленными опытным полководцем, свидетельствует о возросшей боеспособности скифского государства. Таким образом, херсонесцам всё время приходилось иметь дело с врагом, превосходящим их своими силами, а полководцу Митридата Евпатора, Диофанту, предстояло скрестить своё оружие с опасным противником.

Мы не знаем, было ли появление Диофанта в Херсонесе следствием договора 179 г., может быть, возобновлённого при преемниках Фарнака, или результатом нового соглашения Херсонеса с Митридатом. Во всяком случае, для Митридата Евпатора, проявлявшего большую энергию в деле расширения границ своего царства, оказание помощи Херсонесу было предприятием безусловно выгодным. Оно давало ему широкую перспективу присоединения к его царству северного побережья Чёрного моря, столь богатого своими материальными и человеческими ресурсами. Несомненно, Митридат Евпатор тогда уже думал о предстоящей борьбе с Римом. С этой точки зрения перспектива использовать богатую страну в качестве своего тыла не могла не представляться ему весьма заманчивой. Поэтому он и посылает на помощь Херсонесу, когда над ним нависла угроза нашествия скифов Палака, своего полководца Диофанта с крупными военными силами.

Деятельность Диофанта в Северном Причерноморье охватывает всё последнее десятилетие II в. Началась она с того, что Диофант со своим понтийским войском прибыл в Херсонес и здесь, переправившись с южного берега Севастопольской бухты, где находился город, на северный, пришёл в соприкосновение с силами Палака.

Серебряная, местами позолоченная, обивка горита из кургана Солоха, IV в. до н. э.

По словам надписи, Палак совершил на него внезапное нападение, но Диофант успел выстроить своё войско в боевой порядок. В происшедшем сражении победа досталась Диофанту, и он «обратил в бегство скифов, считавшихся до тех пор непобедимыми, и таким образом устроил так, что царь Митридат Евпатор первый водрузил над ними трофей».

После этой первой победы Диофант совершает поход против других, южных соседей Херсонеса — воинственных тавров. Добившись и здесь успеха, Диофант покидает Херсонес и едет на Боспор, где, как говорит надпись, он «в короткое время совершил много великих дел». После этих «великих дел» Диофант снова возвращается в Херсонес. Здесь он соединяет свои войска с городским ополчением, состоявшим из «граждан цветущего возраста», и с этими силами совершает новый большой поход «в центр Скифии». Под этим «центром Скифии» в надписи разумеется Неаполь и Хабеи (местоположение последнего неизвестно).

Дальше надпись рассказывает о новом большом успехе Диофанта. Ему сдаются Хабеи и Неаполь, и после этого «вышло так, что почти все скифы стали подвластны царю Митридату». В последних строках совершенно явное преувеличение успехов Диофанта, впрочем, вполне естественное в документе такого назначения, как почётный декрет. Правда, после этого похода Диофант, так сказать, сделав своё дело, покидает вместе со своими войсками северное побережье и возвращается в Синопу, но не надолго. Достигнутые им результаты оказались весьма непрочными. Меньше чем за один год скифы, повидимому, вполне успели оправиться от понесённых поражений и, «обнаружив врождённое им вероломство, отложились от царя». В действительности никакого тут «вероломства» не было, ибо, надо думать, весьма сомнительно, чтобы скифы после первого похода Диофанта даже формально признали себя подданными Евпатора.

Так или иначе, но Диофанту через несколько месяцев пришлось снова отправиться со своим войском в Херсонес. Мы застаём его вначале оперирующим только в пределах старой херсонесской территории. Он берёт Керкинитиду и «укрепления», осаждаёт жителей Прекрасной Гавани.

Надпись объясняет такое сужение театра военных действий тем, что «время склонялось к зиме» и Диофант было двинулся против «наиболее укреплённых пунктов скифов», но был «задержан непогодой». Но и в этом случае факт остаётся фактом: и Керкинитиды, и «укрепления», и Прекрасная Гавань к началу второго похода Диофанта находились в скифских руках. Таким образом, или первое поражение скифов не было таким решающим, каким его изображает надпись, и скифы сохранили перечисленные укреплённые пункты в своих руках, или они так быстро восстановили свои силы, что успели снова их занять.

Серебряный сосуд из кургана Солоха с изображением охоты, IV в. до н. э.

Пока Диофант осаждал Прекрасную Гавань и брал другие «укрепления», Палак не сидел сложа руки. Он собирает все свои силы, и сверх того ему удаётся заключить союз и привлечь на свою сторону сарматское племя роксолланов. Вскоре произошло генеральное сражение.

Надпись не приводит подробностей этого сражения и не указывает места, где оно произошло, но по её тону можно судить, какое серьёзное значение придавали этому событию в Херсонесе. На помощь Диофанту, говорится в подписи, пришла старая покровительница херсонесцев, херсонесская «Дева». Она предрекла «имеющее совершиться и вдохнула смелость и отвагу всему войску». Диофант одержал новую и, повидимому, действительно решающую победу над своими противниками. «Из пехоты (вражеской) почти никто не спасся, из конницы же немногие спаслись бегством».

Диофант немедленно же использует создавшуюся ситуацию для дальнейшего наступления на врага.

«Не оставаясь ни минуты в бездействии,— говорит надпись,— он снова отправляется в поход против Хабеи и Неаполя и там завершает начатое так удачно дело новым разгромом врага». На этом военные действия понтийского полководца против Скилура, предпринятые в защиту Херсонеса, заканчиваются.

Заключительная часть почётного декрета целиком посвящена Боспору, куда Диофант направляется сразу же после разгрома Скилура. Там ему удаётся снова устроить «дела» «прекрасно и полезно для царя Митридата Евпатора». Однако для окончательного устройства этих дел ему пришлось предпринять ещё один, третий по счёту, поход в Северное Причерноморье. Во время последнего своего похода Диофант подавил вспыхнувшее на Боспоре восстание рабов и «варваров», возглавленное Савмаком. Восстание Савмака — первое из известных нам восстаний эксплуатируемых против эксплуататоров на территории нашей страны.

После, вероятно, вынужденного отказа боспорского царя Перисада от власти и подавления восстания Савмака вся территория Боспорского государства, так же как и Херсонес, переходит под власть Митридата Евпатора, который включает их в состав своего Понтийского царства.

Для Херсонеса на этом заканчивается период его фактической независимости. Правда, и потом в его истории были периоды, когда он располагал известной автономией, однако бурные события конца II в. до н. э., по существу, уже навсегда подорвали его способность к самостоятельному государственному существованию. Вступив однажды под влиянием изложенных выше обстоятельств на путь поисков опоры вовне, он уже никогда потом, ориентируясь сначала на Рим, а затем на Византию, не может сойти с этой дороги.

БОСПОР

В отличие от Ольвии и Херсонеса, до конца сохранивших полисную структуру, города-колонии, расположенные по обоим берегам Керченского пролива (древнего Боспора Киммерийского), в 80-х годах V в. до н. э. объединились под властью правительства Археанактидов.

Этим объединением было положено начало государству, просуществовавшему много веков и оставившему после себя заметный след в истории нашего юга. Спустя немногим больше столетия после его образования, начинается рост его территории. В IV в. до н. э. боспорские владения, по выражению одной из надписей того времени, простирались от тавров, т. е. от восточной границы горного Крыма, до «земли Кавказской». На севере сфера боспорского государственного влияния распространилась до устья Дона, где находился подвластный Боспору Танаис. В состав Боспора вошли территории, населённые местными племенами, в силу чего это государство приобретает своеобразные греко-местные черты.

Боспор становится крупной по тому времени колониальной державой, что, естественно, наложило свой отпечаток и на весь его социально-экономический и политический облик. Появляется

право сравнивать Боспор с некоторыми государствами, возникшими уже в эллинистическую эпоху, — эллинистическими монархиями, точно так же образовавшимися на греко-местной основе.

Всем античным рабовладельческим полисам в одинаковой мере было свойственно стремление к политической автаркии и взаимной обособленности.

История греческих городов классического периода знает немало попыток преодолеть эту тенденцию, но, как правило, они никогда не приводили к цели. В лучшем случае возникали лишь непрочные объединения городов, быстро заканчивавших своё существование вследствие наличия противоречий внешнего и внутреннего характера. То же наблюдается и на окраинах эллинского мира. История греческой колонизации не знает ни одного примера образования на базе городов-колоний прочных и долговременно существовавших государств.

Мир «варваров» точно так же долгое время не знал прочных политических объединений.

Таким образом, и по отношению к миру античной рабовладельческой цивилизации и по отношению к миру «варваров» Боспор явился своего рода исключением. В своём возникновении он больше чем на столетие опередил эллинистические государства и на многие столетия их пережил. При этом следует подчеркнуть, что он сложился из греческих городов-колоний и местных северо-черноморских племён.

Нет никаких оснований сомневаться в том, что боспорские города-колонии были типичными греческими рабовладельческими полисами, как и возникшие на том же самом северном побережье Чёрного моря Херсонес и Ольвия. Можно с полной уверенностью так думать потому, что иных форм социально-политической организации история греческой колонизации вообще не знает.

Что касается местных племён, признавших или вынужденных себя признать подданными Боспорского государства, то это были племена, не изжившие ещё строя родовых отношений; в своём историческом развитии они не дошли ещё до системы развитых классовых отношений.

Выяснение вопроса о причинах, вызвавших образование Боспорского государства, поэтому порождает интерес, выводящий нас за пределы истории Северного Причерноморья. Возникает значительно более широкая проблема. С сожалением, однако, приходится констатировать, что на пути к её освещению возникает целый ряд совершенно непреодолимых затруднений, проистекающих из-за исключительной скудности и фрагментарности источников по истории Боспора этого времени.

Собственно говоря, возникновение Боспорского государства нашло прямое отражение лишь в одном кратком свидетельстве Диодора Сицилийского — в его хронологической заметке о смене правящих династий на Боспоре. В этой заметке сообщается, что

в год архонства Теодора в Афинах, т. е. в 438/37 г. до н. э., на Боспоре прекратилась династия Археанактидов, которые правили 42 года, и власть перешла в руки Спартока, правившего 7 лет. Этими краткими сведениями исчерпывается содержание свидетельства Диодора об Археанактидах и первом представителе новой боспорской династии Спартокидов.

Хронологические заметки Диодора по боспорской истории должны быть признаны источником в достаточной мере надёжным. До нашего времени дошло семь таких заметок; во всех остальных сообщаются сведения о продолжительности пребывания у власти преемников Спартока Первого: Селевка, Сатира Левкона, сыновей Левкона — Спартока и Перисада, Евмела и сына его Спартока. При этом одна из его хронологических заметок, именно заметка о смерти Перисада, связана в тексте с подробным рассказом о междоусобной борьбе за власть сыновей умершего царя, полным красочных, реалистических подробностей.

Исторический рассказ об этой борьбе (подробнее о ней речь будет идти ниже) справедливо признаётся одним из самых надёжных и интересных литературных свидетельств по истории Боспора. Диодор, очевидно, почерпнул его, равно как и данные для своих хронологических заметок, у какого-то неизвестного нам, но прекрасно осведомлённого в боспорских делах историка, может быть, представителя местной боспорской историографии.

Тем не менее нельзя, основываясь только на одной заметке, ответить на вопрос о конкретных причинах происшедшей на Боспоре политической перемены. Мы не можем сказать, сопровождался ли переход власти из рук Археанактидов к Спартоку насильственным переворотом или произошёл мирно, а также кем был этот Спарток до получения им власти.

Но мы не должны снимать главного вопроса: вопроса об историческом значении происшедшей на Боспоре перемены, равно как и вопроса об общем характере государства, возникшего под главенством Археанактидов, а потом управлявшегося Спартокидами. Важно одно: заметка Диодора позволяет датировать время образования Боспорского государства. 438/37 год до н. э. по этой заметке является годом конца правления Археанактидов. Если отсчитать от 438/37 г. до н. э. 42 указанных Диодором года, приходящихся на правление Археанактидов, получается 480/79 г. Этот год утверждения за ними власти над Боспором, очевидно, и был годом возникновения боспорского государственного объединения.

Некоторый свет на особенности этого объединения проливают боспорские посвятительные надписи несколько более позднего времени с именами и титулатурой боспорских Спартокидов. В этих надписях Левкон, Перисад и другие правители Боспора IV и III вв. до н. э. обычно именуются «архонтами Боспора и

Феодосии» и царями перечисленных по именам местных племён, царями синдов, псессов, торетов, дандариев и т. д. Наиболее древняя из этих надписей датируется именем Левкона, правившего на Боспоре между 387--347 гг. до н. э.

На вопрос, почему в его титуле и титулах его ближайших преемников выделена Феодосия, следует ответить следующим образом. Этот город первоначально не вошёл в состав боспорского объединения и был к нему присоединён при помощи оружия. Война против него была начата предшественником Левкона, Сатиром, который, по данным, содержащимся в античной литературной традиции, умер под стенами Феодосии во время её осады. Феодосия была завоёвана и включена в состав Боспорского государства Левконом. Поэтому-то она и выделена в его титуле.

То же самое можно сказать и о перечне местных племён. Сопоставление надписей с титулами Левкона и Перисада ясно показывает, что они включались в этот перечень или, напротив, из него исключались по мере их присоединения или отпадения из состава Боспорского государства.

Отсюда ясно, что под собственно Боспором во всех этих надписях разумеется исконная территория этого государства — территория, остающаяся за вычетом владений Феодосии и земель, населённых местными племенами.

По своим размерам эта территория собственно Боспора была невелика. Страбон в своём описании Восточного Крыма прямо говорит, что первоначально боспорские тираны владели здесь лишь небольшой территорией при устье Местиды и до Феодосии.

Известное представление о первоначальных её размерах могут дать три древних вала, сохранившиеся на Керченском полуострове до наших дней. Первый из них проходит сразу же за Пантикапеем. Он отгораживал самую восточную часть названного полуострова по линии Камыш-Бурун — Золотой курган — Катерлес — Тархан. Второй вал известен под именем Аккосова вала. Он перегораживает Керченский полуостров по линии Узунларское озеро — Аджибай. Наконец, третий, теперь менее заметный вал, повидимому, проходил от берега Феодосийской бухты по направлению на север до Арабатской стрелки.

Все три вала до сих пор почти не подвергались археологическим исследованиям. По поводу их происхождения высказывались различные предположения. Наиболее вероятно, что эти валы предназначались для защиты боспорской территории от набегов воинственных соседей. В таком случае Керченский полуостров с тремя линиями пересекающих его валов отражает постепенный рост боспорских владений. Пространство же, ограждённое первым, а может быть и вторым валом, и было, очевидно, первоначальной территорией археанактидовского Боспора.

Мы не располагаем сведениями, какие из известных нам боспорских городов-колоний явились инициаторами объединения и какие из них с самого начала вошли в его состав. То, что в титулатуре боспорских царей из династии Спартокидов имена этих городов никогда не встречаются, позволяет думать, что ко времени Спартокидов они полностью растворились в имени общего для них государства.

С уверенностью можно сказать, что в составе этого объединения находились Пантикапей и Фанагория, ибо посвященные надписи с именами и титулатурой Спартокидов происходят из этих городов. Совершенно исключается, чтобы посвящители могли датировать свои посвящения именами и титулами боспорских правителей, не считая себя и свои города их подданными.

Таким образом, в состав первоначальных владений Боспора, несомненно, входили и владения Пантикапея и территории Фанагории на таманской стороне пролива. Следует думать, что первоначальная территория собственно Боспора на азиатской, по античной терминологии, стороне пролива также была невелика. По всей вероятности, она ограничивалась Таманским побережьем. В древности Тамань была не полуостров, а остров, хорошо защищенный от нападения водными преградами, глубоко врезающимися в него лиманами и болотами.

Обращает на себя внимание полное молчание и надписей и литературной традиции о времени вступления таманских городов в состав объединения. Создаётся совершенно определённое впечатление, что и надписи и литературная традиция считаются с фактом пребывания их в составе боспорского государственного объединения, как о чём-то само собой разумеющемся. Отличие в положении Феодосии, завоевание которой оставило после себя заметный след и в эпиграфике и в литературной традиции, не может не броситься в глаза.

Между тем археологический материал показывает, что боспорские города находились в постоянных и довольно оживлённых отношениях со своей средиземноморской родиной. Едва ли при таких условиях утрата ими политической самостоятельности — случись такое событие позже, в значительно лучше известную нам эпоху, — могла бы пройти совершенно незамеченной и не оставила бы после себя ни малейших следов в источниках.

Итак, в 80-х годах V в. возникло новое государственное объединение, включившее, по всем признакам, в свои границы территорию на обоих берегах пролива и потому с самого же начала превысившее по размерам любой эллинский полис.

История археанактидовского Боспора нам почти неизвестна. Состояние источников таково, что мы даже не знаем, какие именно из других боспорских городов, помимо Фанагории и Пантикапея, признали над собой верховную власть Археанак-

Серебряная ваза из Чертомлыцкого кургана,
IV в. до н. э.

тидов. Весьма вероятно, что из наиболее крупных городов-колоний в состав его вошли Гермонасса и Сады.

С уверенностью можно констатировать только одну, уже отмеченную черту археанактидовского Боспора. Занимаемая им на обоих берегах пролива территория, безусловно, была очень невелика. Восточная оконечность Керченского полуострова и незначительная территория на азиатской стороне пролива — всё это вместе взятое образует площадь, совпадающую по своим размерам с нашими представлениями об объединении трёх-четырёх обычных полисных территорий.

Этот факт даёт основание думать, что боспорское государственное объединение возникло как объединение одних греческих полисов-колоний, без заметного участия в нём местных элементов, которые вошли в состав Боспорского государства, очевидно, лишь позднее. Греческое имя возглавивших это объединение Археанактидов как нельзя более согласуется с нашим представлением о его первоначальном характере.

С этой точки зрения, конечно, не случайно и то, что боспорские Спартокиды в пантикапейских и фанагорийских посвященных надписях вплоть до первой половины III в. до н. э. и по отношению к Боспору и по отношению к Феодосии неизменно именуются архонтами. Нарочитость этого титула, помимо его устойчивости, подчёркивается одновременным существованием титула «царь», который с такой же неизменной последовательностью используется в надписях для обозначения власти боспорских правителей только над местными племенами.

Обоими этими терминами в древности пользовались весьма широко. Тем не менее в V—IV вв. до н. э. их содержание приобретает всё же известную определённость. К этому времени термин «царь», занимавший также видное место в греческом эпосе, в общем, если не считать Спарты, выпадает из политического словаря ведущих греческих государств, сохраняясь местами только как анахронизм. Этот термин в господствующем словоупотреблении применяется теперь главным образом к негреческим, «варварским» правителям для определения их власти над их же «варварскими» подданными.

Что касается термина «архонт», то, при всей широте его содержания, он относится только к магистратам эллинских полисов-республик. Таким образом, политическая терминология боспорских надписей не расходится с общегреческим словоупотреблением. Отсюда можно прийти к следующему выводу: если по отношению к боспорским городам и Феодосии Спартокиды продолжают называть себя архонтами, то это потому, что все эти города и под их властью продолжали сохранять в какой-то мере свою полисную структуру.

Если так было при Спартокидах, то ранее, в первый век существования боспорского объединения под главенством Археанактидов, эта полисная автономия должна была чувствоваться ещё сильнее. Очевидно, правильнее всего представлять себе археанактидовский Боспор в виде союза городов.

История греков архаической и классической эпохи знает несколько типов таких объединений. В одних случаях их возникновение было связано с обстановкой, насыщенной военными столкновениями. Таким, повидимому чисто военным, было возникшее ещё в глубокой древности объединение вокруг Аргоса, в Пелопоннесе, в пору успехов Фидона. В конце VI и в V в. и также в прямой связи с напряжённой военной обстановкой аналогичное объединение возникает в Сицилии вокруг Сиракуз. Обычно,

когда напряжение борьбы с внешним врагом ослабевало и с исторической сцены сходили люди, возглавлявшие эту борьбу, такие объединения распадались.

Другой тип греческих объединений восходит к племенным союзам, известным уже в глубокой древности. В эти объединения обычно входили близкие соседи, связанные общностью культа и общей святыней. Таким было объединение аркадян вокруг культа Зевса Ликейского, объединение ахейцев на северном побережье Пелопоннеса вокруг культа Зевса Эгейского, аналогичные объединения у этолян, акарнанцев, фокейцев и др.; эти объединения, порождённые потребностью в общении нескольких племён друг с другом, не носили ещё политического характера, и при наличии общих культов каждый из городов фактически продолжал сохранять свою обособленность и независимый политический строй.

Оба отмеченных типа греческих объединений вряд ли могли найти для себя почву на берегах Боспора Киммерийского. На далёкой окраине эллинского мира между колонистами вряд ли могли установиться такие связи и общность, какие в центральной Греции порождались многовековым соседством и племенной близостью. По крайней мере, мы ничего не знаем о таких связях между боспорскими городами. Здесь не было такой напряжённой борьбы с врагом, которая потребовала бы от боспорских городов объединения их сил. Местный мир в первые века колонизации не изжил ещё племенной раздроблённости. Борьба с отдельными племенами при таких условиях не могла заставить греческие города поступиться своей традиционной независимостью.

Напротив, есть все основания предполагать, что во взаимоотношениях городов-колоний с местным населением преобладали мирные, торговые связи, что, конечно, не исключало возможности отдельных военных столкновений.

Скорее всего объединение боспорских городов напоминало союзы, подобные Делосскому и Пелопоннесскому, которые возникают уже в более позднее время. В этих союзах на первый план выступают уже не моменты племенной и религиозной близости, а моменты экономические и политические.

Не приходится отрицать, что моменты общности интересов такого рода должны были иметь место и в среде боспорских колонистов.

Все боспорские города в одинаковой мере были торговыми городами и, следовательно, в одинаковой мере были заинтересованы в организации хлебного экспорта. Их объединение открывало перспективы значительных экономических выгод. Страна была плодородной, а воды Азовского моря и Керченского пролива изобиловали рыбой. Господство над этим проливом открывало пути и на север, к устью Дона, и на юг, обеспечивая широкие возможности для развития морского экспорта зерна, рыбы и рабов в центральные районы Греции. С другой

стороны, объединение их должно было отвечать и соображениям военно-стратегического характера.

Впрочем, мало вероятно, чтобы все эти экономические и политические причины, взятые сами по себе, смогли заставить боспорские города-колонии поступиться своей независимостью. Сколько раз в истории греческих городов V и IV вв. до н. э. соображения экономической и политической выгоды могли подсказывать необходимость и целесообразность объединения! Но противоположные тенденции всегда брали верх, и эллинские полисы продолжали отстаивать свою независимость всеми средствами.

Значит, только какие-то совершенно исключительные обстоятельства могли привести к перелому и вызвать к жизни объединение, построенное — как бы мы его ни рассматривали — всё же на началах отказа его членов от своего прежнего суверенитета.

В этом отношении решающее значение приобретает дата утверждения власти Археанактидов над Боспором — 480 г. до н. э., сообщаемая Диодором. Эта дата говорит о многом. Этим годом датируется кульминационная точка в том великом историческом столкновении Востока и Запада, значение которого для последующего развития античного общества не может быть недооценено. Исторические победы греков над персами 480—479 гг. по времени совпали с объединением боспорских городов под властью общего правительства.

Совпадение это не может быть случайным. Боспорские города были колониями ионян. Весь известный до сих пор археологический материал, обнаруженный в древнейших культурных слоях боспорских городищ и наиболее древних погребениях некрополей, свидетельствует о прочных и оживлённых связях боспорских греков с ионийским побережьем.

Ионийские города между тем первыми приняли на себя удар с Востока, первыми подпали под власть персидской державы и первыми в 499 г. подняли против неё оружие, открыв тем самым эпопею греко-персидских войн. Подавление восстания ионийских городов в 494 г. сопровождалось такими ужасными опустошениями, что ионийские города никогда потом не смогли уже оправиться и занять прежнее место ведущих центров в экономической и культурной жизни греческого мира.

Все эти события не могли не отразиться самым существенным образом на положении боспорских городов. Если их торговая деятельность, может быть, и не была полностью парализована, то во всяком случае она значительно сократилась. Боспор вступил в полосу экономического кризиса.

Боспорские города, таким образом, объединились под властью Археанактидов в обстановке кризиса, который, следует думать, отразился самым пагубным образом не только на их экономическом положении. Если взаимоотношения этих горо-

дов с окружавшей их массой местного населения основывались прежде всего на торговле, которая была выгодна обеим сторонам, то теперь, с сокращением этой торговли, их отношения с соседями должны были ухудшиться.

Боспорские города теперь уже не могли предъявлять прежнего спроса на местное сырьё и, в свою очередь, снабжать местное население импортными товарами. Близкое соседство с городами греков, в этой связи, утратило для местного населения свои положительные стороны, тогда как отрицательные продолжали оставаться в силе. Это должно было повлечь за собой активизацию тех местных элементов, которые и раньше были настроены враждебно по отношению к греческим колонистам.

Перед лицом этой опасности появились стимулы, толкавшие города-колонии на объединение своих сил. Именно эта потребность перевесила, очевидно, существовавшие между ними противоречия и заставила преодолеть присущее всем им стремление к автаркии. Таким образом, между событиями, разыгравшимися на ионийском побережье Средиземного моря, и объединением боспорских городов, по всем признакам, существует прямая связь.

Столкновения с персами привели к тому, что на берегах Боспора Киммерийского возникли те самые чрезвычайные обстоятельства и напряжённая обстановка, которые только и могут нам объяснить, как и почему боспорские города оказались вынужденными поступиться своей независимостью.

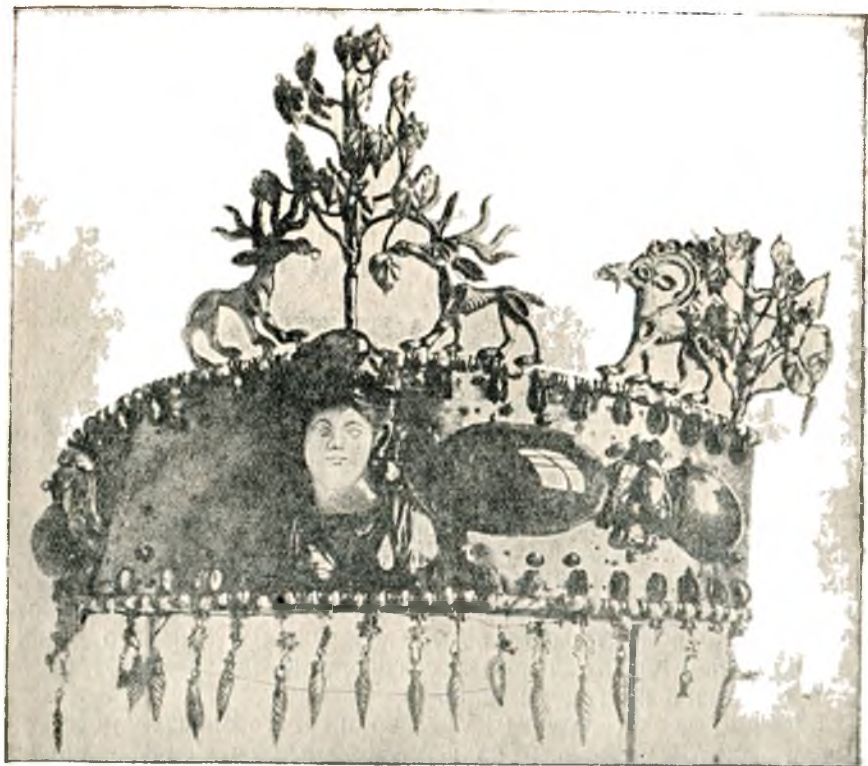
В нормальных условиях для эллинских полисов, дороживших больше всего независимостью, такая жертва вряд ли оказалась бы возможной.

Мы не располагаем конкретными данными о полномочиях и объёме власти нового боспорского правительства.

Возглавившие это правительство Археанактиды происходили, повидимому, из Милета. В 1914 г. при раскопках Милета была найдена надпись, представляющая собой список милетских должностных лиц — так называемых эсимнетов. Отцом одного из эсимнетов, отправлявшего свою должность в 516—515 гг. до н. э., в надписи назван Археанакт. Жизнь этого Археанакта совпадает, повидимому, с предполагаемым временем основания Пантикапея. Может быть, он принимал участие в основании этой колонии и был избран архонтом. Должность архонтов, как известно, в греческих городах заполнялась путём ежегодных выборов. В данном случае она становится наследственной.

Фактически Археанактиды стали, очевидно, единоличными правителями нового государственного объединения, охватившего своими границами оба побережья Керченского пролива.

Резиденцией Археанактидов и столицей этого государства становится Пантикапей. Он первым из боспорских городов стал выпускать монету, обращающуюся на всей боспорской территории. Самым крупным городом боспорского объединения на

Золотая диадема из кургана близ Новочеркасска.

таманской стороне пролива становится Фанагория. Её можно назвать второй, азиатской, столицей Боспора.

Насколько власть центрального правительства Археанактидов стеснила автономию городов, вошедших в состав этого объединения, мы не знаем. Можно, однако, с уверенностью думать, что в той или иной мере они продолжали сохранять своё полисное самоуправление, находившееся лишь под общим контролем со стороны центрального правительства.

В экономическом отношении боспорское объединение, несомненно, давало ряд преимуществ его участникам. Впрочем, это могло сказаться только уже после побед греков над персами 480—479 гг., когда экономическая жизнь всей Греции быстро восстанавливается и города средиземноморской Греции вступают в полосу расцвета.

Это должно было совершенно определённым образом отразиться и на положении Боспора. Торговые связи боспорских городов с ионийским побережьем восстанавливаются. Общая конъюнктура на рынке стала улучшаться, но, надо думать, не

сразу. Торговые центры ионийского побережья после разгрома, связанного с подавлением ионийского восстания, уже не смогли вернуть себе прежнего положения. На исторической арене не только Средиземноморья, но и черноморских побережий выступает новая сила в лице Афин.

Афинские устремления к побережьям Чёрного моря становятся заметными задолго до начала греко-персидских войн. С первой четверти VI в. уже можно наблюдать распространение афинских керамических изделий по всем побережьям Чёрного моря.

В годы правления Писистрата установление афинского контроля над Геллеспонтом — этими воротами в Чёрное море — становится центральной проблемой афинской внешней политики. Овладев Херсонесом Фракийским на европейской стороне пролива и Сегеем на побережье Малой Азии, афиняне разрешили эту проблему. Последующее наступательное движение персов свело к нулю эти успехи афинской внешней политики.

Победоносные результаты греко-персидских войн и образование Афинского морского союза вновь открыли перед Афинянами широкие возможности проникновения в Чёрное море. После окончания греко-персидских войн Афины занимают первое место в торговле со всеми побережьями Чёрного моря. Торговля понтийских городов с городами побережья Малой Азии отступает на задний план.

Впрочем, до середины V в. до н. э. северочерноморский рынок был только одним из афинских рынков. Только после того как попытка афинян утвердиться в низовьях Нила и обеспечить своему городу подвоз дешёвого египетского хлеба, предпринятая ими в 459 г. до н. э., закончилась полной неудачей (в дельте Нила погиб почти весь афинский флот, посланный на помощь восставшему Египту), Чёрное море вновь становится в центре афинского внимания. Афинские политические деятели — вне зависимости от их принадлежности к тем или иным борющимся друг с другом политическим направлениям — были совершенно единодушны в своём отношении к Чёрному морю.

С этой точки зрения не случайна одна из передаваемых Плутархом версий о жизни Аристиде. Согласно этой версии, он умер на Понте. Заинтересованность афинян в Чёрном море нашла также отражение у Геродота. Сравнивая в своём описании северочерноморскую Таврику с Аттикой, Геродот явно ориентировался на афинского читателя.

Наиболее существенным шагом в политике афинян на Чёрном море явилась так называемая понтийская экспедиция Перикла. Повидимому, она была предпринята около 444 г. до н. э. Большая афинская эскадра, возглавленная самим Периклом, вошла в Чёрное море. Перикл поставил себе целью обеспечить прочную связь с припонтийскими городами-колониями и продемонстрировать военную мощь Афин.

Во время этой экспедиции афиняне закрепили достигнутый ими успех созданием опорных пунктов на побережьях Чёрного и Мраморного морей. Так, афинскими колонистами был заселён город Астак, находившийся на побережье Мраморного моря. На южном побережье Чёрного моря они утвердились в Амисе, некогда основанном фокейскими колонистами. Вмешавшись во внутренние дела Синопы и добившись утверждения в этом городе сочувствовавшего им правительства, афиняне поселили здесь шестьсот своих колонистов. Наконец, афиняне закрепили, повидимому, за собой и северное побережье Чёрного моря, подчинив своему влиянию боспорский город Нимфей, расположенный к юго-западу от Пантикапея, в непосредственной близости к нему.

С началом Пелопоннесской войны (431 г.) афиняне, естественно, уже не могли проявлять прежней энергии на Чёрном море. Война сковала их внешнеполитические возможности.

Однако после сицилийской катастрофы (413 г.), когда афиняне навсегда должны были отказаться от всяких посягательств на Сицилию и сицилийский хлеб перестал прибывать в Афины, черноморские побережья — и прежде всего северное — становятся главным источником снабжения Афин хлебом, сыром и рабами.

Устремления афинян к черноморскому побережью нашли себе отражения и в материале археологии. В результате археологических исследований боспорских городов было обнаружено немало изделий афинского происхождения: афинская чернолаковая посуда в виде кубков, чаш, терракотовые статуэтки, художественные расписные вазы работы афинских мастеров и т. д.

Из Афин в боспорские города вывозились также металлические изделия: серебряные и золотые украшения, предметы вооружения, бронзовые и серебряные сосуды, много вина и оливкового масла. Часть этих товаров потреблялась населением боспорских городов, но большая часть перепродавалась окружающему местному населению или выменивалась у него на хлеб и другие виды сырья.

На афинский импорт боспорские города отвечали усиленным экспортом. В этот торговый оборот были вовлечены, как свидетельствуют о том местные погребения и раскопки местных городищ, широкие слои местного населения и прежде всего знать, активно участвовавшая в торговле с греческими городами.

Результатом этого было широкое внедрение греческой материальной культуры и соответствующих бытовых и культурных навыков в жизнь местного общества. В многочисленных курганных погребениях местной знати этого времени преобладают вещи греческого происхождения. В самом обряде погребения также сказывается греческое влияние. Особенно заметно оно на территории Синдики, о чём свидетельствуют, например, синдские

монеты, чеканившиеся в точном соответствии с греческими образцами.

В свете всех этих явлений становится понятным и общий характер происшедшей на Боспоре политической перемены.

Как уже указывалось, по свидетельству Диодора, в 438/37 г. до н. э., власть на Боспоре перешла от Археанактидов к некоему Спартоку, родоначальнику новой боспорской династии, управлявшей затем этим государством вплоть до конца II в. до н. э.

Не располагая сведениями о конкретных обстоятельствах, сопровождавших смену династий, мы, однако, ясно представляем её историческое значение. Если Археанактиды, судя по их чисто греческому имени, были греками, то Спарток и его преемники вышли из местной среды.

Имя Спартока, как и имена других представителей новой династии, например, Перисада, известно нам из текстов, связанных с Фракией. Поэтому в научной литературе существует мнение, что Спарток был фракийцем. Другие представители династии Спартокидов носили чисто греческие имена: Сатир, Левкон, Евмел, Горгипп, Аполлоний.

Это, несомненно, свидетельствует о сильном воздействии эллинской культуры на правящие круги Боспора. До нашего времени дошёл афинский рельеф с изображением трёх Спартокидов: Спартока Второго, Перисада и брата их Аполлония. На этом рельефе им придан чисто греческий внешний облик.

Однако греки, если судить по античной литературной традиции, видели в Спартокидах всё же представителей «варварской» династии. Например, Страбон, рассуждая о высоких моральных качествах, свойственных некоторым «варварам», в качестве примера таких добродетельных «варваров» называет боспорского правителя Левкона.

В этой связи, естественно, возникает вопрос, действительно ли следует непременно рассматривать Спартока как выходца из Фракии, т. е. человека, не связанного с местной (боспорской) средой. Имя Спартока, правда, в несколько иной транскрипции, упоминает Фукидид в тех местах своего труда, которые посвящены фракийскому царству Одрисов. Это, однако, ещё не означает, что Спарток не мог быть представителем местной скифской или меотийской знати.

Дело в том, что с VI в. до н. э. наблюдается проникновение скифов на Балканский полуостров. Оно засвидетельствовано и античной литературной традицией и археологическим материалом — многочисленными находками скифских вещей на территории Балканского полуострова. Повидимому, после проникновения скифов на территорию, заселённую фракийскими племенами, они смешались с последними.

Таким путём скифские имена могли войти во фракийский обиход. Наши сведения о языке фракийцев и о языке скифов

вообще очень скудны. Поэтому грань между фракийскими и скифскими племенами весьма условна.

В конце концов вопрос, был ли Спарток фракийцем, т. е. человеком пришлым, попавшим на Боспор в силу стечения случайных обстоятельств, или, наоборот, выходцем из верхних слоёв местного общества, не так уж существенен.

Важно другое. Спартокиды, безусловно, располагали связями и пользовались влиянием в местной среде.

Не исключена возможность, что они вышли из синдской среды. В этих связях с местным миром и состояло их главное преимущество по сравнению с их предшественниками — Археа-нактидами.

В период боспорской истории, связанной с именем династии Спартокидов, разрешаются две задачи, стоявшие перед этим государством: задача территориального расширения границ Боспора и задача усиления центральной власти. Расширение боспорской территории теснейшим образом связано с изменением общей экономической обстановки. Усиленный спрос на боспорский хлеб и сырьё уже не мог быть удовлетворён за счёт прежних ресурсов — скупки хлеба у местного населения. У боспорских экспортёров возникает потребность в создании собственной сельскохозяйственной базы.

Боспорская территориальная экспансия развивается, по всем признакам, постепенно. Она становится заметной только со времени правления Сатира, находившегося у власти между 407—388 гг. до н. э.

Имя Сатира упоминается рядом античных авторов. В так называемой банкирской речи Исократ, произнесённой около 393 г., говорится, что некий Сопей получил от Сатира в управление большую область, а также заботился о других его владениях.

Из текста Исократ, таким образом, следует, что к началу IV в. боспорская территориальная экспансия уже достигла значительных успехов. Осуществлялась она главным образом при помощи оружия. Так, из одного рассказа следует, что Сатир вёл военные действия на кавказской стороне пролива, а территория Синдика уже находилась под его политическим контролем.

Сообщается также, что Сатир умер под стенами Феодосии во время осады этого города. Войну с Феодосией вообще следует рассматривать как важнейший этап военной деятельности Спартокидов.

Война эта была вызвана несколькими причинами. Феодосия обладала прекрасной гаванью и явилась бы важным транзитным пунктом для боспорской хлебной торговли. Территория, на которой был расположен этот город, отличалась плодородием. Завоевание её — поскольку владения Феодосии граничили с горным Крымом, населённым полудикими таврскими племенами, — должно было довести границу боспорских владений на европейском побережье до определённого рубежа.

Были и политические причины, обусловившие эту войну. По данным одного из наиболее надёжных периплов¹ в Феодосии проживали боспорские изгнанники. Свидетельство об этих изгнанниках весьма существенно. Маловероятно предположить, чтобы политика усиления центральной власти, начатая, очевидно, ещё Археанактидами и теперь продолжаемая Спартокидами, не вызвала оппозиции со стороны приверженцев полисной независимости.

Упоминание об этой оппозиции можно найти и в других источниках. Выше мы уже касались банкирской речи Исократ. Из неё мы узнаём, что некий Сопей был заподозрен Сатиром в покушении на его власть и участии в заговоре. Это обвинение распространилось и на сына Сопея. Сатир заподозрил его в сношениях с политическими эмигрантами.

Для политических противников боспорской централизации естественнее всего было бежать именно в Феодосию. Всё, что мы знаем об этом городе, позволяет считать его типичным греческим полисом. В частности, на территории феодосийского некрополя до сих пор не было обнаружено ни одного погребения смешанного, греко-местного характера. Материальная культура города также представлена преимущественно вещами чисто греческого происхождения. Феодосия не вошла в состав боспорского государственного объединения, очевидно, по причинам политического характера и продолжала сохранять независимость. Наконец, она находилась на большом расстоянии от других боспорских городов.

Война с Феодосией оказалась затяжной. На помощь ей пришла Гераклея Понтийская — метрополия Херсонеса Таврического. Продвижение боспорской границы на запад создавало для Херсонеса серьёзную угрозу. Боспор мог поглотить и его. Кроме того, Феодосия, повидимому была связана с Гераклеей Понтийской торговыми отношениями. Гераклея прислала на помощь осаждённой Феодосии свой флот. В разных пунктах побережья с кораблей были высажены десанты.

Война затянулась. После смерти Сатира её продолжал его преемник Левкон (389/88—349/48 гг.). Он располагал наёмной тяжело вооружённой пехотой и конницей своих союзников — скифов. Однако наёмники действовали вяло; дело дошло до того, что Левкон должен был поставить скифских союзников позади своих тяжело вооружённых воинов-наемников. Скифам был дан приказ — расстреливать пехоту, если она начнёт отступать.

В конце концов эта война закончилась победой Боспора. Феодосия оказалась вынужденной капитулировать.

Однако, судя по тому, что Спартокиды в дальнейшем в официальных надписях именуются архонтами Феодосии, капитуля-

¹ Перипл — описание морского маршрута, имевшее значение путеводителя.

ция эта не была безоговорочной. Очевидно, Феодосия и под властью Боспора сохранила известную автономию.

После присоединения к Боспору Феодосия становится одним из важнейших центров боспорского хлебного экспорта. По отзывам афинских моряков, её гавань в середине IV в. до н. э. не уступала пантикапейской.

Расширение азиатской территории Боспора нашло в литературных источниках лишь слабое отражение. Страбон, например ничего не сообщает о том, каким образом Боспору удалось утвердить свою власть над местными племенами. О боспорской территории на восточной стороне пролива он пишет так: «Часто боспорские правители владели [территорией]». Выражение «часто владели» позволяет думать, что границы боспорской территории не отличались здесь устойчивостью. В другом месте Страбон прямо говорит, что отдельные местные племена временами отпадали от Боспора.

Наиболее существенные сведения об азиатских владениях Боспора мы черпаем не из литературных источников, а из неоднократно уже упоминавшихся боспорских посвячительных надписей с именами и титулами Спартокидов. В одной из них, найденной на берегу Цукурского лимана и происходившей, вероят-

Изображение медузы на бронзовом панцире из кургана близ станции Елизаветинской (Кубань).

но, из Фанагории, Левкон назван только архонтом Боспора и Феодосии.

Многие исследователи считают эту надпись наиболее древней и, основываясь на её содержании, делают вывод о том, что развитие боспорской территориальной экспансии началось на крымской стороне пролива. Только после завоевания Феодосии боспорские правители поставили перед собой задачу — подчинить территорию на другой стороне пролива.

Действительно, во всех других надписях с именем Левкона к его титулу прибавляется перечень подвластных ему племён. Первыми в этом перечне всегда стоят синды. Как уже указывалось, они больше, чем другие местные племена, испытали эллинизирующее воздействие греческих городов. Очевидно, они в большей мере, чем другие, были вовлечены в торговые отношения с греческими городами. Следует думать, что они первыми и вошли в состав Боспорского государства. В титуле Левкона за синдами следуют тореты, дандарии и псессы.

В надписях преемника Левкона Перисада (343/42—310/09 гг.) в этом перечне наблюдаются некоторые изменения. В одной из его надписей за синдами следуют тореты и дандарии; псессы же отсутствуют. В другой надписи Перисад назван «царём синдов и маитов» (меотов). Ещё в двух надписях за маитами следуют: в одном случае — татеи, в другом — доски.

При всей трудности точной локализации земель, занятых этими племенами, мы всё же знаем, что синды жили на самом Таманском полуострове; что ближайшие их соседи тореты, обитали к югу от них, занимая район современного Новороссийска; что псессы были непосредственными соседями торетов с восточной стороны и жили по берегам Кубани. Татеи же и доски обитали к югу от Кубани, по её притокам.

Судя по надписям, подчинение всех этих племён боспорскими правителями происходило постепенно. Отдельные племена признавали над собой верховную власть Боспора, некоторые из них потом отпадали, присоединялись новые. Мы не располагаем сведениями, происходило ли их подчинение мирным путём или при помощи оружия.

В исторической действительности, повидимому, могло иметь место и то и другое. В одних случаях племенная знать, вовлечённая в торговлю с греческими городами, могла быть экономически заинтересованной в соединении с Боспором. Это могло совпадать с интересами и более широким слоёв местного населения, также продававшего хлеб боспорским купцам.

В других случаях стремление к племенной независимости брало верх над всеми другими мотивами. Такие племена, очевидно, завоёвывались. Сведения о военных столкновениях сохранились у Полиена; кроме того, о них свидетельствует одна из надписей — надгробие пафлагонца, «сражавшегося (на земле) маитов».

Вопрос о характере взаимоотношений, сложившихся на Тамани между Боспором и местными племенами, является одним из самых сложных и в то же время одним из самых важных вопросов боспорской истории. Какой, в самом деле, конкретный исторический смысл следует вложить в термин «царь», которым определяется власть Спартокидов над племенами в официальной титулатуре? Означал ли он, что территория племени, признавшего Левкона или Перисада своим царём, действительно становилась его царским владением? Какова была судьба населения этих территорий?

Обо всём этом мы знаем весьма мало. На основании отдельных сведений, разбросанных в античной литературной традиции, можно заключить, что Спартокиды управляли подвластными им территориями при помощи наместников. В ряде случаев эти наместники были греками; иногда же они были связаны со Спартокидами родственными узами. К сожалению, мы ничего не знаем о конкретных правах и полномочиях, которыми были наделены наместники по отношению к населению управляемых ими территорий.

Единственная, весьма интересная подробность, могущая пролить некоторый свет на этот вопрос, встречается у Диодора. В рассказе о междоусобной борьбе сыновей Перисада он сообщает, что на помощь к одному из них, именно Евмелу, явился некий Арифарн, «царь татеев». У Арифарна было войско, состоявшее из 20 тысяч конницы и 22 тысяч пехоты.

Основываясь на этом свидетельстве, можно было бы прийти к важному выводу: признавая себя подданными Перисада, татеи продолжали сохранять и своего царя и свои вооружённые силы. К сожалению, из рукописных текстов Диодора не ясно, был ли упоминаемый Арифарн царём именно татеев. Существуют ещё косвенные данные, подтверждающие предположение о сохранении местными племенами известной автономии и после вхождения их в Боспорское царство.

Много времени спустя, когда Митридат Евпатор оказался в Северном Причерноморье и его эпопея приближалась к трагической развязке, он обращается за поддержкой к племенам, граничившим с боспорской территорией, а может быть, непосредственно на ней и жившим.

Автор главного нашего источника по истории митридатовых войн, Аппиан, рассказывает, что Митридат хотел привлечь эти племена на свою сторону в качестве военных союзников для продолжения войны с Римом. Понтийский царь стремится сблизиться с вождями этих племён, в частности путём установления родственных уз: он выдал за них замуж своих многочисленных дочерей. В глазах Митридата эти племена были определённой силой, которую он мог использовать в своих военных и политических расчетах. Любопытно отметить, что и Страбон в своей характеристике меотийских племён подчёркивает их воинственность.

Рельеф с бюстом Силена, II в.н.э. (*Героевка близ Керчи*).

Характеристика племён, данная Страбоном, относится к гораздо более позднему времени. Митридат Евпатор также отделён от первых Спартокидов промежутком больше чем в три столетия. Племена, к которым обращался с предложением союза Митридат, в течение нескольких веков находились под постоянным воздействием — прямым или косвенным — Боспорского государства, и всё-таки они сохранили такие качества, которые заставили Митридата искать в них опору в один из самых напряжённых моментов его деятельности.

Всё это даёт основания думать, что в IV в., во времена первых Спартокидов, когда боспорская территориальная экспансия только началась, местные племена обладали, по меньшей мере, такими же качествами. Иначе, признав себя однажды подданными Боспора, они не были бы в состоянии потом от него отделиться. Иначе границы территории, подвластной Боспору, не были бы такими зыбкими, какими они вырисовываются на основании надписей и показаний Страбона.

Таким образом, есть все основания думать, что и города-колонии греков и местные племена, вошедшие в состав Боспорского государства, продолжали сохранять в той или иной мере свою автономию.

Боспор Спартокидов, конечно, не был централизованным государством в позднейшем смысле этого слова. Центральная власть — хотела ли она этого или не хотела — не могла лишить совершенно население подвластной территории автономии уже хотя бы потому, что ей нечего было противопоставить сложившемуся веками стремлению греческих городов к самостоятельному политическому существованию и не менее устойчивым традициям племенного строя. Боспорской центральной власти пришлось считаться в одинаковой мере и с теми и с другими.

Поэтому власть боспорских правителей отличалась двойственностью. Как мы уже знаем, они были архонтами по отношению к боспорским городам и царям и по отношению к племенам «варваров».

По своей форме власть их носила единоличный, монархический характер. Она находила себе опору и в военных силах, которыми располагали Спартокиды. Имеются сведения, что на Боспоре существовали наёмные войска. Во время войн они действовали совместно с отрядами подвластных Спартокидам племён и их союзников.

Власть Спартокидов, несомненно, находила себе экономическое оправдание. Боспор первых Спартокидов, объединив значительную территорию, приобрёл обширную материальную базу.

Опираясь на эту базу, он получил возможность широко использовать природные богатства страны и благодаря этому завязать оживлённые торговые сношения со всем эллинским миром и прежде всего с Афинами.

Данные о размерах афино-боспорской торговли в IV в. содержатся в одной из речей Демосфена, произнесённой им в афинском народном собрании в 355/54 г. Из этой речи следует, что Левкон вывез в Афины только из одной Феодосии 2 млн. 100 тыс. медимнов (более 5 млн. пудов) хлеба. Ежегодный экспорт хлеба из Боспора в Афины составлял, повидимому, свыше 400 тыс. медимнов (около 1 млн. пудов).

Даже в особо неурожайные годы, когда во всей Греции ощущался острый недостаток хлеба, Афины не только сами были полностью им обеспечены, но и получали значительную прибыль, перепродавая его другим городам.

На основании особого договора, заключённого при первых Спартокидах, боспорское правительство предоставило афинским купцам право беспошлинного вывоза местного хлеба в неограниченном количестве. Тот же договор признавал и за боспорскими купцами право беспошлинного вывоза товара из Афин.

Операции по закупке боспорского хлеба могли производиться и в кредит. Для этого в Афинах в качестве депозита храни-

лись суммы, причитавшиеся боспорскому правительству за проданный им хлеб. Афинское государство посылало своих эмиссаров на Боспор для наблюдения за хлебным экспортом.

Вообще в это время между Афинами и Боспором существовали самые оживлённые отношения. Сыновья афинских аристократов, разорившихся во время Пелопоннесской войны, ездили на Боспор поправлять свои дела. С другой стороны, боспорские купцы нередко посещали Афины, где всегда имели хороший приём. Афинское правительство, например, предоставляло им право транспортировать свои товары в первую очередь. В 347/46 г. афинское народное собрание издало дошедший до нас декрет в честь сыновей боспорского царя Левкона — Спартока, Перисада и Аполлония. Из содержания декрета мы узнаём, что сыновья Левкона были увенчаны во время панафинейского праздника золотыми венками, которые стоили по тысяче драхм. Им было также предоставлено право произвести набор матросов для боспорских торговых кораблей. За всё это сыновья Левкона обещали заботиться о высылке хлеба в Афины, так же как заботился их отец, и ревностно служить афинскому народу во всём том, в чём он нуждается.

Боспорский хлеб и другие товары экспортировались не только в Афины, но и в другие эллинские города, например, в Митилену на о. Лесбосе, в города ионийского побережья и др. Не меньшее развитие получает и вывоз других видов местного сырья, особенно солёной рыбы; несомненно, также вывозились и рабы.

В свою очередь из Афин, Коринфа, Родоса, Фасоса, Хиоса, Коса и других греческих городов и островов на Боспор импортировались: ткани, вино, оливковое масло, керамика, металлические изделия и т. д.; знаменитые сосуды Куль-обы и других курганов показывают, что греческие мастера зачастую ориентировались на вкусы местных потребителей, заимствуя сюжеты для своих художественных изделий в ряде случаев из местной жизни.

Одновременно с развитием на Боспоре торговли растёт и собственное боспорское хозяйство. Основу его составляет местное земледелие, являвшееся основным источником хлебного и сырьевого экспорта. Земли Крыма, Прикубанья и Придонья славились своим плодородием. В античных источниках неоднократно отмечается, что земля Боспора производила огромное количество хлеба. Основные злаки, которые здесь возделывались, известны нам благодаря археологическим находкам. Так, при некоторых раскопках были обнаружены зёрна пшеницы, ячменя, проса, чечевицы. Пшеница, возделывавшаяся на Боспоре, преимущественно «мягкая». Этот вид пшеницы культивировался здесь ещё до появления греков. Таким образом, греческие колонисты, по-видимому, не завезли новых культур. Трудно выяснить, в какой мере в боспорском хозяйстве применялись выработанные грече-

ской техникой приёмы обработки почвы. Страбон сообщает, что урожай сам-тридцать был здесь не редкостью.

Одновременно с земледелием развивается и животноводство. При раскопках неоднократно находились кости крупного рогатого скота, овец, коз и свиней. Кости лошади обычно находились всегда целыми. Отсюда можно прийти к выводу, что лошадь в пищу не употреблялась. Из домашних птиц, разводившихся на Боспоре, известны куры, гуси, утки. Охотничий промысел особого развития на Боспоре не получил.

Рыбный промысел был развит очень широко. В очень многих боспорских поселениях были найдены различные приспособления для лова рыбы. Рыба широко использовалась для экспорта. Она также служила основной пищей местного населения.

В рассматриваемое время на Боспоре также получает широкое развитие ремесло. В богатых погребениях до сих пор найдено немало кусков ткани. Часть этих тканей, несомненно, импортировалась, но значительное количество изготовлялось и на месте. Существование прядильно-ткацкого производства подтверждается многочисленными находками пряслиц от веретён. Они встречаются повсюду, начиная с самых ранних слоёв расследуемых городищ. В женских погребениях неоднократно встречались веретёна.

На Боспоре изготовлялись и самые разнообразные металлические изделия. Как известно, Керченский полуостров богат залежами железной руды, которая залегает неглубоко. Однако анализ шлаков, найденных при раскопках одного из боспорских поселений, показал, что в древних металлообрабатывающих мастерских использовалась не местная руда. Она импортировалась, возможно, из Криворожья или из Малой Азии вместе с медью. Медь могла поступать на Боспор также с Кавказа и Украины. Древние разработки меди были обнаружены в районе современной Артёмовки.

Неясен вопрос, откуда на Боспор ввозилось золото. Некоторые полагают, что золото доставлялось на территорию Боспора из современного Казахстана и Алтая. Другим источником получения зо-

Электровый сосуд из кургана Куль-оба,
IV в. до н. э.

лота могла быть для Боспора Фракия, славившаяся в древности своими золотыми приисками. Существует также мнение, что Боспор получал благородные металлы из Афин. О развитии ювелирного дела свидетельствует находка в Тиритаке бронзового штампа III—II вв. до н. э., который применялся при изготовлении золотых бляшек с изображением Афродиты. На Боспоре издавна работали мастера-ювелиры, преимущественно выходцы из Малой Азии. Об их искусстве свидетельствует целый ряд находок, например, золотая обивка из Чертомлыцкого кургана, ножны меча из того же кургана с изображением на них воинов, защищающих павшего товарища.

Особенного развития достигло на Боспоре керамическое производство, производство столовой и кухонной посуды, амфор, пифосов, кровельной черепицы и т. д. В Нимфее при раскопках святилища Деметры были обнаружены следы керамического производства, известного в этом поселении уже в VI в. до н. э. Нимфейская мастерская, в частности, изготавливала сероглиняную керамику для бытовых нужд жителей города. Там же были найдены глиняные формы для производства терракотовых статуэток.

Производство художественных ваз возникает на Боспоре только в конце IV в. до н. э. в прямой связи с сокращением вывоза расписных ваз из Афин. В III—II вв. до н. э. оно получает широкое распространение. К этому времени относятся полихромные или, как их иначе называют, акварельные вазы. Они заменяли чрезвычайно популярные на Боспоре аттические краснофигурные вазы. Уже в более позднее, так называемое эллинистическое время на Боспоре появляется новый стиль. Характерной его особенностью является стремление мастера создать яркие, красочные сочетания. Это достигалось тем, что поверхность изделия усевалась цветными камнями, вставками цветного стекла и эмали. Образцы ранних полихромных изделий известны из таких погребений, как погребение Артюховского кургана. Своеобразие и оригинальность боспорских ювелирных изделий этого типа заключались в том, что, будучи выполнены в духе эллинского искусства, они в то же самое время отвечали запросам местной среды.

Производство кровельной черепицы связано с общим подъёмом на Боспоре хозяйственной жизни, большими строительными работами. В прямой связи с этими работами в Пантикапее, Фанагории, а затем в Горгииппии, начиная с половины IV в. до н. э., налаживается производство черепицы.

Благодаря клеймению черепицы известны имена многих владельцев боспорских черепичных предприятий. Среди них мы встречаемся также и с именами боспорских царей из династии Спартокидов. Имеются клейма, которые с полной определёностью указывают, что выпускавшие эту черепицу предприятия являлись собственностью «царя Спартока».

Большое количество боспорской черепицы III в. до н. э. имели клейма, содержащие одно слово «царская». Это означало, что данная черепица была изготовлена на царском черепичном заводе.

Гончарное производство было развито не только в крупных боспорских городах, но и в окраинных поселениях. Многочисленные остатки керамического производства обнаружены, например, при раскопках древнего Танаиса у станции Елизаветинской. Там открыто несколько обжигательных горнов эллинистического и римского времени.

Наши представления о жизни и быте Боспора этого времени существенно дополняются материалами раскопок некрополей. Из них самыми большими и богатыми некрополями были пантикапейский и фанагорийский. В пантикапейском некрополе V в. надгробья встречаются ещё очень редко. Только с конца этого века распространяется обычай ставить надгробные плиты. На могилах богатых людей ставились надгробья из мрамора, доставлявшегося из Афин.

Начиная с III в. до н. э. на надгробьях появляются рельефные изображения самих погребённых. Нередко они изображались в кругу своей семьи, рядом с женой и детьми и слугами-рабами. Последнее на этих изображениях обычно стоят сбоку в виде фигур меньшего размера. Под рельефами обычно помещались надписи с указанием имени и отчества умершего. Нередко указывалась и его профессия. Так, известны надгробья купца, судостроителя, учителя гимнасии, филолога, грамматика, учёного. На могилах воинов часто указывается, при каких обстоятельствах они погибли: «наткнулся на страшное варварское копье», «лежит в земле Боспора, сражённый копьем»; «убит бурным Аресом номадов», т. е. скифским богом войны.

Уже позже, во II и I вв. до н. э., в прямой связи с напряжённой военной обстановкой вошло в обычай изображать на надгробьях вооружённых воинов.

Касаясь отдельных вещей, находимых

Золотая обкладка ножен и золотая рукоятка меча из Чертомлыцкого кургана, IV в. до н. э.

в этих погребениях, следует отметить, что состав погребённого инвентаря совершенно определённым образом отражает быт населения того времени. Для женского погребения, например, весьма характерны предметы женского обихода: зеркала, туалетные шкатулки и коробочки, веретёна и т. д. Для мужских погребений характерны предметы, свидетельствующие о занятии спортом: сосуды для масла, которым натиралось тело перед гимнастическими упражнениями и состязаниями, железные стригели, которыми очищали тело после их окончания, и т. д.

Занятия спортом в боспорских городах, как и во всех греческих городах, были широко распространены. Они засвидетельствованы, в частности, одной горгиппийской надписью половины III в. до н. э. Эта надпись представляет собой список победителей на состязаниях — «агоне». В списке насчитывается 226 мужских имён. Подавляющее большинство этих имён греческие, но любопытно, что среди них встречаются и такие имена, как имя «Синд» и «Скиф». Это свидетельствует о проникновении в среду колонистов и местных элементов. В дальнейшем этот процесс выливается в гораздо более заметную форму.

Об участии боспорцев в общегреческих состязаниях свидетельствуют и так называемые панафинейские амфоры. Они представляли собой призы, выдававшиеся победителям на состязаниях, происходивших в Афинах во время афинского праздника Великих Панафиней. Всего таких амфор по настоящее время найдено на Боспоре восемь.

Наряду с погребениями, совершёнными по греческому обряду, в некрополях боспорских городов, в частности в некрополе Пантикапея, встречаются погребения местного типа с антропоморфными надгробьями. По своей форме они представляют собой схематические изображения человеческих фигур в виде плиты с круглыми выступами сверху, обозначающими голову. На некоторых из этих надгробий встречаются греческие надписи. Это сочетание местных надгробий с греческой надписью также является свидетельством процесса смешения населения местного с греческими колонистами. Окрестности древнего Пантикапея знают и монументальные погребения с высокими курганными насыпями и погребальными камерами, сложенными из больших хорошо отёсанных каменных блоков с уступчатыми покрытиями, построенными по принципу так называемого ложного свода.

Самыми замечательными из этих гробниц являются знаменитый Золотой курган, расположенный в нескольких километрах к западу от современной Керчи, Царский курган и Мелек-Чесменский курган, теперь находящиеся в самой черте города. Высота насыпи Золотого кургана достигает 21 м, окружность этой насыпи 240 м. Высота погребальной камеры в Царском кургане, считая от пола до высшей точки купола, равняется 8,73 м. Погребальная камера соединялась с выходом из гробницы особым

коридором, так называемым «дромосом». Длина дромоса в Золотом кургане — 4,75 м, в Царском кургане — 36 м.

Наряду с коническими ступенчатыми куполами, какие мы встречаем в Золотом и Царском курганах, встречается и другой более распространённый тип купола также с уступчатыми покрытиями, но в форме шатра. Этот шатёр своим прямоугольным основанием строго отвечает четырём сторонам в плане прямоугольной погребённой камеры. Такова конструкция Мелек-Чесменского кургана. Высота его насыпи достигает почти 8 м, окружность насыпи равна 200 м.

Погребения по конструкции близких к типу Мелек-Чесменского кургана встречаются в окрестностях Керчи довольно много.

Дромос Царского кургана.

К югу от современного города они образуют целую гряду, тянущуюся на много километров вдоль возвышенности Юз-оба.

Одновременно с монументальными погребениями с куполообразными уступчатыми покрытиями среди курганов Юз-обы встречаются погребения более простой конструкции. Это погребальные камеры прямоугольной в плане формы из больших хорошо отёсанных плит. Они имеют плоский, сложенный из тех же плит потолок. Такие гробницы напоминают собой огромные каменные ящики. К числу именно таких погребений принадлежит Павловский курган. В погребальной его камере был обнаружен роскошный саркофаг с женским богатым погребением. Голову погребённой окружал золотой наличник с подвешенными к нему золотыми серьгами превосходной работы. У шеи было найдено большое золотое ожерелье, на пальцах левой руки три золотых перстня. Подле этой руки лежало большое бронзовое позолоченное зеркало. В том же погребении найдено много других художественных изделий, в частности, расписные вазы греческой работы. На одной из них изображена богиня Деметра в окружении различных мифологических персонажей. Это дало основание предположить, что погребённая была жрицей богини Деметры.

Другие боспорские монументальные погребения, как о том свидетельствует целый ряд находок, обладали не менее богатым инвентарём, однако подавляющее большинство этих гробниц дошло до нашего времени в повреждённом состоянии. Очень многие из них были ограблены ещё в древности.

Погребальный инвентарь в тех случаях, когда он сохранился, как правило, представлен почти исключительно вещами греческой работы — как изготовленными на месте, так и импортными. Однако следует подчеркнуть, что современные им погребения самой Греции не знают ни курганных насыпей такого размера, ни монументальных склепов аналогичных типов. Не знают они и такого обилия золотых вещей в погребённом инвентаре. В этом отношении весьма характерно, что, например, в Афинах против роскоши погребального обряда был издан особый закон ещё в конце VI в. до н. э.

По времени все упомянутые выше боспорские монументальные надгробья относятся к IV в. до н. э. и самому началу III в. до н. э., т. е. к периоду наивысшего экономического расцвета Боспора.

Со второй половины IV в. до н. э. и особенно в начале III в. до н. э. в Пантикапее появляются гробницы с более совершенными в смысле своей конструкции клинчатыми сводами. Это свидетельствует о несомненном прогрессе боспорского строительного искусства. Однако с середины III в. до н. э. богатые монументальные погребения на Боспоре почти исчезают. Они сменяются могилами гораздо более простого устройства с несравненно более скромным инвентарём. Погребения упоминаемого времени,

таким образом, отражают начавшийся экономический упадок Боспора.

В окрестностях того же Пантикапея существуют погребения и совершенно иного типа с ярко выраженными чертами местного погребального обряда. Наиболее замечательным и вместе с тем наиболее характерным из таких погребений, безусловно, является знаменитый курган Куль-оба. В погребальной его камере было обнаружено 3 человеческих костяка. В восточной половине

Золотая фиала из кургана Куль-оба, IV в. до н. э.

склепа находилось главное погребение. Рядом с покойником, по всем признакам — знатым скифским воином, был найден железный меч с обтянутой золотом рукояткой, украшенной изображениями в скифском «зверином» стиле, рукоятка кожаной нагайки, оплетённой золотой лентой, горит с золотой набивкой, украшенный рельефным изображением дерущихся зверей (грифон и лев терзают оленя, леопард нападает на антилопу). Тут же лежал точильный камень в золотой оправе и роскошная плоская золотая чаша, богато орнаментированная рядом чеканных изображений. Они образуют узор из повторяющихся масок Горгоны и борода-той головы скифа. Вокруг изображены дельфины и рыбы. На голове воина находилась золотая диадема с остатками остро-

конечной войлочной шапки с золотыми бляшками. На золотых бляшках изображены скифы, пьющие вино. На шее погребённого была золотая гривна весом в 461 г. На оба запястья было надето по массивному золотому браслету тонкой ювелирной работы. На правой руке погребённого был найден ещё один золотой браслет в виде обруча, богато украшенного изображениями мифологического характера и рельефными розетками.

Второе погребение Куль-обы — погребение женщины, повидимому, жены или наложницы погребённого рядом воина. Оно было обнаружено в расписном саркофаге, отделанном слоновой костью. Голову погребённой окружала диадема в виде электровой ленты, украшенной розетками и расцвеченной синей и зелёной эмалью. В этом женском погребении найдены три золотых подвески изумительно тонкой работы. На одной из них изображена голова Афины в шлеме. На шее женского костяка было надето ожерелье и золотая гривна с концами в виде фигур лежащих львов. Возле костяка лежали два широких золотых браслета с изображениями грифонов, нападающих на оленя, с львиными масками по краям. Между голеньями погребённой стоял электровый сосуд с изображениями сцен из быта скифов. Третий костяк, очевидно, костяк слуги (конюха), был найден лежащим вдоль южной стены склепа. Возле его головы лежали простые железные ножны с костяными ручками и один железный нож с золотой ручкой, украшенной изображениями львов. По стенам склепа стояли бронзовые сосуды, в том числе позолоченная гидрия и амфора, а также два скифских котла с остатками бараньих костей. Кроме того, в этом погребении был найден ещё целый ряд сосудов и других вещей.

Одежда погребённых, обилие оружия, шейная гривна, масса нашитых бляшек, большое количество предметов с изображениями скифов, украшения, выполненные в «зверином» скифском стиле,— всё это указывает, что погребённые принадлежали к скифской знати. В этом отношении также чрезвычайно типичными являются котлы с бараньими костями и там же найденный скелет лошади. Повидимому, вокруг Керчи был ещё ряд таких погребений.

Господствующий в Боспорском государстве класс следует представлять в виде верхнего слоя греческого и местного населения, разбогатевшего благодаря экспорту боспорского сырья и импортной торговле. Этот класс был возглавлен Спартокидами, которые сами были крупными землевладельцами и экспортёрами боспорского хлеба и сырья. Политика Спартокидов, безусловно, отвечала интересам господствовавшего слоя, но Спартокиды могли находить поддержку и в более широких слоях боспорского населения.

Можно с уверенностью считать, что на территории, подвластной Боспорскому государству, могли возникать — и возникали — крупные землевладельческие хозяйства, основанные на

эксплоатации рабов. Рабы, несомненно, использовались в ремесле и промышленности, например, в производстве кровельных черепиц, принадлежавшем самим Спартокидам.

Но наряду с развитием на Боспоре рабовладельческих отношений на территориях, населённых местными племенами, безусловно, продолжал существовать значительный слой мелких свободных производителей. Об этом прежде всего говорит сам факт существования племенной структуры, засвидетельствованный и надписями и литературными источниками. Существование этого слоя засвидетельствовано и боспорской нумизматикой.

Характерной особенностью боспорской монетной системы в раннее время был выпуск серебряной монеты мелких и мельчайших номиналов. Эти монеты предназначались не для внешних расчётов, а для внутреннего рынка. В IV в. до н. э. — веке расцвета боспорской экономики — такие мелкие монеты уже не встречаются. Медь по своему удельному весу в боспорском денежном обращении теперь заняла главное место.

Совершенно несомненно, что медная монета, также предназначенная для расчётов на внутреннем рынке, была призвана заменить мелкие номиналы серебра. Частые случаи находок медной монеты при исследовании боспорских поселений позволяют думать, что эта монета служила для расчётов при покупке хлеба у весьма широких слоёв его производителей.

К этому можно прибавить, что и другая отрасль боспорской экспортной торговли — торговля рыбой — была также связана с развитием товарно-денежных отношений. Боспорской нумизматике известна серия монет весьма малого размера с изображением осетра. Мелкие номиналы этих монет и сам характер изображения вполне допускают предположение о том, что и они тоже предназначались для мелких расчётов на внутреннем боспорском рынке. Лов рыбы едва ли мог представлять собой удобную сферу деятельности для крупных предпринимателей. Последние скорее могли использовать свои средства для организации предприятия по обработке уже пойманной рыбы.

На основании всех этих данных создаётся впечатление, что на Боспоре товарно-денежными отношениями были охвачены в достаточной мере многочисленные группы местного, племенного населения.

В этой связи обращает на себя внимание интенсивный рост оседлых поселений, наблюдаемый в Прикубанье с конца V в. и особенно в IV в. Значительная часть населения, прежде кочевого, теперь переходит к оседлости. Даже поверхностные наблюдения над городищами многочисленных местных поселений не оставляют никаких сомнений в том, что основным занятием их жителей было земледелие и рыболовство.

Приобретение хлеба и рыбы у жителей этих поселений, видимо, играло заметную роль в боспорской экспортной торговле. Таким образом, не только верхние слои боспорского общества,

но и более многочисленные группы населения были втянуты в торговлю и, следовательно, могли быть заинтересованы в ее успешном развитии. Политика Спартокидов в какой-то мере также отбечала их интересам.

Годы правления Левкона Первого и Перисада Первого, по многим признакам, являются не только годами экономического подъёма, но и временем политического расцвета этого государства.

Однако интересы господствующего класса частично могли совпадать с интересами более широких слоёв городского и местного населения, но могли и расходиться.

Было бы неправильно преуменьшать сложность создавшейся здесь обстановки. Внутри каждого греческого города, как мы хорошо знаем, шла жестокая классовая борьба между богатыми и бедными, эксплуататорами и эксплуатируемыми, полноправными и бесправными. Боспорские города не могли в данном случае быть исключением. Острые социальные столкновения должны были происходить и в уже затронутом процессом социально-имущественного расслоения обществе «варваров».

В то же время и греческие города и местный племенной мир имели свои особые, веками сложившиеся и резко их различавшие традиции социальной и политической жизни. Недостаток сведений препятствует нам составить ясное впечатление о тех конкретных формах, в которые выливались эти противоречия в исторической жизни Боспора. В ряде случаев о них можно только догадываться.

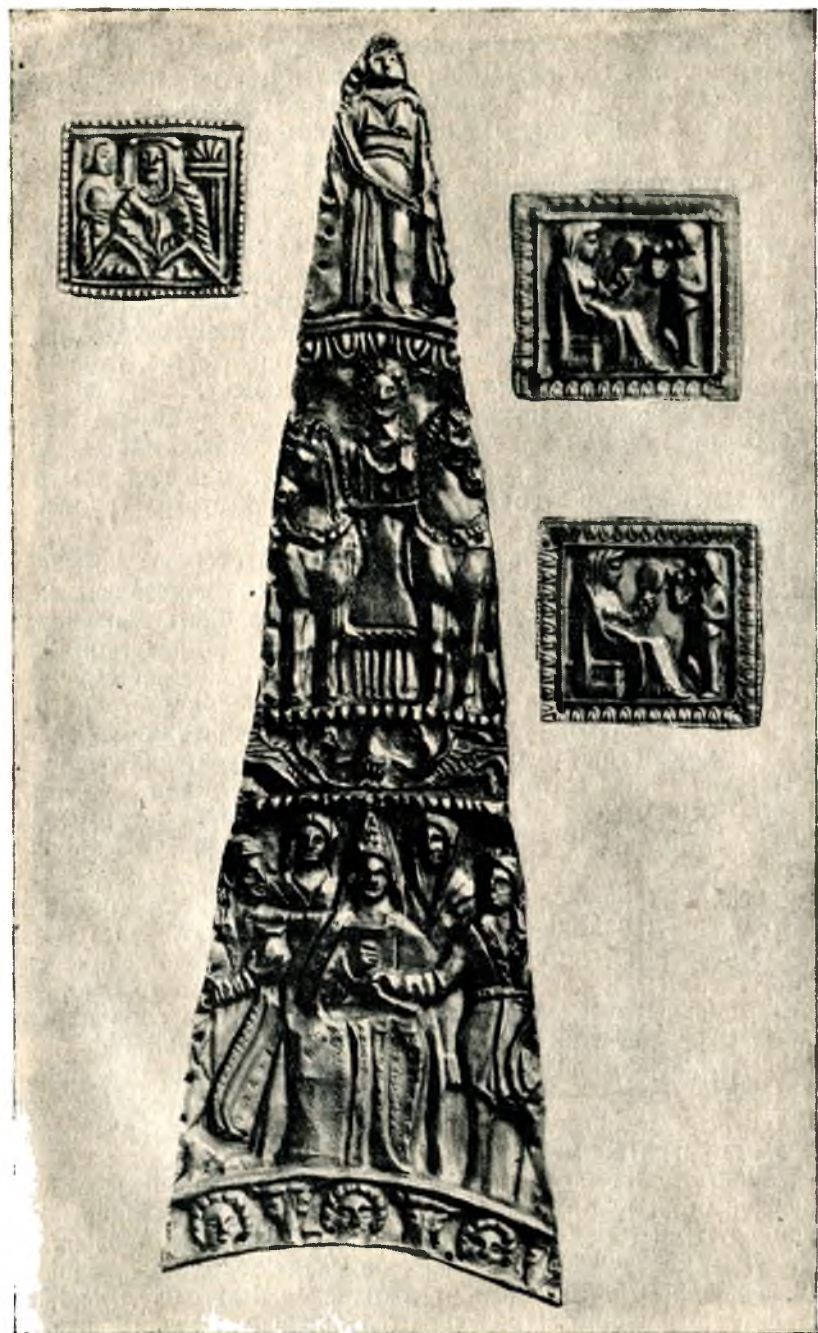
Густая завеса, скрывающая от наших взоров историческую жизнь спартокидовского Боспора, только один раз раздвигается. Имеется в виду единственный дошедший до нас через Диодора отрывок связного исторического повествования, который вышел из-под пера безусловно осведомлённого в боспорских делах писателя.

Это рассказ о междоусобной борьбе сыновей Перисада. В 309 г. до н. э. умер Перисад I. Согласно этому рассказу, между оставшимися после него сыновьями: Сатиром, Пританом и Евмелом, начинается борьба за власть. Сначала престол перешёл к старшему из сыновей, Сатиру.

Тогда младший, Евмел, привлёк на свою сторону некоторые племена и, заручившись союзом с Арифарном, царём племени татеев, выступил против старшего брата. Начались военные действия. На стороне Евмела были войска татеев, насчитывавшие 20 тысяч пехоты и 22 тысячи конницы.

Сатир располагал 2 тысячами греческих наёмников, 2 тысячами фракийцев и войсками союзных ему скифов числом 20 тысяч пехоты и 10 тысяч всадников. Когда Сатир узнал о военных приготовлениях Евмела, он выступил против него со своими войсками.

Военные действия развернулись в Прикубанье. Войска Сатира перешли реку Фат (повидимому, один из притоков реки Кубани).

Золотые украшения одежды из курганов Карагодеуашх, Куль-оба и Чертомлык, IV в. до н. э.

Сатир, приблизившись к неприятелю, окружил свой лагерь телегами, привёл свои войска в боевой порядок, и сам, по скифскому обычаю, как говорит Диодор, встал в центре строя. В центре боевого строя войск противника находился Арифарн.

Началось сражение. После того как обе стороны понесли значительные потери, войска Арифарна были обращены в бегство. Сатир бросился было его преследовать, но в это время к нему пришла весть о том, что Евмел, действовавший против правого фланга его войск, разбил его наёмников.

Сатир прекратил преследование отступающих войск Арифарна и устремился на Евмела. Здесь он одержал вторичную победу, обратив в бегство войска Евмела. Преследуя разбитого противника, Сатир опустошил неприятельскую территорию. Войска его сжигали селения, захватывая пленных и добычу.

Тем временем уцелевшие воины Арифарна и Евмела бежали в крепость, которая находилась в труднопроходимой лесистой и болотистой местности на берегу реки Фат. Крепость была защищена башнями и стенами; подступы к ней преграждались деревянными палисадами.

Попытка Сатира атаковать её с лесной стороны не увенчалась успехом: он вынужден был отступить со значительными потерями. Но с другой стороны ему удалось овладеть деревянными укреплениями. Уничтожив их и перейдя через реку, он начал рубить лес, чтобы обеспечить своим войскам подход к крепости.

Засевший в крепости со своими воинами царь Арифарн отчаянно защищался. Он расставил своих стрелков таким образом, что те могли поражать стрелами воинов, вырубавших лес.

Три дня воины Сатира рубили лес, прокладывая себе дорогу к крепостным стенам. На четвёртый день начался штурм крепости, во время которого Сатир был смертельно ранен. К ночи он скончался.

Войска Сатира были отведены к городу Гаргазе (повидимому, этот город находился на берегу Кубани). Отсюда тело Сатира было перевезено в Пантикапей, где оставался средний брат, Притан.

Устроив пышные похороны, Притан принял на себя царскую власть и возглавил находившееся в Гаргазе войско.

Евмел сделал попытку вступить с ним в переговоры, предлагая Притану разделить боспорскую территорию на две части: азиатскую и европейскую. Это предложение было решительно отвергнуто Пританом.

Военные действия продолжались. Вскоре военный перевес перешёл на сторону Евмела. С помощью татеев он овладел Гаргазой и другими городами и поселениями, находившимися на стороне Притана. Притан попытался поправить своё положение новым сражением, но был разбит и оттеснён к проливу. Вскоре он вынужден был капитулировать, отказавшись от власти в пользу Евмела.

Вернувшись в Пантикапей, Притан предпринял еще одну попытку вернуть себе власть, но снова потерпел неудачу. После этого он был вынужден бежать в Сады, где позднее, по приказанию Евмела, был убит.

Оставшись единоличным обладателем власти, Евмел проводит репрессии по отношению к сторонникам его братьев. Многие из друзей Сатира и Притана вместе с женами и детьми были убиты. По словам Диодора, удалось спасти только одному сыну Сатира, который бежал из Пантикапея верхом на коне и нашёл убежище у скифского царя Агара.

Среди жителей Пантикапея, находившихся на стороне противников Евмела, продолжалось брожение. Для того чтобы заставить пантикапейских граждан примириться с переходом власти к нему, Евмел выступил в народном собрании Пантикапея с речью.

Желая приобрести расположение граждан, он обещает восстановить в городе прежнее самоуправление, дарует пантикапейцам право беспошлинной торговли, которым горожане пользовались при его предках, обещает освободить город от налогов и говорит, по выражению Диодора, «ещё о многом другом».

Все эти события, известные нам в изложении Диодора, показывают, какие разнородные по своим этническим и социальным признакам силы входили в состав Боспора и как трудно было сочетать их разнохарактерные интересы в рамках единого государства.

И всё-таки своеобразная попытка объединить структуру греческого полиса с подчинением значительной племенной территории и монархической властью для Боспора IV в. и первой половины III в. до н. э. может считаться удавшейся.

В годы правления Евмела (310/09—304/03) Боспор представлял собой мощное государство, претендовавшее на объединение всего Северного и Западного Причерноморья.

Евмел ведёт широкую политику. Выступив против Лисимаха, он оказывает поддержку осаждённой его войсками Каллатии. Тысяча жителей Каллатии переселилась на Боспор. Евмел предоставил им место для поселения и наделил их земельными участками.

В это время боспорский флот господствовал в Чёрном море. Евмел повёл решительную борьбу с пиратами, чем сильно поднял авторитет Боспора в глазах всех припонтийских греческих городов.

Однако в последние годы IV в. до н. э. Боспор находился уже на пороге упадка.

С первых десятилетий III в. у Боспора появляется новый опасный конкурент в лице эллинистического Египта, усиленно экспортирующего свой хлеб в Грецию.

В этой связи взаимоотношения Боспора с Афинами вступают в новую фазу. В почётном декрете афинского народного собра-

ния 288 г. до н. э. в честь боспорского царя Спартока ни словом не упоминается о предоставлении Боспору так называемой ателии — права беспошлинного вывоза и ввоза товаров.

Между тем в предшествующем декрете аналогичного типа — в афинском декрете 346 г. в честь сыновей Левкона — подтверждается действительность взаимных привилегий беспошлинной торговли, успевших к тому времени стать уже традиционными.

Таким образом, принцип наибольшего благоприятствования, долго составлявший характерную особенность афино-боспорских отношений, в III в. до н. э. прекращает своё существование.

Боспорское правительство в 254 г. до н. э. делает попытку исправить положение путём непосредственных переговоров с Египтом. Правивший тогда на Боспоре Перисад отправил посольство к египетскому царю Птолемею Филадельфу.

Перисад предпринимает и другую попытку. Он пытается завязать торговые отношения с отдельными островами Эгейского моря. Но даже если попытки этого рода и увенчались бы успехом, всё равно ни Родос, ни Делос не смогли бы заполнить той брешы в боспорской экономике, которая образовалась в результате сокращения экспорта хлеба в Афины.

Из боспорских надписей этого времени заслуживают внимания надписи с именем Спартока, сына Евмела. По данным Диодора, он правил с 303 по 284 г. до н. э. Таких надписей известно четыре. По форме они — посвящения обычного типа, но с необычной для надписей такого рода формой титулатуры.

Если все предшественники Спартока в до сих пор известных надписях с их именами неизменно именовались архонтами Боспора и Феодосии и царями перечисляемых в их титуле по отдельности племён, то в первой из упоминаемых надписей Спарток назван только архонтом. В двух других посвящениях он именуется архонтом и царём без упоминания Боспора и Феодосии и без перечня племён. Наконец, в последней надписи сказано, что такой-то сделал посвящение «в царствование Спартока, сына Евмела». Известны так же боспорские черепичные клейма с именем Спартока и титулом царя.

Как отмечалось, известного рода двойственность, присущая государственной природе Боспора, отразилась в сосуществовании в надписях с титулатурой Спартокидов двух столь различных в греческом государственном праве терминов власти, как архонт и царь. Исчезновение терминологической двойственности в титулатуре Спартока II с этой точки зрения весьма симптоматично. Оно раскрывает новую политическую тенденцию. Можно думать, что эта тенденция была вызвана сознательным стремлением боспорского правительства нивелировать различия в положении своих подданных: населения городов и местных племён.

Отмеченные особенности в титулатуре самого Спартока, конечно, следует объяснять не тем, что он был сперва только

архонтом, а потом принял царский титул, но тем, что в рассматриваемое время различия между обоими терминами власти утратили своё прежнее значение.

Следует ещё раз подчеркнуть, что это произошло уже в пору начинающегося упадка экономической жизни Боспора. Было бы глубоко ошибочно объяснять этот экономический упадок, связанный с одновременным нарастанием политических и социальных осложнений, только одними причинами торгово-конъюнктурного характера. Сокращение сырьевого экспорта, столь пагубным образом отразившееся на боспорской экономике, только развязало те центробежные силы, которые существовали и раньше, но при прежней экономической обстановке не могли себя проявить с достаточной отчётливостью.

В новой обстановке — обстановке постепенного и неуклонного понижения общего тонуса хозяйственной жизни Боспора — политика Спартокидов уже не могла найти себе оправдание в экономике. Заинтересованность определённых слоёв боспорского населения в существовании большого государства падала.

К этому нужно прибавить, что раньше боспорские правители, по всем признакам, располагали значительной наёмной армией. С помощью этой армии они могли обеспечить не только целостность, но и дальнейшее расширение подвластной им территории. Теперь Боспорское государство уже не имело прежних финансовых возможностей. Численность наёмной армии должна была неизбежно сократиться.

Между тем наступательная активность «варваров», граничивших с боспорской территорией, и сепаратистские тенденции тех племён, которые признавали себя боспорскими подданными, должны были сказаться с особенной силой. Эксплуатация местного населения греко-скифской придворной знатью во главе с самими Спартокидами не могла не вызвать реакции.

В то же время и боспорские города, видевшие раньше в Спартокидах силу, способную обеспечить их торговые интересы и защитить от внешней опасности, теперь утрачивали стимул к их поддержке.

Таким образом, стремление правительства Боспора хотя бы внешне поднять свой падающий авторитет представляется вполне закономерным.

Впрочем, эта новая, сказавшаяся в официальной титулатуре боспорских правителей тенденция вряд ли могла найти для себя место в политике Спартока, если бы почва для неё не была подготовлена всем предшествующим ходом исторического развития Боспора. Процесс постепенного сращивания верхних рабовладельческих и торговых слоёв городского населения с местной эллинизированной знатью, к среде которой принадлежали сами Спартокиды, к рассматриваемому времени, несомненно, достиг уже значительных результатов. Местное общество в целом всё в большей и большей мере подвергалось воздей-

ствию процесса социально-имущественного расслоения, стиравшего этнические грани и заменявшего их границами социальными.

Местные элементы все больше и больше вливаются в состав населения городов, некогда основанных греческими переселенцами. Полисные традиции боспорских городов к этому времени уже успели стать далёким прошлым. В результате попытка, предпринятая в годы правления Спартока II, нивелировать перед лицом центральной власти прежнее различие в положении её подданных в сложившихся условиях могла найти для себя почву.

Впрочем, в данном случае, применительно к Спартоку, можно говорить только о первых шагах боспорского правительства в этом направлении. Новая титулатура утверждается не сразу. Преемник и сын Спартока Перисад, имя которого уже упоминалось выше в связи с посольством в Египет, в одной из пантикапейских надписей с его именем титулуется, как и встарь, архонтом Боспора и Феодосии и царём синдов, всех меотов и татеев. Правда, в другой надписи — на пьедестале воздвигнутой ему родосцами статуи — он именуется царём и сыном царя Спартока. Ещё в двух надписях он также именуется только одним титулом царя.

Перисад, о котором идёт речь, является последним боспорским правителем из династии Спартокидов, начальную дату правления которого сообщает Диодор. На этой дате боспорская хронология Диодора обрывается. Наступает период боспорской истории, который почти не нашёл отражения ни в литературных источниках, ни в надписях. С трудом, и то очень приблизительно, удаётся установить лишь имена боспорских правителей и последовательность их правления.

Благодаря Страбону и херсонесскому декрету в честь Диофанта известен конечный результат этого периода. Свидетельство Страбона, о котором сейчас идёт речь, отличается краткостью. Страбон сообщает, что понтийский царь Митридат Евпатор сделался властителем Боспорского государства, которое ему «добровольно» уступил боспорский царь Перисад. Вот и всё.

При каких обстоятельствах и почему этот Перисад, последний представитель династии боспорских Спартокидов, передал свою власть Митридату Понтийскому, Страбон не поясняет. Только благодаря замечательной работе акад. С. А. Жебелева о последнем Перисаде и скифском восстании на Боспоре мы можем теперь ответить на этот вопрос.

Работа С. А. Жебелева построена на сближении текста уже упоминавшегося в главе о Херсонесе херсонесского декрета в честь Диофанта с известием Страбона. Напоминаем, что Диофант и во время первого и во время второго своих походов ездил на Боспор, каждый раз устраивая там дела в интересах своего патрона, Митридата Евпатора.

Какие это могли быть дела? Выражения надписи: «в короткое время совершил много великих дел» и «устроил тамошние

дела прекрасно и полезно для царя Митридата Евпатора» — не отличаются определённой. Но они, по мнению С. А. Жебелева, основанному на изучении особенностей языка греческих надписей и буквальном их смысле, не могут относиться к военным действиям.

Остаётся предположить, что они касаются дипломатических переговоров, которые вёл с Перисадом Диофант от имени Митридата. Темой этих переговоров в сложившейся обстановке мог быть лишь один вопрос — именно вопрос о помощи Боспору со стороны Митридата и условиях, на каких могла быть оказана эта помощь.

Что политика ориентации на помощь извне была для Боспора не нова, выясняется ещё и на основании декрета афинского народного собрания 278 г. в честь боспорского царя Спартока. В этом декрете сказано, что афиняне обязуются помогать Спартоку «на суше и на море», если кто-нибудь попытается на державу предков Спартока или на него самого.

Так как Боспор не вёл никаких войн, кроме тех, которые происходили в пределах его территории или в непосредственной близости от неё, речь здесь может идти только о военной помощи против «варваров». Следовательно, Боспор уже с начала III в. до н. э. попадает в полосу тех самых военных потрясений, которые так хорошо были известны Ольвии и Херсонесу.

Для организации надлежащего отпора уже тогда, очевидно, собственных сил боспорскому правительству нехватало. Так было в самом начале III в. до н. э., когда наступательная активность «варваров» только ещё начала проявляться.

Что было потом, можно легко себе представить по имеющимся у нас аналогиям с Ольвией и Херсонесом. Положение Боспора было, пожалуй, ещё более опасным: его многочисленные местные подданные всегда могли легко перейти на сторону своих воинственных сородичей, а не менее многочисленные рабы местного происхождения — поднять восстание.

В сложившейся обстановке обещание помощи со стороны далёких Афин могло иметь лишь моральное, но не реальное значение. Но можно было рассчитывать на помощь Митридата, войска которого находились уже в Крыму. С другой стороны, и сам Митридат, очевидно, был непрочь воспользоваться почти безвыходным положением боспорского царя.

Исходя из всех этих соображений, можно с полным основанием предположить, что в переговорах был поставлен вопрос об отказе Перисада от боспорского престола и передаче его Митридату. Такой шаг со стороны Перисада был шагом отчаяния, продиктованного безнадёжностью создавшегося положения.

Вот что, очевидно, следует подразумевать под устройством боспорских дел «прекрасно и полезно для царя Митридата».

Но уже достигнутому соглашению не суждено было воплотиться в жизнь. Когда весть о предстоящих политических пере-

менах распространилась среди местных подданных и соседей Боспора и они поняли, что место беспомощного и слабого Перисада будет занято Митридатом Евпатором, уже успевшим прославить себя победами в Крыму, на боспорской территории вспыхнуло восстание.

В надписи в честь Диофанта об этом восстании рассказывается следующее: «...скифы с Савмаком во главе произвели государственный переворот и убили боспорского царя Перисада, выкормившего Савмака, на Диофанта же составили заговор;

Изображение скифских царей Скилура и Палака (Симферополь).

последний, избежав опасности, сел на отправленное за ним [херсонесскими] гражданами судно и, прибыв [в Херсонес], призвал на помощь граждан. [Затем], имея ревностного сотрудника в лице посланного его царя Митридата Евпатора, Диофант в начале весны [следующего года] прибыл [в Херсонес] с сухопутным и морским войском и, присоединив к нему отборных [херсонесских] воинов, [разместившихся] на трёх судах, двинулся [морем] из нашего города [Херсонеса], овладел Феодосией и Пантикапеем, покарал виновников восстания; Савмака же, убийцу царя Перисада, захватил в свои руки, отправил в царство [т. е. в Понт] и снова приобрёл власть [над Боспором] для царя Митридата Евпатора».

Из текста надписи, таким образом, выясняется, что восставшие успели захватить и Феодосию и столицу Боспора — Пантикапей и что выбить их оттуда и подавить восстание Диофант смог только ценой значительного военного напряжения, ценой нового большого похода, в котором его войска были пополнены ополчением херсонесских граждан.

Огромной научной заслугой С. А. Жебелева является то, что он своим исследованием раскрыл социальную природу боспорского восстания и установил доселе нам неизвестный исторический факт. Опираясь целым рядом преимущественно филологических соображений, он доказал, что Савмак, «вскормленник» Перисада, был рабом и что, следовательно, это восстание было прежде всего восстанием рабов, поддержанным более широкими слоями населения.

«Успех восстания,— пишет С. А. Жебелев,— ...объясняется в значительной мере не только сложившимися социальными условиями на Боспоре, но, несомненно, и тем, что всё его туземное население, может быть, за исключением его верхов, оказалось тесно сплочённым в своей вражде к господствующему и эксплуатирующему скифов классу. Но не одна эта вражда руководила скифами, произведшими переворот. На них должен был подействовать и пример созданного Скилуром и поддержанного Полаком скифского царства в Крыму. Если создание такого царства удалось крымским скифам, то почему оно должно было не удасться скифам Керченского полуострова»¹.

БОСПОР И МИТРИДАТ ЕВПАТОР

Восстание на Боспоре было подавлено понтийскими войсками Митридата, но положение не только на побережьях пролива, но во всём Северном Причерноморье продолжало оставаться напряжённым. Боспорское государство с входившими в его состав городами, так же как и два других северочерноморских центра греческой колонизации — Херсонес и Ольвия — были далёкой окраиной эллинского мира. Связанные, однако, с средиземноморской Грецией многочисленными политическими, культурными и прежде всего экономическими, торговыми нитями, они постоянно испытывали на себе воздействие событий общегреческой жизни.

В IV и III вв. до н. э. весь греческий мир находился уже в полосе глубокого кризиса, одинаково сильно сказывавшегося и на экономическом положении греческих городов и на их социальной жизни. Этот кризис, порождённый глубокими противоречиями рабовладельческого строя, может быть с некоторым опозданием, распространился и на северочерноморские города. В них также одновременно с падением тонуса экономической жизни можно наблюдать тот же характерный процесс нарастания социальных противоречий и политической деградации. Но здесь все явления этого рода приобретают свой, особый, местный характер, обусловленный прежде всего тем, что северочерноморские города-колонии находились в непосредственной близости и длительном сосед-

¹ С. А. Жебелев, Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре, «Вестник древней истории», № 3 (4), 1938.

стве с местным миром. Именно в сфере их взаимоотношений с этим миром теперь происходит резкий перелом.

Раньше отношения прибрежных городов с окружающими их племенами, несмотря на отдельные военные столкновения, складывались как отношения преимущественно мирные, основанные на взаимных выгодах торгового общения. Теперь на первый план выступают острые конфликты. Растёт враждебная городам активность местного населения. Северное Причерноморье становится ареной ожесточённых столкновений.

Прибрежные города, ослабленные воздействием на них общегреческого кризиса, вступают в эту полосу тяжёлых потрясений. Под влиянием этого кризиса такие города, как Ольвия и Херсонес, подобно греческим городам-колониям южной Италии и Сицилии, утрачивают способность к дальнейшему самостоятельному существованию: они не в состоянии сами себя защитить и вынуждены либо искать помощи вовне, либо капитулировать перед своими врагами.

Историческая жизнь Северного Причерноморья вступает в новую фазу. Если предшествующие века с начала колонизации протекали под знаком воздействия греческой культуры на местную среду, порождая явления эллинизации «варваров», то теперь этот процесс сменяется всё усиливающимся влиянием «варваров» на все стороны жизни прибрежных городов.

Ольвия после нашествия гетов несколько десятилетий лежала в развалинах. Хотя жизнь в ней в дальнейшем и возродилась, но никогда уже потом Ольвии не удалось достигнуть своих бывших размеров и значения.

В самом конце I в. уже нашей эры в Ольвии побывал известный в то время ритор Дион Хрисостом. Впечатления свои о посещении города он потом изложил в одной из дошедших до нашего времени речей. Впечатления эти настолько любопытны, что на них стоит остановиться.

«Город борисфенитов,— рассказывает Дион,— по величине не соответствует своей прежней славе вследствие неоднократных разорений и войн. Находясь уже давно среди варваров и притом самых воинственных, он постоянно подвергается нападениям и несколько раз уже был взят врагами. Последнее и самое сильное разорение его было не более как за 150 лет. Геты взяли его и остальные города по левому берегу Понта вплоть до Аполлонии. Вследствие этого дела тамошних эллинов пришли в крайний упадок». «Одни города совсем не были восстановлены, другие,— говорит Дион дальше,— были восстановлены в плохом виде и при этом в них нахлынула масса варваров... О недавнем разорении (Ольвии.— Д. К.) свидетельствует плохой вид построек и тесное расположение города на небольшом пространстве: он пристроен лишь к небольшой части прежней городской черты, где остаётся ещё несколько башен, не соответствующих ни величине, ни силе [нынешнего] города». Касаясь современного ему

города, Дион говорит, что он был тесно застроен домишками: почти без промежутков и обнесён очень низенькой и непрочной стеной. Интересно то, что рассказывает Дион о самих жителях города. Одного из них Дион описывает следующим образом: «Он был опоясан большим всадническим мечом, одежду его составляли шаровары и прочее скифское убранство, на плечах был небольшой тонкий чёрный плащ, который обыкновенно носят борисфениты. И другая одежда у них по большей части чёрного цвета, по примеру одного скифского племени, которое, как мне кажется, от этого получило у эллинов название меланхленов (черноризцев)». Таким образом, прежде цветущий город в те дни, когда его посетил Дион, оставался наполовину в развалинах. Его население ютилось в жалких домишках, занимавших лишь незначительную часть прежней городской территории. Приехавшего Диона окружили люди, одетые в скифские платья. О прежних временах у них сохранились лишь идиллические воспоминания, сказавшиеся между прочим в их любви к стихам Гомера. Теперь население города жило в обстановке хронических военных опасностей, в постоянном ожидании нашествия врага.

Раскопки последних лет на территории древнего Пантикапея дают некоторые основания предположить, что и этот город пережил нечто сходное. Раскопки, о которых идёт речь, проведённые видным советским археологом проф. В. Д. Блаватским, обнаружили в центре древнего Пантикапея следы значительных разрушений. Разрушенными, например, оказались не только великолепные постройки, воздвигнутые в предшествующем периоде, но даже террасы и поддерживающие их подпорные стенки. Значительная часть городского населения при этом, очевидно, погибла или разбежалась.

Как о том свидетельствуют надписи и известный нам по раскопкам материал, существенные перемены происходят в самом составе городского населения. В надписях всё чаще и чаще встречаются местные или смешанные имена. Среди археологических находок резко повышается удельный вес местных изделий. Судя по изображениям на надгробьях, постепенно меняется самый облик жителя боспорских городов, приобретающий теперь всё больше и больше местных черт. Всё это показывает, что после потрясений конца II в. до н. э. на свои разорённые пепелища вернулась лишь часть прежних жителей. Остальная часть городского населения пополнилась за счёт местных элементов.

Таким образом, процесс постепенной ассимиляции и сращения местного населения с потомками ионийских переселенцев, некогда основавшими на берегах пролива свои поселения, сделал большой шаг вперёд.

Дальнейшая историческая судьба Боспора, равно как и Херсонеса и Ольвии, оказалась теснейшим образом связанной с политической и военной деятельностью понтийского царя Митридата.

Митридат Евпатор, безусловно, должен быть признан одним из самых ярких деятелей этого периода. Античные писатели рассказывают о нём как об энергичном и способном человеке, обладающем громадной физической силой. Хотя Митридат не получил систематического образования, тем не менее он знал 22 языка и объяснялся без помощи переводчиков. Он был знаком с литературой своего времени, и сам написал сочинение по естественной истории. За ним утвердилась репутация покровителя наук и искусств. Одновременно рассказывали о его вероломстве, коварстве и жестокости. Тайные убийства были обычным явлением при дворе понтийских царей.

Унаследовав от своего отца относительно очень небольшую территорию вдоль южного берега Чёрного моря, Митридат в короткий срок путём ряда захватов превратил Понт в большое государство. Он завоевал примыкавшую к его владениям Колхиду на восточном берегу Чёрного моря, подчинил Боспорское государство и ряд других городов не только северного, но и западного Причерноморья.

В состав его государства вошёл и Херсонес, территория которого под властью Митридата была объединена с территорией Боспора. Тогда же Митридату подчинилась Ольвия, в которую, судя по одной надписи, им был введён понтийский гарнизон.

Мы плохо осведомлены, в какой мере Митридат ограничил автономии подвластных ему городов. Существуют основания думать, что боспорские города — Пантикапей, Фанагория и Горгиппия, — так же как и Херсонес, продолжали и при нём выпускать свою серебряную и медную монету. Во всяком случае, они пользовались этим правом при преемниках Митридата.

Страбон сообщает, что городское и сельское население боспорской территории было обложено Митридатов ежегодной данью в размере 200 талантов серебра и 180 000 медимнов хлеба. В эти цифры, помимо налогов и пошлины, выплачиваемых населением Боспора, по всем признакам входили и взносы некоторых подчинённых Митридату племён. Таким образом, наложенная Митридатов на его новых подданных дань не представляется чрезмерно большой. Положение их, однако, значительно ухудшилось, когда Митридат вступил в длительную борьбу с римлянами.

В стратегических замыслах Митридата Северное Причерноморье должно было стать его тыловой базой, призванной снабжать его войска всем необходимым и, главное, поставлять ему военные контингенты. С этой точки зрения связи с населением причерноморских степей приобрели для Митридата несравненно большее значение, чем взаимоотношения с прибрежными городами, военный потенциал которых никогда не был велик. Политика Митридата меняется: он начал свою деятельность в Северном Причерноморье с оказания военной помощи городам против нападающих на них «варваров». Теперь он всяче-

ски стремится привлечь племена на свою сторону, вступить с ними в союз, найти в них опору в начавшейся борьбе с Римом. Это ему в значительной мере удаётся. Автор нашего важнейшего источника по истории войн Митридата Аппиан упоминает о скифах, сарматах, таврах, бастарнах и фракийцах, сражавшихся под знамёнами Митридата с римлянами. Он вербует в свои войска и рабов.

Всё это вместе взятое не могло не оттолкнуть от Митридата те самые господствовавшие в рабовладельческих городах и Боспорском государстве социальные слои, которые раньше оказывали ему всяческую поддержку, считая его своим покровителем. В дальнейшем взаимоотношения Митридата с городами ещё больше осложняются. Военные действия приняли неблагоприятный для Митридата оборот. В поисках нужных ему для продолжения борьбы средств, он, по свидетельству Аппиана, облагает города новыми поборами. Между тем война самым пагубным образом сказалась на их торговой деятельности. В конечном счёте это привело к отложению Боспора от Митридата во время его первой войны (89—85 гг.) с римлянами.

По времени первая война Митридата с римлянами совпала с исключительным обострением социальной борьбы в Риме, вылившейся в форму так называемой Союзнической войны. Момент для выступления против Рима был благоприятным. Быстро преодолев сопротивление соседней Вифинии, царь которой по указаниям римлян вступил с ним в войну, Митридат со своей сильной и хорошо подготовленной армией вступил на территорию римской провинции Азии, образованной на территории Пергамского царства. Римляне к этому времени там успели возбудить к себе всеобщую ненависть. Поэтому Митридата встретили с ликованием. На него смотрели, как на спасителя от римского гнёта. Поднятое им знамя антиримского восстания было подхвачено. Жители Эфеса встретили его в праздничных одеждах. Ненависть к римлянам была настолько велика, что только в один день в различных городах Малой Азии было перебито до 80 тысяч римских граждан и италиков без различия пола и возраста.

Из Малой Азии Митридат переправил свои войска на Балканский полуостров в Грецию. Здесь на его сторону встали Афины.

Однако силы в этой борьбе были неравными. Когда на Балканский полуостров с сильной армией переправился Сулла, положение Митридата резко изменилось к худшему. Афины были взяты войсками Суллы и беспощадно разорены. Митридат потерпел поражение на территории Беотии у Херонеи. Вслед за тем римляне перебросили свои силы на малоазийское побережье. В тылу Митридата начались волнения. Среди аристократии греческих городов было немало сторонников римлян. В 86 г. в Эфесе вспыхнуло восстание, руководители которого объявляли кассацию долгов. Это заставило Митридата пойти на крайние

меры: не довольствуясь объявленным раньше решением об освобождении городов и о сложении налогов, он объявил кассацию долгов и давал свободу рабам. Эта политика оттолкнула от него крупных рабовладельцев и ростовщиков. Господство римлян их устраивало больше. В сражении у Пропонтиды войска Митридата вновь потерпели поражение. Город за городом переходил на римскую сторону. Митридат вынужден был вступить в переговоры с Суллой о мире. Этот мир был заключён осенью 85 г. в городе Дардане.

Надо сказать, что положение противника Митридата также было крайне затруднительным. В Италии обострялась гражданская война. Власть находилась в руках смертельных врагов Суллы — марианцев. Его сторонники и единомышленники подвергались жестоким преследованиям. Призывы их о помощи доносились до Суллы. Он должен был как можно скорее закончить войну с Митридатом, чтобы вернуться со своими войсками в Италию.

Благодаря этому мир в Дардане был заключён на относительно льготных для Митридата условиях. Он уплатил римлянам контрибуцию в 3 тысячи талантов и отдал им часть своего флота, но сохранил за собой своё Понтийское царство и свои военные силы.

Это дало ему возможность в предвидении возобновления борьбы с Римом совершить большой поход в Северное Причерноморье. К 80 г. он восстанавливает свою власть над Боспором и поручает управление этим государством, равно как и управление другими северочерноморскими городами, своему сыну Махару.

Мысль о продолжении борьбы с Римом Митридата не оставляет. Он реорганизует свои войска и пытается распространить своё влияние на те области, которые лежали между его понтийскими владениями и Боспором, чтобы обеспечить свой тыл. Наконец, он заключает договор о союзе с царём Армении Тиграном II.

Новое столкновение с Римом, известное под именем второй митридатовой войны (83—82 гг. до н. э.), было спровоцировано самими римлянами. Римский полководец Луций Лициний Мурена под предлогом несоблюдения Митридатом Дарданского договора вторгся в его понтийские владения. Полагая, что Митридат ещё не оправился от предшествующей войны, он надеялся безнаказанно воспользоваться слабостью Понта, но не рассчитал своих сил. В первом же столкновении с войсками Митридата он был разбит. Вскоре после этого Дарданский договор, в результате непосредственного обращения Митридата к Сулле, был полностью восстановлен.

Третья война Митридата с римлянами началась в 74 г. до н. э. Поводом для неё явилась Вифиния. В этой стране, до того времени ещё формально независимой, давно уже хозяйничали римские купцы и ростовщики. После смерти вифинского царя

Никомеда III Филопатра, «завещавшего» своё царство Риму, Вифинии предстояло превратиться в римскую провинцию. Тем самым римская граница должна была вплотную подойти к владениям Митридата. Хорошо понимая, к каким последствиям это должно было привести, Митридат объявил войну римлянам под предлогом защиты интересов сына и наследника умершего вифинского царя.

Как и в первый раз, момент для выступления против римлян казался Митридату благоприятным. Гражданская война на территории Римского государства не прекратилась. Фактически Испания в это время отделилась от Рима. Марианцы создали в Испании своё правительство, возглавленное Серторием. Митридат вступил в соглашение с Серторием, чтобы открыть военные действия против Рима и на западе и на востоке одновременно. У него были все основания надеяться и на помощь со стороны своего союзника царя Армении Тиграна II. Кроме того, он заручился поддержкой пиратов, которые помогли ему создать значительный флот. Разделив свои войска на несколько армий, Митридат двинулся навстречу римлянам.

В ходе начавшихся военных действий перевес первоначально снова оказался целиком на стороне Митридата. В короткий срок ему удалось вытеснить римлян со всего побережья Геллеспонта. Не на шутку встревоженные римляне направили на театр военных действий Луция Лициния Лукулла с большой армией.

Ценой значительных усилий и потерь Лукуллу удалось вытеснить Митридата из Вифинии и проникнуть на его собственную территорию. Митридат был вынужден бежать к Тиграну. Римляне потребовали от него выдачи Митридата. После отказа Тиграна выполнить это требование Лукулл предпринял поход в Армению.

Вне зависимости от достигнутых Лукуллом успехов положение его было затруднительным. Война приняла затяжной характер; она требовала значительных затрат. Лукулл добывал необ-

Гермес—деталь росписи «склепа богини Деметры», I в. н. э. (Керчь).

ходимые ему средства путём дополнительного обложения городов. Это задевало не только интересы подвластного Риму населения, но и римских публиканов, привыкших здесь самовластно хозяйничать. Падала и дисциплина в войсках. Лукуллу пришлось её поддерживать суровыми мерами. В Риме им были недовольны. Помимо всего прочего Лукулл был известен как оптимат и сторонник Суллы. Между тем к власти теперь пришла другая политическая группировка, проводившая ликвидацию тех изменений, которые ввёл в строй Римского государства Сулла. В результате всего этого Лукулл оказался не в состоянии закрепить своих успехов в борьбе с Митридатом. Последний вновь утвердился в Понтийском царстве. Шёл уже седьмой год безуспешной войны римлян с Митридатом.

В начале 66 г. народный трибун Гай Манилий выступил в Риме с предложением отстранить от командования Лукулла и назначить главнокомандующим для окончания этой войны Гнея Помпея с сохранением за ним тех же чрезвычайных полномочий, какими он перед этим пользовался при подавлении движения пиратов. Ему была предоставлена неограниченная власть над всеми теми областями, какие контролировались на Востоке римскими войсками. Приняв на себя командование, Помпей воспользовался этими полномочиями, чтобы увеличить и без того значительную свою армию за счёт местных вспомогательных отрядов. Приказ направить в его распоряжение эти вспомогательные отряды получили все подчинённые Риму правители и цари восточной части государства. Кроме того, в распоряжении Помпея находился большой флот.

Чтобы обеспечить успешное окончание войны с Митридатом с дипломатической стороны, Помпей заключил союз с парфянским царём Фраатом и убедил его напасть на Тиграна II.

В непосредственное соприкосновение с Митридатом Помпей вступил на территории Каппадокии. Обе армии на первых порах действовали очень осторожно, опасаясь вступить друг с другом в решительное сражение. Для Митридата было важно выяснить конкретные перспективы дальнейшей войны. Убедившись, что они складываются не в его пользу, Митридат решил воспользоваться уже изведанным средством. Намереваясь прервать борьбу с римлянами до более благоприятного для него времени, он попробовал вступить с Помпеем в переговоры. Переговоры с Помпеем, однако, ни к чему не привели. Военная и политическая репутация Помпея в данном случае была поставлена на карту. Поэтому он потребовал от Митридата безоговорочной капитуляции. На это Митридат пойти, конечно, не мог. Он решился испытать последние силы в отчаянной борьбе с ненавистным ему врагом.

План Митридата состоял в том, чтобы завлечь римлян во внутренние части своих владений, истощать их продолжительным походом и, опираясь на местных жителей, нанести им решитель-

ное поражение. Поэтому он двинулся из Каппадокии на восток к границам Понта, опустошая всё вокруг себя, чтобы таким путём затруднить продвижение римлян.

Между войсками обеих сторон происходили отдельные стычки. Одна из таких стычек переросла в сражение, в котором Митридат потерял большую часть своей конницы. Затем Помпею удалось осадить самого Митридата в одной крепости, названная которой Аппиан и Плутарх, авторы главного нашего источника по истории Митридата, не приводят. Осада длилась около 50 дней. В конце концов истощённый осадой Митридат вынужден был ночью бежать из крепости. Перед этим он велел перебить всех больных и раненых, чтобы они не попали в руки врага. Пробившись к своим главным силам, Митридат продолжал отступление.

Вскоре вблизи Ефрата, у того места, где впоследствии римлянами был основан Никополь, произошло генеральное сражение. Это сражение началось ночью при свете взошедшей луны. Воины Митридата, принимая длинные тени римлян за них самих, невпопад метали свои стрелы и копья. Они не выдержали атаки римской пехоты и устремились в бегство. Митридат был наголову разбит и бежал с поля сражения в сопровождении 800 всадников. Вскоре и они оставили Митридата.

С двумя спутниками и своей наложницей Гипсикратией, переодетой в мужскую одежду, Митридату удалось достигнуть Синории — небольшой крепости, расположенной в Малой Армении, вблизи границ Большой Армении. Но и тут мужество и энергия не покинули Митридата. В Синории у него хранились богатые сокровища. Он щедро одарил ими всех тех, кто в тяжёлые дни сохранил ему верность, и, набрав около 3 000 воинов, намеревался двинуться с ними на соединение со своим союзником Тиграном II. Последний, однако, уже знал о постигшей Митридата неудаче. Кроме того, он подозревал его в заговоре со своим сыном Тиграном Младшим. Тигран приказал бросить посланцев Митридата в темницу, а за его голову назначил вознаграждение в 100 талантов. Перед Митридатом не было теперь другого выхода, как бежать через Кавказ на север в свои боспорские владения.

Достигнув Диоскуриады, он провёл в ней зиму 66/65 г., а оттуда направился в Пантикапей. Здесь Митридата ждало новое разочарование. Сын его Махар, оставленный им на Боспоре в качестве наместника, узнав о поражении своего отца, изменил ему. Видимо считая положение Митридата безнадежным и желая спасти самого себя, он перешёл на сторону римлян. Он посылает ценные дары Помпею и снабжает римские войска, осаждавшие в то время Синопу, заготовленным Митридатом продовольствием.

Расчёт Махара, однако, не оправдался. Ещё по дороге на Боспор Митридату удалось заручиться союзом с рядом при-

кубанских племён. По всем признакам, ему была оказана поддержка и другими соседями Боспора. Махар был вынужден бежать из Пантикапея в Херсонес. Преследуемый отцом, он покончил жизнь самоубийством.

Утвердившись в Пантикапее, Митридат восстановил свою власть над другими боспорскими городами и Херсонесом. Вслед за тем он ещё раз попытался вступить с Помпеем в переговоры о мире. Переговоры эти, однако, не увенчались успехом, хотя римляне столкнулись в это время с крупной военной неудачей. Помпей предпринял поход в Северное Причерноморье через Кавказское побережье. Он рассчитывал таким путём добиться окончательного разгрома сил Митридата. Но на Кавказе римские войска натолкнулись на такое стойкое и ожесточённое сопротивление албанов и иберов, что были вынуждены повернуть назад. Вынужденный отказаться от своего замысла, Помпей ограничился блокадой боспорских побережий силами своего флота.

При таких обстоятельствах Митридат твёрдо решил продолжать борьбу с римлянами и скорее погибнуть, но не отдаться им в руки. В голове его зреет новый грандиозный план большого похода из Северного Причерноморья через Фракию, Паннонию, Македонию и Альпы на Италию и Рим.

С исключительной энергией и настойчивостью принимается Митридат к подготовке этого похода. Понимая, что имеющиеся у него силы недостаточны, он вступает в союз со многими причерноморскими племенами. Чтобы заручиться дружбой и поддержкой вождей этих племён, он предлагает им в жёны своих дочерей. Он открывает доступ в свои войска и для свободных и для рабов. Одновременно он заготавливает оружие, строит корабли и военные машины. В результате Митридату удалось довести численность своего войска до 36 000 человек. Кроме того, он располагал силами своих союзников и флотом.

Дальнейшее развитие событий, однако, показало, что вся эта поистине кипучая деятельность Митридата, основанная на политике сближения с окружающими Боспор племенами, оказалась совершенно несовместимой с одновременным сохранением ему верности со стороны рабовладельческих городов побережья. Видимо, интересы господствовавшего в этих городах класса нельзя было примирить с интересами более широких слоёв местного населения. Поэтому если местные племена готовы были оказать Митридату военную поддержку в его борьбе с рабовладельческой державой римлян, то города побережья, напротив, теперь чувствовали себя ближе к Риму, чем к Митридату и его союзникам.

Непосредственные причины, оттолкнувшие их от Митридата, были связаны, с одной стороны, с римской блокадой побережья, с другой стороны,—с увеличившимися поборами Митридата. Римская блокада побережья ударила по торговым интересам городов. Что же касается налоговой политики Митридата, то

совершенно понятно, что в ходе приготовлений к новому походу он не мог не увеличить выплачиваемые городами налоги. В результате в Фанагории, когда Митридат направил туда часть своих войск, вспыхнуло восстание. Это восстание сразу же было подхвачено и другими городами Боспора. К восставшим примкнул также Херсонес. Вскоре брожение распространилось и на часть войск Митридата. В сложившейся напряжённой обстановке сын Митридата Фарнак окончательно потерял веру в успех предпринятого его отцом дела. Подобно Махару, и он вступил в тайные переговоры с римлянами. В то же время он стал склонять воинов Митридата к измене. Очевидно, ясно себе представляя, что вокруг него происходит, Митридат стал особенно подозрительным. Жертвой его подозрительности пал один из его сыновей Эксаподр, убитый по его приказанию. Это побудило Фарнака действовать ещё более решительно. Впрочем, организованный им против Митридата заговор был раскрыт, его участники подверглись пыткам и смертной казни, но самого Фарнака Митридат пощадил. Зная мстительность своего отца, Фарнак после этого не мог быть уверенным в своей безопасности; он решился ещё раз попытать счастья. Отправившись в лагерь римских перебежчиков, он стал их убеждать перейти на его сторону. Той же ночью верные Фарнаку люди побывали и в других лагерях. С наступлением дня римские перебежчики подняли крик. В войсках началось восстание, к которому примкнули и матросы. Разбуженный шумом, Митридат спросил, что происходит. Ему отвечали, что войска приветствуют его сына, вступающего на престол. Митридат вышел сам к восставшим и пытался их успокоить. Но волнение не утихало. К восставшим стал присоединяться народ. Восставшие требовали смерти Митридата. Под Митридатом была убита лошадь. Самому ему, однако, удалось спастись во дворце. Между тем войско провозгласило Фарнака царём. Митридат видел всё это с галереи своего дворца. Теперь ему было ясно, что всё для него погибло. Он принял решение покончить с собой. Митридат постоянно носил с собой яд в рукояти своего меча и теперь обратился к этому последнему средству. Две находившиеся с Митридатом дочери также покончили с собой при помощи яда. Он сразу оказал на них своё действие. Но привыкший к различным ядам организм Митридата не поддался действию принятого яда. Не желая попасть живым в руки римлян, Митридат попросил находившегося рядом с ним предводителя кельтов оказать ему последнюю услугу — помочь ему покончить с собой. Тот исполнил просьбу Митридата. Так закончилась жизнь этого непримиримого противника Рима, который, по признанию самих римлян, был одним из самых опасных его врагов.

Известие о гибели Митридата и переходе на сторону римлян Фарнака вызвало в Риме ликование. Своей победой над Митридатом римляне, однако, были обязаны не успехам своего ору-

жия, но сложной внутренней обстановке на самом Боспоре. Это была пассивная победа. История римско-боспорских отношений в последующих десятилетиях показывает, что и потом римское правительство долгое время не было в состоянии активно влиять на события, происходившие помимо его воли на Боспоре.

СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В КОНЦЕ 1 ВЕКА ДО Н.Э. И В ПЕРВЫХ ВЕКАХ Н.Э.

После смерти Митридата его понтийские владения частью были превращены в римскую провинцию, частью поставлены в зависимое от Рима положение. Боспор был оставлен за Фарнаком. В награду за переход на сторону римлян он был провозглашён «другом и союзником» римского народа. Во внешнеполитической деятельности Рима оба эти термина обладали различным значением. Часто они означали полное подчинение такого «друга и союзника» римскому контролю, фактически терявшего свою независимость. Однако в применении к Фарнаку термины эти, очевидно, не означали реального подчинения его Риму.

Прежде всего, как показал поход Помпея, вдоль кавказского побережья, владения Фарнака находились за чертой досягаемости для римских войск. В монетах и надписях Боспора отсутствуют какие бы то ни было следы нарушения боспорской независимости. Литературные же источники определённо говорят о военных мероприятиях Фарнака, направленных к расширению границ подвластной ему территории вплоть до Танаиса. В этом, несомненно, таилась опасность рецидива митридатовских войн; Митридат также начал подготовку к борьбе с Римом с предварительного объединения и расширения территории своего государства. Следуя примеру своего отца, Фарнак начинает подготовку к борьбе с Римом с укрепления своего тыла. Так же, как в своё время Митридат, он использует для выступления момент внутреннего ослабления своих врагов, вызванного новым обострением гражданской войны в Риме. Задача концентрации сил

для предстоящей борьбы приводит Фарнака к тем же затруднениям, которые сыграли решающую роль в трагическом окончании эпопеи Митридата Евпатора. Дело в том, что подготавливая своё выступление, Фарнак стремится найти опору одновременно и в греческих городах Северного Причерноморья, и в окружающих Боспор племенах. Между тем верхние слои городского населения ориентировались на Рим, тогда как местные племена занимали в отношении к нему ярко выраженную враждебную позицию. Мы не располагаем сведениями о мероприятиях Рима по использованию этих противоречий, если не считать выделения Фарнагории в виде не подвластного Фарнаку и автономного города в награду за поднятое против Митридата восстание. Только в этом можно видеть единственную слабую попытку применить к Северному Причерноморью старый внешнеполитический принцип римлян «разделяй и властвуй». Тем не менее, когда Фарнак, воспользовавшись новой вспышкой гражданской войны в Риме, решился на военные выступления против Рима, города его не поддержали. Оставив на Боспоре в качестве правителя своего приближённого Асандра, Фарнак захватил Синопу и двинулся в западную Армению. Римский наместник в Азии потерпел полное поражение, после чего Фарнак овладел Вифинией. Цезарь вынужден был лично вступить в борьбу с Фарнаком. В 47 г. при городе Зеле в Малой Азии Фарнак был разбит. Именно об этой своей победе Цезарь выразился: «пришёл, увидел, победил».

Существенно ещё раз отметить, что после разгрома у Зелы и бегства Фарнака скифы и сарматы сохраняют ему верность и помогают в борьбе с восставшими Пантикапеем и Феодосией, в то время как оставленный Фарнаком на Боспоре Асандр захватил боспорский престол, опираясь, по всем признакам, на определённые слои городского населения. Совершенно очевидно, что зажиточная верхушка рабовладельческих городов Северного Причерноморья была заинтересована в сохранении мирных отношений с Римом и готова была купить этот мир ценой любой измены.

Сопоставляя выступления Фарнака с предшествующим движением Митридата, можно прийти к выводу, что обстановка в Северном Причерноморье за истекший промежуток времени не изменилась в более выгодном для римских интересов направлении. Попрежнему здесь наряду с романофильски настроенными городами продолжают существовать силы, готовые, как только к тому представится удобный случай, с оружием в руках поддерживать любое выступление против Рима.

В выступлении Фарнака нельзя не видеть нового рецидива в той длительной и упорной борьбе против римской экспансии на Восток, какую так широко поднял и организовал Митридат. Поэтому после поражения Фарнака и бегства его на северный берег Понта римляне учли опыт Помпея. Хотя Асандр выступил на их стороне и выступление его закончилось победой и смертью

Фарнака, Цезарь не признал за ним прав на боспорский престол, так как это признание не давало никакой уверенности в том, что Асандр и впредь будет послушен Риму. Вместе с тем Цезарь перед лицом гораздо более важных для него проблем не располагал необходимыми военными ресурсами для установления более выгодных Риму порядков на Боспоре.

Единственным доступным для него тогда средством разрешить боспорскую проблему было посадить своего верного человека на боспорский престол — приём, широко практиковавшийся в римской внешней политике. Таким человеком оказался сотрудник Цезаря Митридат Пергамский.

Для того чтобы обосновать свои притязания на боспорский престол, Митридат Пергамский по указанию Цезаря вынужден был выдать себя за незаконного сына Митридата Евпатора.

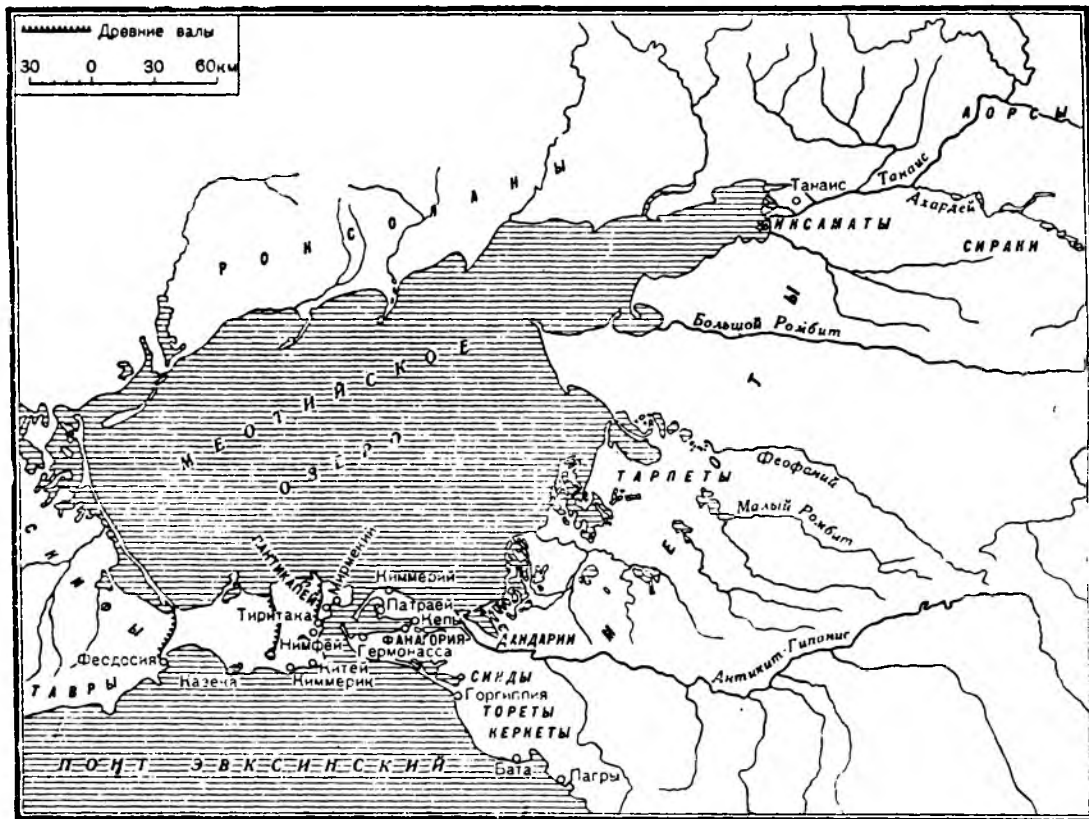
На кого была рассчитана эта своеобразная аргументация? Совершенно очевидно, что не на греческие города, восставшие против Митридата и Фарнака и обращавшиеся в Рим с посольствами. Митридат Пергамский вынужден был считаться с политическими симпатиями более широких слоёв местного населения и прежде всего с окружающими со всех сторон боспорскую территорию скифо-сарматскими и меотийскими племенами. Имя Митридата Евпатора продолжало оставаться популярным в среде его бывших союзников, так мужественно и последовательно сражавшихся под его знамёнами против Рима.

В конечном результате борьба Митридата Пергамского с Асандром из-за боспорского престола заканчивается его смертью и победой Асандра. Очевидно, широкие слои местного населения, когда возникла прямая угроза подчинения римскому контролю, встали на сторону Асандра, хотя он и начал свою деятельность с выступления на стороне Рима. Асандр ещё более укрепил своё положение, вступив в брак с Динамией, дочерью Фарнака и внучкой Митридата Евпатора.

Цезарь, очевидно, полагая, что Асандр может заручиться помощью местных племён, не решился на новое вмешательство во внутренние дела Боспора. Не решился на это и Август.

Римское правительство, может быть, ещё в лице Цезаря и во всяком случае сразу же после утверждения Августа власти признало Асандра боспорским царём. Он ответил на это тем, что перестал именоваться, как это он делал в первые три года своего правления, архонтом и стал, как о том свидетельствуют золотые стaterы с его полным именем, титуловать себя царём. Кроме того, в боспорских официальных надписях с именем Асандра появляется рядом с его пышным титулом «великого царя царей» новый эпитет «друг римлян».

Вряд ли в этом эпитете можно видеть что-либо большее, чем формальную декларацию. Соглашение Асандра с Римом, по всем признакам, не повлекло за собой реальных ограничений боспорской независимости, если не считать выделения из

Беспорское царство.

состава подвластной Асандру территории Херсонеса. Подобно тому как это сделал Помпей по отношению к Фанагории, Цезарь предоставил Херсонесу политическую автономию. Фактически Херсонес, как о том свидетельствуют Страбон и отдельные надписи, и дальше продолжал оставаться под властью Боспора.

Следующая по времени попытка римского вмешательства в боспорские дела была предпринята уже после смерти Асандра (17 г.), когда боспорский престол перешёл к его вдове, царице Динамии.

Политика Динамии по отношению к Риму во многом напоминает политику Асандра. В фанагорийских и пантикапейских надписях имя Динамии неизменно сопровождается характерным эпитетом «римлянолюбивая» в сочетании с прямыми восхвалениями римского императора. Одновременно в правление Динамии были переименованы в честь римлян два главных боспорских города: Пантикипей в честь Августа в Кесарию и Фанагория в честь Агриппы — в Агриппию. Вряд ли римляне могли удовлетворить все эти мероприятия в достаточной мере декларативного характера. Широко поставленная задача подчинения завоёванных ранее территорий и укрепления границ империи требовала более реальных мер по установлению действенного римского контроля над Северным Причерноморьем.

Преследуя эту цель, римляне воспользовались происходившими на Боспоре смутами, связанными с выступлением некоего Скрибония. Выдавая себя за внука Митридата Евпатора и уверяя, что Август якобы предоставил ему боспорский престол, он захватил, повидимому, в 15 г. до н. э. власть и, желая её упрочить, женился на Динамии.

Римляне реагировали на это посылкой на Боспор преданного им понтийского царя Полемона. По рассказу Диона Кассия, явившись на Боспор, Полемон уже не застал в живых Скрибония. Он был убит восставшими боспорцами; боспорцы не пожелали подчиниться и Полемону и сложили оружие лишь после того, как узнали, что Агриппа, набрав корабли из азиатских городов, готовится к большому походу в Северное Причерноморье. Характерно, что, утвердившись, наконец, на боспорском престоле, Полемон также вступает, по указанию Августа, в брак с Динамией. Таким путём и он рассчитывал поднять в глазах боспорского населения свой политический престиж. Но расчёт этот не оправдался. Динамия порвала с Полемоном. Местные племена приняли её сторону. На азиатском побережье Боспора начались военные действия, в ходе которых был разрушен Танаис.

Конечная победа досталась так называемым аспургиянам, т. е., повидимому, одному из сарматских племён. В 8 г. до н. э. Полемон был убит. Сразу же после его смерти власть снова перешла к представителям местной боспорской династии. К сожалению, боспорские правители, правившие сразу же после Полемона, чеканят монеты без упоминания своих имён, которые заменяют-

ся замысловатыми монограммами. На основании ряда соображений, подтверждаемых и данными боспорских надписей, можно предположить, что с 8 г. до н. э. по 7 г. н. э. Боспором правил царь Асандрох, а после него в течение двух лет ещё какой-то боспорский царь, имя которого выяснению не поддаётся. С 10 г. н. э. власть перешла к сыну Асандроха Аспургу, через два года после начала своего правления получившего от римлян царский титул. Аспург правил Боспором до 36 г. н. э. Таким образом, римское правительство никак не реагировало на гибель своего ставленника Полемона, не отомстило за его смерть непокорным боспорцам, не предприняло новых попыток послать своего ставленника на боспорский престол. Оно и на этот раз оказалось вынужденным примириться с происшедшей на Боспоре политической переменой и в конце концов признало Аспурга.

В данном случае эту пассивность римской внешней политики следует поставить в прямую связь с событиями, происходившими в эти годы на других границах империи: войнами на Дунае и Рейне, восстаниями в Паннонии и Далмации и поражением римских легионов в Тевтобургском лесу (9 г. н. э.).

О правлении Аспурга мы знаем сравнительно немного. Ни один из античных писателей не упоминает имени Аспурга. Деятельность его нам известна, таким образом, только из надписей. В этом отношении весьма интересна надпись на каменном пьедестале статуи Аспурга, воздвигнутой ему «начальником острова», т. е., очевидно, одним из подчинённых ему наместников на азиатской стороне пролива. В надписи Аспург назван «великим царём» — тем самым титулом, каким именовали себя Фарнак и, очевидно, Митридат Евпатор. К этому титулу прибавлен перечень подвластных Аспургу земель, из которого следует, что он «царствовал» над «всем» Боспором, Феодосией, синдами, меотами, тарпитами, торетами, псессами, танаитами. Далее говорится, что он подчинил скифов и тавров. Из перечня владений Аспурга, таким образом, вытекает, что при нём боспорская территория была не только восстановлена в тех границах, какие существовали в пору наивысшего расцвета этого государства при Спартокидах, но и увеличилась. Помимо восточной части Крыма, Таманского полуострова и Приазовья вплоть до устья Дона, где находился Танаис, Боспору теперь принадлежала центральная часть Крыма и горный Крым, где жили скифы и тавры. Эти территории при Спартокидах никогда в состав их владений не входили. Но в то же время Аспург в той же надписи назван «другом римлян», происходящим от царя Асандроха — «друга цезарей» и «друга римлян». Отсюда можно прийти к выводу, что ко времени Аспурга полностью сложилась новая традиция во взаимоотношениях боспорских царей с Римом. И сам Аспург и его предшественники и преемники в официальных надписях неизменно именуют себя «друзьями цезарей и римлян», не скупятся и на другие изъятия своей преданности римским императорам.

Однако вопрос о фактическом подчинении Боспора Риму всецело зависел от реального соотношения сил и тех конкретных возможностей, какими в каждый отдельный момент располагала Римская империя.

В такой же мере это можно сказать о взаимоотношениях Рима с Херсонесом и Ольвией. Впрочем, последняя в I в. до н. э. после разорения её гетами лежала в развалинах.

Что касается Херсонеса, то после смерти Митридата Евпатора город и принадлежащая ему территория были включены в состав Боспора. Эта зависимость тяготила Херсонес.

Независимость, дарованная Цезарем Херсонесу, оказалась весьма непрочной. После смерти Цезаря город, повидимому, её утратил, но при Августе римское правительство вновь даровало ему свободу. Восстановление независимости Херсонеса нашло своё отражение в появлении нового херсонесского летосчисления. Оно вводится, начиная с 25/24 г. до н. э. С этого года в Херсонесе монеты и надписи начинают датироваться годами «царствования Девы». Вряд ли, однако, предоставленная городу свобода была действительной. Близкое соседство с гораздо более сильным Боспором и удалённость от Рима, к которому можно было бы, в случае чего, обратиться за помощью, делали её призрачной.

Фактически Херсонес в эти годы, несомненно, продолжал находиться под контролем Боспора, пытавшегося полностью его подчинить. Это отразилось в одной легенде, сохранённой византийским писателем Константином Багрянородным, которая, по всем признакам, отражает действительное положение Херсонеса в I в. н. э. Речь в этой легенде идёт о Гикии — дочери первого архонта Херсонеса Ламаха.

Боспорский царь задумал женить на Гикии своего сына, чтобы таким путём подчинить себе Херсонес. Отец Гикии Ламах выразил согласие на этот брак, но поставил условие, чтобы новобрачные поселились в Херсонесе. Это условие отвечало задуманному боспорским царём плану. Боспорский царевич переехал в Херсонес и поселился со своей молодой женой в городе в обширном доме её отца. Под видом гостей сюда к нему постоянно приезжают группы воинов из Боспора. После каждого такого посещения они делали вид, что уезжали из Херсонеса обратно, но на самом деле возвращались под покровом ночной темноты в дом архонта Ламаха и прятались здесь в его обширных подвалах.

По замыслу боспорского царя и его сына, в этих подвалах должен был постепенно накопиться отряд хорошо вооружённых боспорских воинов, с помощью которого они рассчитывали осуществить в Херсонесе задуманный ими политический переворот и покончить с его независимостью.

План этот раскрылся благодаря случайности. Служанка Гикии уронила веретено. Для того чтобы его достать, она должна была приподнять одну из досок пола. Приподняв её, она увидела воору-

жённых людей. Узнав об этом от служанки, Гикия решила пожертвовать ради спасения города домом своего отца и своим мужем. По её распоряжению ночью дом был обложен хворостом и подожжён. Вооружённые боспорцы вместе с мужем Гикии погибли в огне. Такой ценой было предотвращено покушение на независимость Херсонеса.

Первая половина первого века нашей эры вообще была для Херсонеса временем тяжёлым. В городе в связи с дальнейшим ростом социально-имущественного расслоения среди граждан обострилась политическая борьба. Олигархические элементы стремились овладеть властью. Благодаря одной из надписей этого времени мы знаем, что в городе произошёл тиранический переворот, но чествуемому в этой надписи херсонесскому гражданину — имя его не сохранилось — удалось восстановить прежний порядок. В той же надписи упоминается об оскудении запасов продовольствия в городе и нужде граждан в хлебе, о пришедших в ветхость крепостных стенах, которые, видимо, не на что было починить, о волнении народной массы. Из содержания надписи затем следует, что чествуемый гражданин за свой счёт предпринял поездку в Рим, где он хлопотал о свободе города. В его отсутствие приверженцы свергнутого тирана вновь его призвали, и он появился у Херсонеса с большим войском. Но чествуемый гражданин во время вернулся и предотвратил переворот. За все эти заслуги херсонесские граждане наградили его золотым венком и поставили ему статую.

Из другой херсонесской надписи I в. н. э. следует, что город подвергся нападению скифов, сарматов и других племён, опустошивших принадлежавшую ему территорию. Существуют все основания думать, что это нападение в рассматриваемое время было далеко не единственным. Данные археологических исследований Херсонеса также свидетельствуют о падении экономической жизни города.

В сложившейся обстановке Херсонес в наиболее напряжённые моменты, повидимому, был вынужден по собственному почину обращаться к Боспору за помощью. В Херсонесе сохранилась надпись, посвящённая Полемону I. В ней он назван «спасителем херсонесцев». Ещё в одной надписи упоминается о торжественной встрече гражданами Херсонеса посла боспорской царицы Динамии. Кроме того, сохранилась часть надписи на постаменте статуи боспорского царя Аспурга, представлявшая собой посвящение херсонесцев.

Дальнейшая история взаимоотношений Боспора и Херсонеса, так же как и взаимоотношения их обоих с Римом, связана с теми изменениями, какие в рассматриваемое время произошли на восточных границах Римской империи.

Ещё во время войн с Митридатом римляне столкнулись на Нижнем Дунае с выступившими против них местными племенами. Тогда на стороне Митридата была вся Фракия. Особенно

активно ему помогали племена бастарнов. Это заставило римлян сосредоточить на территории своей македонской провинции значительные силы. С их помощью один из наместников Македонии Марк Лукулл (младший брат того Лукулла, который вёл военные действия против самого Митридата) перешёл Балканы и, преодолев упорное сопротивление местных племён, впервые достиг устья Дуная. Греческие города-колонии западного побережья Чёрного моря тогда признали себя зависимыми от Рима.

Достигнутый римлянами успех, впрочем, оказался очень непрочным. Восстания фракийских племён не прекращаются. В 40—50 гг. до н. э. на Нижнем Дунае складывается большое объединение дакийских племён под главенством Биребисты. По свидетельству одного из античных писателей, армия Биребисты достигла 200 000 человек. Вся территория от Ольвии и до Бургасского залива была им подчинена. Города западного побережья признали над собой власть Биребисты. Перед лицом этой грозной опасности Римская империя всеми доступными для неё средствами укрепляет свои границы.

В 30-х годах I в. до н. э. правительству Августа удалось водворить на престоле фракийских царей своего ставленника, молодого царя Котиса. После этого Фракия превращается в зависимую от Рима территорию. В 29 г. до н. э. силами наместника македонской провинции Марка Лициния Красса, внука триумвира, был предпринят большой поход на бастарнов, беспокоивших своими постоянными набегами Фракию.

В 13—11 гг. до н. э. поход в восточную, прилегающую к Дунаю часть Фракии был повторён. К этому времени государство Биребисты уже распалось и римлянам удалось распространить своё влияние вплоть до Дуная. Западночерноморские города вновь подчиняются Риму. В 10 г. до н. э. на всём этом пространстве между Дунаем и Балканами была образована новая римская провинция Мезия.

Местные племена мезов и гетов продолжали оказывать римлянам отчаянное сопротивление. Уже покорённое население, как только к тому представлялся удобный случай, вновь восставало, и римлянам приходилось его покорять по нескольку раз. Карательные экспедиции римских войск действовали при этом с исключительной жестокостью. Пленным отрубали руки, их сжигали живьём или обращали в рабов. В результате Мезия после завоевания её римлянами стала представлять разорённую и опустевшую страну, куда завоеватели насильно сгоняли людей из других подчинённых им территорий. В то же время новая провинция подвергалась постоянным набегам сарматов и даков, вторгавшихся в неё из-за Дуная.

Любопытные подробности, касающиеся сложившейся здесь обстановки, сообщает Овидий, который, как известно, был выслан сюда из Рима Августом и девять последних лет своей

жизни провёл в Томах. «Не зная мира, мы живём постоянно под оружием»,— пишет он в одном из своих писем с Понта. «Я живу между врагами и среди опасностей, как будто вместе с родиной у меня отняли и мир»,— пишет он в другом своём письме.

По свидетельству Овидия, в 12 г. геты прорвались до самых окрестностей города Тома, грабя всё на своём пути и угоняя жителей в плен. Плохо бы пришлось городу, если бы ему на помощь не подоспел отряд союзных римлянам фракийцев и римский легион. На коленях в своих «Печальных песнях» молит Овидий Августа спасти его от опасности, «еле сдерживаемой водами Данауия» (Дуная).

В сложившихся условиях римляне должны были держать на своей восточной границе в постоянной военной готовности два легиона с вспомогательными частями. В случае нужды им могли прийти на помощь ещё два легиона, расквартированные в соседней Далмации. Но и этого оказалось мало. В 44 г. н. э. Мезия реорганизуется в провинцию так называемого проконсульского ранга, а в 46 г. н. э., после смерти фракийского царя Реметалка III, в провинцию была превращена и Фракия. В военном отношении фракийская провинция была подчинена Мезии, число же находившихся в последней легионов доведено до трёх. Такого большого гарнизона не имела ни одна римская провинция ни на Рейне, ни на Дунае. Римскому правительству было ясно, что относительная устойчивость его границы на Нижнем Дунае может быть достигнута лишь в том случае, если выдвинуть военные форпосты и распространить сферу римского влияния дальше на север.

Руководствуясь этими соображениями, римляне ввели свой гарнизон в город Тиру. Тем самым граница контролируемой ими в военном отношении территории была доведена до Днестра.

В прямой связи с этими мероприятиями находится и предпринятая римлянами попытка нового вмешательства во внутренние дела Боспора. После смерти царя Аспурга римский император Гай Калигула в соответствии с решением сената «подарил» Боспорское и Понтийское царства Полемону II — сыну фракийского царя и внуку по материнской линии того Полемона I, который в годы правления Августа так неудачно продвигался на Боспоре.

Таким образом, римское правительство вновь прибегает к широко практиковавшемуся в его внешнеполитической деятельности приёму, т. е. к подчинению той или иной территории путём водворения на местном престоле верного и послушного Риму правителя.

В данном случае римское правительство грубо нарушило существовавшую на Боспоре династическую традицию, согласно которой власть должна была перейти после смерти Аспурга

к его сыну Митридату. Когда весть о решении римского императора дошла до Боспора, Митридат VIII, повидимому, уже успел вступить на престол. Он и не подумал подчиниться этому решению. Напротив, чтобы показать своим подданным, что он не капитулировал перед римлянами и продолжает сохранять власть над Боспором, он выпустил золотую монету со своим полным именем и царским титулом. Правда, на обороте этих монет было помещено успевшее уже стать для Боспора традиционным изображение римского императора. Очевидно Митридат рассчитывал, что, в конце концов, ему удастся уладить конфликт с Римом, и не хотел поэтому создавать дополнительных осложнений на пути к соглашению с римским правительством. У него были основания надеяться на благополучный для него исход дела. Сколько уже раз перед этим римляне отказывались от своих агрессивных планов в отношении Боспора и санкционировали происходившие на нём, независимо от их воли, политические перемены. В этом отношении характерно, что на медных беспорских монетах, выпускавшихся тем же Митридатом, он также поместил своё изображение с полным именем и титулом. Так как эти монеты преимущественно обращались в пределах боспорской территории, на них нет ничего такого, что хотя бы отдалённо говорило о признании Боспором своей зависимости от Рима.

Лев—деталь росписи склепа, I в. н. э. (Керчь).

Расчёты Митридата полностью оправдались. Полемон II, находившийся всё это время в Понте, так на Боспоре и не появился. Было ясно, что он сможет воспользоваться подаренным Калигулой престолом боспорских царей только при помощи оружия. На это он не решился, видимо, не располагая достаточными военными силами. Вступивший в 41 г. на римский престол император Клавдий в том же году признал Митридата правителем Боспора, а Полемону же взамен Боспора передал в управление часть Киликии. И на этот раз римское правительство оказалось вынужденным отступить от своего первоначального плана — подчинить Боспор более действенному контролю.

Этот успех настолько ободрил Митридата, что он задумал освободиться вообще от всякой, даже формальной зависимости от Рима. До поры до времени, скрывая свои истинные намерения, он отправил в Рим для переговоров своего брата Котиса. Но Котис открыл императору план брата и в награду за предательство был вместо него назначен царём Боспора. Для водворения его на боспорском престоле римлянам, однако, пришлось послать войска. В 45 или 46 г. римские легионы под командованием Юлия Аквилы открыли военные действия против Митридата. Вынужденный бежать из Пантикапея на азиатскую сторону пролива, Митридат нашёл здесь поддержку среди местных племён. Особенно для него было важным то, что его сторону приняло сильное сарматское племя сираков, возглавленное Зорсином.

Воспользовавшись отходом главных военных сил римлян из Пантикапея, Митридат перешёл к наступлению. Положение Котиса и оставшегося в Пантикапее с несколькими римскими когортами военачальника Аквилы оказалось критическим. Спасло их только отсутствие сплочённости у сарматских племён. Аквила и Котис сумели склонить на свою сторону Евнона, вождя соседнего с сираками племени аорсов. С помощью конницы Евнона Аквила и Котис перешли в контрнаступление. Таманский полуостров и Кубань стали ареной военных действий. Оттеснив Митридата от побережья, соединённые силы римлян и Котиса и аорсов вступили в город Созу на территории племени дандариев. Этот город был оставлен Митридатом в связи с ненадёжным для него настроением его жителей. Оставив в Созе гарнизон, союзники двинулись дальше на север и вторглись в область сираков. Здесь они окружили город Успу, расположенный на возвышенном месте в трёх днях пути от Танаиса. Укрепления этого города из плетней и прутьев с насыпанной между ними землёй было слабой защитой. Повествуемый нам обо всём этом Тацит говорит, что город был бы взят в тот же день, если бы военным действиям не помешала наступившая ночь.

На следующее утро жители осаждённого города послали к осаждающим послов с просьбой о пощаде; в виде выкупа они предлагали выдать победителям 10 000 рабов. Но те отвергли это предложение, по словам Тацита, главным образом потому,

что боялись затруднений, связанных с конвоированием такого количества людей. Успа была взята штурмом, и жители её перерезаны.

Эта нарочито жестокая расправа над населением Успы заставила союзника Митридата сиракского царя Зорсина задуматься над судьбой своего племени. После некоторых колебаний он изменил Митридату, выдал римлянам заложников и пал ниц перед изображением римского императора.

Лишившись поддержки сираков, Митридат утратил способность к дальнейшему сопротивлению.

Побеждённый Митридат, хорошо себе представляя, что будет с ним, если он попадёт в руки Котиса и римлян, решил обратиться к царю аорсов Евнону. С ним он был раньше в дружественных отношениях. Явившись к Евнону, он сказал: «Митридат, которого римляне столько лет ищут на суше и на море, является к тебе добровольно. Поступай, как тебе угодно, с потомками великого Ахеменида; это — одно, чего не отняли у меня враги».

Обратившись к Евнону, Митридат не ошибся. Евнон действительно сделал всё от него зависящее, чтобы помочь Митридату. Он послал своих послов в Рим к императору с просьбой пощадить Митридата. Римляне, конечно, не могли согласиться, чтобы такой опасный для них человек, как Митридат, остался на свободе. В конце концов Евнон был вынужден выдать им Митридата, но на том условии, что ему будет сохранена жизнь. После этого Митридат был доставлен в Вифинию, а оттуда в Рим, где уже значительно позднее, именно в 68 г., был казнён по приказу императора Гальбы за участие в заговоре.

Мастерская художника—деталь росписи каменного саркофага,
I—II вв. н. э. (Керчь).

После поражения Митридата Котис с помощью римлян окончательно водворился на боспорском престоле. Как свидетельствует одна из боспорских надписей с его именем, он учредил на Боспоре культ римских императоров, и сам стал верховным и пожизненным жрецом этого культа. Царское имя и титул вновь, как и следовало ожидать, исчезают с боспорских монет, заменяясь монограммами. На монетах изображаются головы римских императоров и атрибуты их власти. Римляне, таким образом, достигли на Боспоре того, чего они хотели. Этот успех был ими одержан главным образом благодаря тому, что местные враждебно настроенные к римлянам племена были разобщены. Не будет преувеличением сказать, что, судя по приведённому выше рассказу Тацита, был момент, когда судьба всего этого римского предприятия висела на волоске. Если бы Котису и Аквиле не удалось привлечь на свою сторону аорсов во главе с Евноном, римское правительство снова могло оказаться перед лицом очередного провала своих замыслов. С другой стороны, то, что рассказывает Тацит о поведении Евнона после поражения Митридата, позволяет думать, что он чувствовал себя неизмеримо ближе к побеждённому, чем к победителям и своим союзникам. Только опасения, что начавшие эту войну римляне не остановятся на полпути и в случае необходимости потребуют новые подкрепления, очевидно, заставили его принять их сторону.

Так или иначе, но события на Боспоре сопровождались, как это бывало и раньше в подобных же случаях, ростом активности местных племён во всём Северном Причерноморье. Жертвой этой активности стал и Херсонес, обращавшийся и к римскому императору в Рим и к наместнику Мезии с просьбами о помощи против упорно наступавших на него скифов.

Такой же тревожной жизнью со времени своего восстановления жила и Ольвия. Ворота её теперь всегда были на запоре, а вооружённая стража — на стенах. Жители города каждый час могли ждать нападения. Нажим на Ольвию оказался настолько сильным, что она была вынуждена признать свою зависимость от скифских царей. Одно время она выпускала монеты с их именами.

Между тем именно в эти годы, совпавшие уже с правлением императора Нерона (54—68 гг. н. э.), наблюдается существенный поворот в римской внешней политике. Центр тяжести во всей внешнеполитической деятельности Рима переносится теперь с запада на восток. Вопрос об Армении, в которой римлянам на короткий срок удалось укрепить своё влияние, вопрос о взаимоотношениях с Парфией, самым серьёзным противником Рима в Азии, вопрос о Чёрном море становятся главными вопросами римской политики. В те же годы в Риме возникает и гораздо более широкий план — план завоевательного похода на Кавказ с тем, чтобы установить связь между Чёрным и Каспийским морями и обеспечить прямой путь, минуя враждебную Риму Парфию, в Центральную Азию, Индию и Китай.

С точки зрения всех этих грандиозных замыслов, которые, однако, были не по плечу рабовладельческому государству римлян, раздираемому внутренними противоречиями, проблема обеспечения тыла на всех побережьях Чёрного моря приобретала исключительную актуальность. В этой связи находится и ряд конкретных мероприятий, проведённых в эти годы римским правительством.

Ранней весной 58 г. начала свой восточный поход большая римская армия под командованием одного из наиболее видных полководцев империи Корбулона. Северный её отряд двигался вдоль южного побережья Чёрного моря по направлению к Армении и побережью Кавказа. В 59 г. римляне достигли Армении и кавказского побережья. В 62—63 гг. территория Понта, некогда принадлежавшая Митридату Евпатору, была превращена в провинцию.

Тогда же римское правительство, наконец, вняло просьбам Херсонеса о помощи против скифов. В 63 г. легат Мезии Тиберий Плавтий Сильван, как мы это знаем из надписи на его надгробии, на кораблях переправился со значительными военными силами к Херсонесу и принудил скифов прекратить осаду города. Вслед за этим в Херсонесе, по южному берегу Крыма и на кавказском побережье были расквартированы римские войска (пехота) общей численностью в 3 тысячи человек. Кроме того, Херсонес стал постоянной базой римской эскадры в составе 40 кораблей. На эту эскадру была возложена задача охранять от пиратов морские пути вдоль побережий.

Прямых сведений о появлении римских гарнизонов на территории Боспора мы не имеем, но не исключается, что они появились и там. Во всяком случае, появление римских оккупационных войск и флота на северном побережье Чёрного моря совершенно определённым образом отразилось на боспорских монетах. Прекращается выпуск монет с монограммами царя Котиса. Эти монеты заменяются новым выпуском медных монет с изображением головы Нерона и полным его именем и титулом. Выпускаются и золотые монеты также с изображением Нерона и Клавдия. Нумизматический материал в данном случае свидетельствует о существенном ограничении боспорской независимости; однако это продолжалось недолго.

Смерть Нерона и сопровождавший её опасный политический кризис 68—69 гг. приостановили развитие римской экспансии на Чёрном море. Широкий завоевательный план римлян рухнул. На Боспоре это почувствовалось сразу же. После смерти Нерона, по времени совпавшей со смертью Котиса и со вступлением на престол сына Котиса Рискупорида II (68—92 гг.), на Боспоре возобновляется выпуск монет прежнего типа с обозначением имени царя монограммами и портретными изображениями императора Веспасиана и сына его Тита. Впрочем, следует оговорить, что сохранилась одна боспорская надпись с подножья

статуи Веспасиана в Фанагории, в которой он назван «владыкой всего Боспора». Ещё через несколько лет, именно с 81 г., на Боспоре появляются золотые монеты с полным именем и царским титулом Рискупорида и портретом императора Домициана на обороте.

Как и в первом случае, эта новая перемена в боспорских монетах отнюдь не случайна. На Нижнем Дунае вновь стало очень беспокойно. Это было время, когда здесь сформировалось и окрепло племенное объединение даков, во главе которого встал энергичный и решительный Децебал. Он нанёс римским войскам серьёзное поражение. В то же время на придунайские области римлян двинулись племена сарматов, роксаланов и маркоманов. Создалось положение, при котором римскому правительству было уже не до укрепления своего влияния в Северном Причерноморье. Все расквартированные здесь гарнизоны были выведены и переброшены к дунайской границе для усиления армии, во главе которой стоял император. В конце концов римское правительство оказалось вынужденным пойти на соглашение с Децебалом. По этому соглашению оно обязалось ежегодно выплачивать ему известную сумму. Только уже при Траяне в результате его походов в Дакию и завоевания этой страны римлянам удалось справиться с Децебалом.

Вывод римских гарнизонов из Причерноморья и тяжёлое положение самой Римской империи, таким образом, совершенно определённым образом сказались на положении Боспора. Теперь само римское правительство было заинтересовано в получении от него военной помощи. Возрастает роль боспорской армии. Есть сведения, что римское правительство поддерживало её денежными субсидиями. За это боспорские войска, представлявшие собой в рассматриваемое время гражданское ополчение, должны были принимать участие в военных предприятиях римлян. Обычно оно выражалось в форме посылки к римлянам вспомогательных отрядов. Известно, например, что боспорские пешие воины, стрелки и лучники участвовали в 136 г. в военных действиях римлян в Малой Азии против аланов. Судя по изображениям на Траяновой колонне, они участвовали в одном из боёв римских войск с даками. Можно предполагать, что боспорская армия в то время была достаточно сильна и боеспособна для того, чтобы защищать собственные границы, хотя надо сказать, что с каждым новым десятилетием обстановка в Северном Причерноморье благодаря продолжающемуся подъёму активности местных племён, силы которых возрастали, становилась всё более и более напряжённой.

В этих условиях вывод римлянами своего гарнизона из Херсонеса поставил этот город в особенно тяжёлое положение. Дело в том, что пребывание римского гарнизона в течение ряда лет в Херсонесе не прошло для последнего бесследно. При поддержке римлян политическая власть в городе окончательно сосредото-

чилась в руках узкого круга наиболее состоятельных граждан. Херсонесские надписи показывают, что важнейшие государственные должности из поколения в поколение занимаются членами одних и тех же знатных и богатых семей, причём одно и то же лицо на протяжении своей жизни успевает занимать почти все высшие городские магистратуры. Весьма показательна с этой точки зрения одна из херсонесских надписей (II в. н. э.) на мраморном пьедестале памятника некоего Аристона, сына Аттины. Из содержания надписи выясняется, что шесть лет он был послом в Риме, два раза был послом к боспорскому царю, далее занимал должность продика, номофилака, два раза был демиургом, был жрецом и государственным казначеем.

Известны и другие херсонесские надписи, позволяющие прийти к тому же выводу. Некоторые из них показывают, что в государственном строе Херсонеса произошли и структурные изменения. Они сводились к уменьшению числа магистратур путём соединения нескольких в одну. Так, с должностью первого архонта, избираемого из среды наиболее знатных и богатых граждан, теперь соединяются обязанности и права прежде отдельно избираемых стратегов и так называемого «царя». Уменьшается и число лиц, избираемых на отдельные должности; раньше номофилаков, наблюдавших за соблюдением законов, избиралось пять, иногда и больше, теперь же их избирают только в количестве трёх человек. Таким образом, уменьшилось и число граждан, в каждый отдельный год осуществлявших соответствующие правительственные функции, и сузился тот социальный круг, к которому они принадлежали. И то и другое явилось прямым результатом продолжающегося развиваться процесса социально-имущественного расслоения. При таких условиях способность города к самозащите от внешних врагов, зависящая во многом от сплочённости коллектива граждан, неизбежно должна была пасть.

Нечто весьма схожее наблюдается и в Ольвии. И здесь, судя по надписям, сужается круг граждан, активно участвующих в управлении городом. Что касается способности Ольвии к самозащите, то из ольвийских надписей II в., кажется, только одна упоминает о стратегах, которым удалось «свести на толпы врагов трофееносную победу». Зато гораздо чаще встречаются упоминания о торжественных «встречах» скифских и сарматских царей и направлении к ним посольств. Эти дипломатические приёмы дорого обходились ольвийским гражданам. «Встречать» царей и отправлять к ним послов нельзя было с пустыми руками. Большинство почётных декретов первых веков нашей эры мотивируются именем такого рода услугами, оказываемыми чествуемыми гражданами обедневшему городу.

Во II в., в годы правления в Риме Антонина Пия (138—161 гг.), Ольвии пришлось пережить наступление нового врага — тавроскифов. Не будучи в состоянии отразить их соб-

ственными силами, Ольвия обратилась за помощью к римскому правительству. Из Нижней Мезии на помощь Ольвии были высланы войска. Совместно с ольвийским ополчением они оттеснили тавроскифов. После этого в Ольвии был оставлен постоянный римский гарнизон.

Это событие явилось началом второго периода в римской оккупации ряда пунктов на северочерноморском побережье, в том числе и Херсонеса, который одновременно с Ольвией добивался присылки римских войск.

Предоставленный собственным силам Херсонес должен был обращаться за помощью к Боспору. Однако зависимость от более далёкого Рима представлялась ему, очевидно, менее обременительной. Отсюда понятно настойчивое стремление Херсонеса, известное нам из надписей, поставить себя под защиту Римской империи. Об этом усиленно хлопотал упоминавшийся херсонесский гражданин Аристон, сын Аттины, но, видимо, так и не добился своей цели. Более успешным было ходатайство Гераклеи — метрополии Херсонеса; будучи связанной с Херсонесом прочными экономическими и политическими узами, она на протяжении столетий выступает в качестве союзника Херсонеса в ряде внешнеполитических вопросов. Херсонесский почётный декрет в честь Гераклеи рассказывает о посольстве «благочестивейших отцов Гераклеотов» в Рим к императору Антонину. В результате этого посольства Херсонес сбросил с себя зависимость от Боспора и получил, наконец, долгожданную «свободу». Но эта «свобода» носила чисто формальный характер.

В дальнейшем теснимая «варварами» Ольвия была вынуждена в первые годы царствования Септимия Севера официально признать над собой верховную власть Рима и была включена в состав провинции Нижней Мезии. Ольвия сохранила право чеканки монеты, но под контролем римского должностного лица.

Римская оккупация временно обезопасила Ольвию от «варварских» вторжений и тем самым задержала окончательное разорение города. В III в. Ольвия была разорена готами, но историческая жизнь её закончилась, очевидно, не раньше V в. Когда и при каких обстоятельствах это произошло, до сих пор неизвестно.

В эпоху римского владычества Ольвия переживает даже некоторый подъём. Меняется внешний облик Ольвии. Судя по многочисленным надписям и археологическим остаткам, город отстраивается новыми жилыми и общественными зданиями. Надписи упоминают о сооружении нового портика, бани, о перестройке и ремонте театра и храма Аполлона.

Укреплённый город в римскую эпоху, однако, занимал только южную часть верхнего города. Центром римской Ольвии стала цитадель, построенная в углу, образованном Бугом, Заячьей и Поперечной балками. Со стороны Заячьей балки цитадель защищала мощная оборонительная стена, укреплённая сторожевой башней.

Местами фундаментом для римской стены послужили остатки стены эллинистической эпохи. Башня, выдвинутая несколько вперёд по сравнению с линией стены, состояла из трёх помещений, в которых, очевидно, размещался караул. Стены её сложены из грубо отёсанных известковых плит разной величины и формы. В северной части цитадели также открыты остатки городской стены, сложенной из колоссальной величины плит местного известняка.

С внутренней стороны к стене примыкало двухэтажное помещение, в котором, очевидно, жили солдаты гарнизона. В этой же части цитадели с севера на юг проходила главная уличная артерия. Широкая, мощённая камнями улица вела за пределы цитадели, а разрыв в крепостной стене позволяет предположить, что именно здесь находились главные ворота цитадели.

Оживлённое строительство наблюдается в римское время и на территории нижнего города. Остатки оборонительных сооружений здесь не обнаружены. Строительство идёт главным образом по линии жилищных и хозяйственных комплексов.

Торговля, игравшая всегда такую большую роль в жизни Ольвии, в римское время значительно сократилась в своём объёме. Это ясно видно по находкам керамики. Во II и III вв. н. э. процент импортной керамики значительно снижается, зато в Ольвии развивается производство керамики скифских образцов.

Углубляется процесс имущественной дифференциации. Об этом говорят и ольвийские надписи и археологический материал. Не случайно именно к этому времени относятся два роскошных погребения с насыпанными над ними высокими курганами. Один из этих склепов был найден под насыпью, получившей наименование «Зевсов курган». Склеп состоит из двух помещений: нижняя часть кургана обнесена подпорной каменной стеной (крепидой) из рустированных камней с прекрасной облицовочной кладкой. Очевидно, родовитые граждане Ольвии уже не удовлетворялись скромными погребениями предшествующей эпохи.

В надписях этого времени ощущается тот же момент классовой дифференциации. Воздавая хвалу знатым жителям города, надпись всегда упоминает о их высоком происхождении, о знатности их предков, а также о том, что они были известны «римским императорам».

Из торгового цветущего полиса Ольвия постепенно превращается в военный центр — римский форпост. В этих условиях неизбежно должна была повыситься роль городской аристократии. Экономической её базой теперь являлось земледелие. Торговцы почти не упоминались в надписях этого времени.

В рассматриваемое время в Ольвии заметно увеличивается скифская часть населения. На Буге и Днепре находился ряд укреплённых скифских поселений. Наличие в этих поселениях укреплённых кварталов позволяет предположить, что там проживала скифская знать и, возможно, ольвийские землевла-

дельцы или их управляющие. Эти поселения снабжали Ольвию хлебом, рыбой, скотом, рабами. Длительное общение ольвийских греков со скифами способствовало разложению у последних родового строя. Скифская знать втягивалась в круг торговых интересов города, переселялась в Ольвию и подвергалась процессу эллинизации. В свою очередь, ольвийские землевладельцы, повидимому, иногда переселялись в скифские городища, ассимилируясь с местным населением. Ольвию этого периода по праву можно назвать греко-скифским городом.

Следует, однако, помнить, что не случайно жизнь Ольвии заканчивается именно тогда, когда рушится Римская империя.

Это показывает, что Ольвия в основе своей до конца оставалась античным городом, крепкими нитями связанным с тем способом производства, который его породил.

Херсонес также становится центром римской оккупации. Многочисленные надписи и надгробные памятники римских солдат, раскрытые археологическими исследованиями, позволяют установить, что во II в. н. э. постоянные римские гарнизоны находились не только в Херсонесе, но и на современном Ай-Тодорском мысе и в тех пунктах, на месте которых сейчас находятся Инкерман, Балаклава и др. В Херсонесе стоял главный гарнизон. Место его стоянки в юго-восточной части города носило характер укрепленной цитадели. Здесь археологическими раскопками обнаружены остатки большого здания, которое делилось на ряд одинаковых по величине помещений. Совершенно очевидно, что это здание служило казармой для солдат.

На содержание римского гарнизона Херсонес был обязан отчислять известную долю городских доходов. Утрата самостоятельности, однако, до известной степени компенсировалась для херсонесской аристократии защитой от внешних и внутренних врагов. Со второй половины I в. до середины III в. н. э. для Херсонеса наступает период относительного спокойствия.

В экономическом отношении этот период был временем последнего расцвета Херсонеса. В честь освобождения от зависимости Боспору в Херсонесе чеканят монеты с надписью «Свобода». Однако эти монеты не были в состоянии конкурировать с римским денарием, который властно захватывает херсонесский рынок. Попрежнему одним из главных предметов хозяйственной деятельности является виноградарство. Последние археологические открытия дают возможность познакомиться с устройством виноделия в римское время. Археологические остатки с несомненной очевидностью свидетельствуют об усовершенствовании техники виноделия. Так, например, выжимка винограда производилась теперь уже не прежним примитивным способом — ногами, а с помощью пресов; растёт и количество продукции, о чём можно судить и по размерам давяльных площадок и резервуаров и по числу виноделен в Херсонесе.

Раскопками установлено также, что в римскую эпоху в Херсонесе был широко развит рыбный промысел. Как и на Боспоре, об этом свидетельствуют многочисленные цистерны I—III вв. н. э., служившие для засолки рыбы. Большой объём этих цистерн говорит о крупных размерах рыбного хозяйства. В ряде случаев рядом с цистернами обнаружены и кладовые с пифосами — глиняными сосудами для хранения рыбы. Характерна надпись II в. н. э., которая свидетельствует о сооружениях в это время в Херсонесе рыбного рынка. В отличие от Боспора, который вывозил главным образом дешёвую рыбу — солёную камсу и сельдь, — из Херсонеса в Рим шли дорогие сорта рыбы и утончённые рыбные соусы.

Торговал Херсонес, как и раньше, главным образом с городами южного побережья Чёрного моря, в первую очередь со своей метрополией — Гераклеей. Кроме того, существовали торговые связи с Грецией, Малой Азией, Западным Причерноморьем и Римом. Предметом вывоза служили: рыба, соль, хлеб, а предметом ввоза — керамика (особенно итальянская), ткани, предметы роскоши.

Под охраной римского гарнизона Херсонес превращается в это время в крупный торговый центр. Меняется состав населения Херсонеса. Выгоды торговли и удобства жизни большого города привлекают в Херсонес как иностранцев, так и многочисленных представителей местного населения. Об этом говорят почётные декреты и надгробные памятники с именами иностранных купцов, тавров и скифов. Особенно интересна в этом отношении большая мраморная плита с надписью «Таврская женщина» и надгробье скарфа сына Феогена. В житиях херсонесских епископов имеется упоминание о том, что в Херсонесе жило также много евреев.

Расследование херсонесского некрополя римского времени даёт богатый материал для установления факта глубокого социального расслоения среди населения Херсонеса. Характерными для первых веков новой эры являются так называемые семейные склепы с разнообразным и богатым могильным инвентарём. Весьма часто в этих склепах встречаются золотые перстни, серьги, ожерелья, бусы из пасты, янтарь, сердолик, дорогая посуда, монеты и т. д. С другой стороны, имеется огромное количество простых грунтовых могил, заключавших в себе только грубую простую посуду или вообще не имеющих никаких вещей. Могильный инвентарь богатых погребений говорит и о новой технике в украшении ювелирных изделий. Как и на Боспоре, широкое развитие получает многокрасочный стиль, связанный с использованием цветных камней, стекла и т. д. Большое распространение получают также штампованные изделия из золота: бляшки, браслеты, ожерелья.

Известные изменения произошли и в области архитектуры. Здания римского времени отличаются монументальностью, большими размерами и значительной толщиной стен (0,90—1 м).

Некоторое воздействие римского искусства, видимо, испытала также скульптура Херсонеса. На надгробьях встречаются часто портреты умерших, фигуры возлежащих мужчин и женщин, отмеченные остротой индивидуальных характеристик. Типичными чертами римского скульптурного портрета конца II в. н. э. обладает серия мраморных рельефов, найденных при раскопке одной из христианских базилик VI в. в Херсонесе. Сюжеты этих рельефов весьма различны. Особого внимания заслуживает плита с изображением подвигов Геракла, любимого героя Херсонеса в классическую эпоху.

О существовании в жизни города некоторых традиций, восходящих к этому далёкому времени, говорят дошедшие до нас списки победителей в спортивных состязаниях, а также состязаниях глашатаев, музыкантов и поэтов.

В IV в. для Херсонеса, как, впрочем, и для всего северного побережья Чёрного моря, наступают бурные времена. Римская империя напрягает все силы для защиты от нашествия готов своих границ на Дунае. Херсонес был предоставлен своей собственной участи. Однако он не разделил судьбы Боспора и Ольвии. Город защищали крепкие стены, он находился в стороне от путей, по которым шла новая волна «варваров». Возможно также, что и сами «варвары» были заинтересованы в сохранении этого торгового города. Херсонес смог даже оказать помощь Риму в борьбе с «варварскими» племенами при Диоклетиане и Константине. За это он получил от Диоклетиана ателию, т. е. свободу от податей, а от Константина — ежегодную субсидию натурой для устройства метательных орудий (баллист) и содержания воинов, которые эти баллисты обслуживали.

«Щедрость» римских императоров свидетельствовала о том, что Херсонес в IV в. опять становится важным опорным пунктом римской империи в Северном Причерноморье. Херсонесские надписи конца IV в. говорят о том, что Рим помогал Херсонесу восстановить городские стены города. В Херсонесе продолжал находиться постоянный римский гарнизон. Под защитой Рима Херсонес возобновляет торговую деятельность, но под контролем специального римского должностного лица.

С разделением Римской империи Херсонес вошёл в состав восточной её части. Скудность источников не позволяет восстановить историю Херсонеса в IV—V вв. Раскопки показывают, что и в это время Херсонес неоднократно подвергался вражеским нападениям и был сильно разрушен. Дальнейшая судьба города связана уже с историей Византии.

Для Боспора II в. н. э. был ещё временем относительного благополучия. Вторичные оккупационные мероприятия римского правительства, повидимому, его не затронули. Во всяком случае из боспорских надписей II—III вв. известны только два римских военных надгробья: над могилой центуриона фракийской когорты и римского солдата кипрской когорты; надписи на обоих сде-

ланы по-гречески, а не по-латыни. Вряд ли на основании этих двух надписей можно прийти к предположению о длительном пребывании римских когорт на боспорской территории.

Как уже указывалось, боспорские военные силы по всем признакам были в состоянии защищать свою территорию. Главным боспорским противником в это время были скифы и тавры на европейской крымской стороне пролива и сарматские племена на азиатской. Из сарматских племён самым опасным для Боспора были воинственные сираки, обитавшие на пространстве между устьем Дона и побережьями Азовского и Каспийского морей. Другим воинственным племенем, против которого Боспору приходилось вести военные действия, были родственные сарматам аланы.

Целый ряд надписей II и начала III веков рассказывает об одержанных Боспором победах в столкновениях с этими племенами. Так, в одной из надписей с именем боспорского царя Котиса II, правившего Боспором в 123—131 гг., упоминается о победе, одержанной им над скифами. В другой надписи с именем Савромата II (174—211 гг.) упоминается о его победе над скифами и сираками, завоевании Таврики и очищении при помощи боспорского флота южной части Понта Евксинского от пиратов. Монеты этого времени также отражают военную обстановку. Рискунорид II (68—99 гг.), например, изображается на них побеждающим побеждённого врага, на монетах Савромата I изображена горящая крепость, к которой привязан побеждённый «варвар», и т. д.

Калипсо—деталь росписи «склепа богини Деметры,» I в. н. э. (Керчь).

Все названные боспорские цари принадлежат к так называемой династии Тибериев-Юлиев, правившей Боспором вплоть до конца IV в. Возможно, что эта династия была связана линией преемственности с Аспургом. Негреческие имена ряда её представителей (Савроматы, Рискупориды, Котисы и т. д.) свидетельствуют о связи её с местной средой. Последовательность, годы правления и родственные связи царей этой династии друг с другом устанавливаются на основании надписей с их именами монет и кратких упоминаний о них античных писателей. Из этих упоминаний мы знаем сравнительно очень немного. Так, Плиний Младший в трёх из своих писем к императору Траяну из Вифинии, которой он управлял в качестве легата, пишет о гонце боспорского царя Савромата (93—123 гг.). Плиний заботился, чтобы этот гонец как можно скорее прибыл в Рим. Флегмонт Траллийский сообщает, что римский император подарил боспорскому царю Котису II (123—131 гг.) диадему и санкционировал присоединение к Боспору ряда городов, в числе которых упоминается и Херсонес. Из краткого замечания Юлия Капитолина вытекает, что преемник Котиса II — Битерий Юлий Римиталк (131—153 гг.) по какому-то делу был вызван императором Антонином Пием в Рим. О преемнике Римиталка Тиберии Юлии Евпаторе (154—170 гг.) упоминает Лукиан; он говорит, что в Понтийском городе Эгиалах он встретил послов Евпатора, которые везли в Вифинию, видимо, наместнику этой провинции, годичную дань.

В надписях почти все цари упоминаемой династии неизменно именуются друзьями римских императоров и друзьями римлян. В надписях также нередко упоминается, что они были жрецами культа императоров на Боспоре.

Главным в исторической жизни Боспора этого времени было то, что, начиная с I в. н. э., он вновь вступил в полосу вторичного своего экономического подъёма, который, правда, не достигает уже такого уровня, как в IV в. до н. э., при Спартокидах. Это сказывается прежде всего не только в восстановлении, но и в некотором расширении территориальных его границ. Уже в надписях начала I в. с именем Аспурга указывается, что он царствует над всем Боспором, Феодосией и что ему подвластен ряд скифо-сарматских и таврских племён. В состав Боспорского государства теперь входил Херсонес, а на севере, как и раньше, Танаис. Последний приобретает значение важного транзитного пункта в торговле боспорских купцов с поселениями Дона. В Танаисе находился постоянный представитель боспорского царя, так называемый «пробевт», назначавшийся обычно или из числа влиятельных боспорских сановников, или из наиболее богатых и знатных местных жителей.

Экономический подъём Боспора связан с возобновлением в широких масштабах экспорта боспорского хлеба и сырья. Потребителями его теперь становятся как расквартированные по побережьям Понта римские гарнизоны, так и малоазийские города, связи с которыми полностью возобновляются.

О крупных запасах зернового хлеба на Боспоре в этот период свидетельствует обнаруженное археологическими раскопками множество больших ям-зернохранилищ. В сельское хозяйство Боспора внедряются новые зерновые культуры. Так, в одном из погребений римского времени на Нижнем Дону найден сосуд с зёрнами гречихи, не встречавшийся до сих пор в Северном Причерноморье.

Одновременно на Боспоре получает широкое развитие рыбный промысел (связанный с засолкой рыбы на месте и её экспортом), местное виноделие и другие виды местного ремесленного производства.

В ряде боспорских городов возникают в I—II вв. н. э. специальные сооружения, предназначавшиеся для переработки рыбы,—рыбозасолочные ванны, имеющие вид огромных врытых в землю каменных чанов. Они строились из тёсаных каменных плит на цементном растворе. Таким же цементом покрывались внутренние стенки ванн. Днища укреплялись толстым слоем бетона. Как правило, ванны строились группами, по несколько штук вместе. Вместимость их чрезвычайно различна. В боспорском промысловом поселении Тиритаке были открыты шестнадцать ванн римского времени, сгруппированных вместе. Длина каждой из этих ванн имела 3,20 м, ширина 1,70 м, высота 1,80 м. Ванны, несомненно, принадлежали одному хозяйству и могли вместить одновременно около 1500 ц рыбы. Иногда рядом с ваннами обнаруживаются огромные глиняные сосуды, в которых, очевидно, хранили рыбу после окончания засолки. Заготавливали главным образом дешёвые сорта рыбы, являвшиеся предметом широкого потребления.

В той же Тиритаке наряду с рыбозасолочными ваннами были обнаружены многочисленные остатки виноделен римского времени. Они отличаются, как и в Херсонесе, от виноделен предшествующей эпохи более сложным устройством. Давильные площадки, как правило, покрывались толстым слоем цемента и располагались по три в ряд. На боковых площадках виноград давили ногами, на средней площадке отжимали окончательно с помощью пресса довольно сложного устройства. Виноградный сок собирался в специальные резервуары. Стенки резервуаров покрывались особой яркочерной краской, которая предохраняла штукатурку от разрушения.

Заметное оживление наблюдается и в области керамического производства. Развитие рыбного и винодельческого промыслов повысило спрос на хозяйственную посуду — кувшины, амфоры, пифосы, которые были нужны для хранения и транспортировки продуктов. Керамические мастерские Боспора выпускают в большом количестве огромные амфоры ёмкостью до 65—70 л. Производство этих амфор привело к более сложному устройству обжигательных печей. Такие печи открыты в Пантикапее и Фанагории. Их диаметр равняется почти 5 м. В полу обжигатель-

ной камеры устроены жаропроводные трубки, по которым газы из топки проникали в камеры. Устройство гончарных печей свидетельствует, что керамическое производство на Боспоре стояло на уровне современной ему техники.

Наряду с хозяйственной посудой мастерские производили черепицу, светильники, терракотовые статуэтки культового и жанрового характера, детские игрушки и др.

В области металлургии особое развитие получает производство различного вида оружия. В большом количестве изготавливаются мечи, кинжалы, панцыри, наконечники копий и стрел.

Развивается и ювелирное ремесло, призванное удовлетворять запросы богатых людей Боспора. Боспорские мастера создают в это время много золотых украшений, иногда высокой художественной ценности.

Получает широкое развитие импорт. На Боспор попрежнему ввозятся высокосортные вина, оливковое масло, ювелирные изделия, ценные ткани и керамика. В прямой связи с возрождением торговли стоит развитие торгового транспорта.

В этом отношении весьма интересна одна из горгикийских надписей II в. н. э. Из содержания её вытекает, что в Горгии существовало объединение судовладельцев-купцов, пользовавшихся покровительством боспорского царя Савромата II.

В составе членов этого объединения встречаются имена высших сановников Боспора. Из этого документа и из ряда других следует, что господствующий в Боспорском государстве класс, как и раньше, состоял из крупных землевладельцев и купцов-судовладельцев, возглавленных правящей династией.

Экономическое процветание Боспора в первые века нашей эры сопровождалось значительными строительными работами. Перестраивались и строились заново многие общественные здания и частные дома. Из них назовём раскрытые в Пантикапее бани римского времени. Бани имели горячее отделение — «кальдарий» — с бетонированным полом и жолобом для стока воды. Рядом с ним — отделение с полукруглым бассейном и, наконец, холодное отделение. Вода в бани подавалась через водопроводные трубы.

О строительстве храмов этого времени мы можем судить главным образом на основании надписей. Так, в одной из надписей говорится, что царь Савромат предпринял восстановление храма бога войны Ареса в Пантикапее. Другая надпись, относящаяся к началу II в. н. э., свидетельствует о крупных строительных работах, связанных с восстановлением храма Афродиты в Фанагории. Одновременно в Горгии был построен новый храм Афродиты-Судоначалницы. Аналогичных свидетельств имеется значительное количество. К сожалению, боспорские города, в том числе и Пантикапей, ещё не настолько исследованы, чтобы можно было эти надписи подкрепить археологическим материалом.

Культурный облик Пантикапеи в римское время, равно как и других боспорских городов, можно восстановить главным образом по материалам некрополей, которые исследованы значительно детальнее. В пантикапейском некрополе раскопаны, например, тысячи могил первых веков новой эры. Эти могилы дают очень яркий и многообразный вещевой материал. Гробницами состоятельных боспорцев были подземные склепы в виде нескольких комнат с ведущим к выходу коридором и ступенчатой лестницей. Такие гробницы известны были на Боспоре ещё в IV в. до н.э. В римское время устройство склепов усложняется. В обиход входят семейные погребальные камеры, так называемые «катакомбы». Их вырубали в скалистом или глинистом грунте. В стенах таких склепов-«катакомб» устраивали большие ниши-лежанки, куда ставились гробы. Тело умершего помещалось иногда в роскошном саркофаге. Примером такого богатого саркофага может служить хранящийся в Эрмитаже мраморный саркофаг II в. н. э., украшенный скульптурными рельефами. Известна также целая серия мраморных пантикапейских саркофагов с совершенно гладкими стенками. Саркофаги этого типа поражают своей суровой монументальностью и иногда огромными размерами.

Наиболее распространены, однако, были деревянные саркофаги напоминавшие своим внешним видом римский храм. Обычно такой саркофаг служил как бы футляром, в который вставлялся простой дощатый гроб.

Лошадь и стоящий юноша — деталь росписи каменного саркофага
I—II вв. н. э. (Керчь)

Роспись «склепа богини Деметры», I в. н. э. (Керчь).

Как и раньше, в могилы римского времени помещали разнообразный погребальный инвентарь. Отличительной чертой этого погребального инвентаря является типичное для веков нашей эры обилие стеклянной посуды, которую находят даже в самых скромных могилах. Замечательным образцом такой посуды является сосуд из зелёного стекла, найденный в богатой могиле I в. н. э. Сосуд расписан эмалевыми красками. На темнозелёном фоне изображены живописно переплетающиеся ветки плюща и винограда, на которых разместились оранжевые птицы.

Самое большое место, однако, попрежнему занимают изделия из глины, в первую очередь всевозможная посуда. Из наиболее интересных находок этого типа отметим замечательный краснолаковый кувшин, украшенный рельефными изображениями двух цапель, нападающих на змею. Часто встречаются также фигурные сосуды в виде человеческой головы или головы какого-нибудь животного, многочисленные терракотовые статуэтки, детские игрушки.

Рост материального благосостояния боспорской верхушки подтверждается обилием драгоценных украшений, встречающихся в могилах боспорских богачей. Золотые венки, нашивные бляшки, серьги, ожерелья, браслеты, кольца дают богатый ма-

териал для суждения о развитии ювелирного искусства на Боспоре. Поверхность металлических изделий усеивалась разноцветными камнями, сердоликами, гранатами, рубинами и т. д.

Ещё более выразительным материалом располагаем мы для знакомства с изобразительным искусством Боспора в римское время. Погребальные склепы было принято украшать росписью. Известное число таких расписанных склепов сохранилось до наших дней. Интереснейшим памятником этого рода является так называемый склеп Деметры, открытый в Керчи в 1895 г.

Склеп представляет собой квадратную комнату, покрытую полуцилиндрическим сводом. На стене по сторонам входа написаны изображения Гермеса и Калипсо, которые, по представлениям греков, встречали души умерших у входа в ад. Стены увенчивает ионийский фриз, на одном из которых изображена сцена похищения Персефоны, дочери богини Деметры, богом пренсподней Плутоном. Сводчатый потолок склепа украшен медальоном, внутри которого находится погрудное изображение Деметры. Богиня представлена немолодой женщиной, со строгими, скорбными глазами. Пристальный взгляд широко открытых глаз Деметры как бы встречает каждого входящего в склеп и невольно приковывает к себе внимание. Этот совершенно уникальный памятник античной стенной живописи ярко свидетельствует о существовании в Пантикапее талантливых мастеров-живописцев.

В другом керченском склепе II в. н. э. мы имеем возможность познакомиться с военной жизнью пантикапейцев в римскую эпоху. Одетые в тяжёлые доспехи конные пантикапейские воины сражаются с сарматами и таврами.

Материал пантикапейского некрополя в I в. н. э. ещё сохраняет черты греческой культуры. Однако во II в. н. э. уже отчётливо выступают элементы сарматизации во всех проявлениях боспорской материальной культуры. Оружие становится обычной принадлежностью погребального инвентаря. В некоторых могилах II в. н. э. найдены целые наборы сарматского оружия: железные мечи, кинжалы, ножи и т. д. Ещё

Деталь росписи «склепа богини Деметры» — голова Деметры (Керчь).

более ярко процесс сарматизации проявляется в находках конской сбруи в пантикапейских могилах, а иногда и скелетов лошадей.

Этот же процесс отразился и в упомянутом выше своеобразии местного ювелирного искусства. В пантикапейских мастерских вырабатывается характерный для I в. н. э. стиль, сочетающий геометрические орнаментальные формы с обильными цветными вставками из драгоценных камней и стекла, истоки которого следует искать в некоторых «скифских» изделиях кубанских курганных погребений.

Социально-политическая природа Боспорского государства этого времени претерпевает ряд изменений. Как о том можно заключить из одной фанагорийской надписи середины II в., на Боспоре появляется группа зависимого населения, напоминающая крепостных. Постепенно сглаживается характерная для Боспора двойственность, которая была обусловлена сосуществованием на его территории местных племён и рабовладельческих городов. В этом отношении особенно интересны некоторые из надписей Танаиса II и III вв. до н. э. Из всех боспорских городов этот город, расположенный на самой окраине боспорской территории, всегда был наименее греческим. Смешанный греко-местный характер его населения ярко сказывается в особенностях его материальной культуры, известной нам и по раскопкам Елизаветовского городища, где он, видимо, находился до III в. до н. э., и по раскопкам Недвиговского городища, куда переселились его жители, очевидно, в связи с обмелением русла реки.

Из упоминаемых танаисских надписей выясняется следующая любопытная особенность политической структуры города: наряду с архонтами, возглавлявшими греческую часть населения, так называемыми «эллинаρχами», здесь существовали и особые «архонты танаитов», видимо, представлявшие местную его часть. Таким образом, присущая всему строю боспорской жизни двойственность в Танаисе нашла своё выражение в структуре магистратур. Совершенно очевидно, что в более раннее время эта особенность политической структуры города отражала известную обособленность греческой группы населения от населения местного. Деление населения Танаиса на две административно обособленные группы, очевидно, явилось результатом известного компромисса: ни греки, ни «варвары» не хотели уступить друг другу политического преобладания, но вместе с тем они были связаны друг с другом прочными нитями взаимной экономической заинтересованности.

В рассматриваемое время эти деления, видимо, сохранились лишь как пережиток. Длительный процесс взаимодействия обоих элементов населения привёл к тому, что господствующий в Танаисе слой был по своим этническим признакам слоем смешанным. Об этом свидетельствуют также надписи. Из них вид-

Сражающиеся всадники — роспись склепа II в. н. э. (Керчь).

но, что среди «эллинархов» встречаются люди со смешанными негреческими именами, а один из «архонтов танаитов», например, носит такое чисто греческое имя, как Димитрий, сын Аполлония. Не отражает наличия обособленных этнических групп и некрополь Танаиса.

Сходные явления наблюдаются в исторической жизни всего Боспора веков нашей эры. Новое в ней заключается в том, что соотношение между «варварскими» местными элементами культуры и элементами культурного уклада греков постепенно и неуклонно изменяется в сторону перехода преобладания на сторону «варваров», как о том свидетельствуют встречающиеся в надписях имена и самый язык надписей; непрерывно развивавшийся процесс ассимиляции местного населения с греческим существенно изменил этническое лицо Боспора.

Этнический состав боспорского населения этого времени вообще отличается пестротой. Из надписей нам, например, известно, что в штате государственных должностей существовала особая должность аланских переводчиков, очевидно, нужная боспорскому правительству для постоянных сношений с племенами аланов. Из надписей нам известно и о появлении на Боспоре еврейской общины.

Для управления столь разнородными подданными Боспорское государство нуждалось в большом административном аппарате.

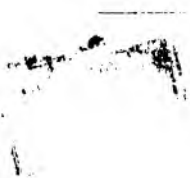
Необходимость содержать бюрократический аппарат и одновременно большую армию поставили Боспор перед лицом тех же самых неразрешимых трудностей, которые так нам хорошо известны из истории Римской империи, начиная с времени последних Антонинов и Северов. Являясь по природе своей государством рабовладельческим, Боспор в этом отношении разделял судьбу Римской империи.

С этой точки зрения весьма показательны боспорские эпиграфические документы об отпуске рабов на волю. Они появляются среди боспорских надписей, только начиная с I в. н. э.

Предшествующий период их не знает. Самый факт отпуска рабов на волю является одним из характерных признаков разложения рабовладельческой системы. К сожалению, мы не располагаем сведениями, приобрело ли это явление на Боспоре достаточно широкий характер.

Другой бросающейся в глаза особенностью исторической жизни Боспора явилось широкое распространение во II—III вв. н. э. всякого рода религиозных союзов, связанных с развитием монотеистических культов. Из целого ряда надписей мы знаем о появлении их во всех крупных городах Боспора: Пантикапее, Феодосии и особенно Танаисе. В этом случае мы, следовательно, снова встречаемся с явлением типичным для общественной жизни Римской империи последних веков её существования.

Приблизительно с середины III в. н. э. начинается период быстрого и экономического и политического упадка Боспора. Искключительная скудность и фрагментарность источников по этому последнему периоду боспорской истории не позволяет проследить этот процесс с желательной полнотой. Тем не менее главное нам ясно. Это было время, когда на исторической арене уже появились силы, вскоре затем опрокинувшие Рим, подточенный изнутри непримиримыми противоречиями рабовладельческого строя. Боспору, как рабовладельческому государству, находившемуся на самой окраине античного мира, одному из первых пришлось столкнуться с этими силами. Напор «варваров» на его границы увеличивался из столетия в столетие с нарастающей силой. Результатом вторжения гуннов было почти полное прекращение жизни в большей части боспорских поселений. Хронологическую веху в этом процессе распада Боспорского государства дают боспорские монеты. В 332 г. на Боспоре в последний раз были выпущены медные монеты с грубыми изображениями бюста боспорского царя Рискупорида VI на лицевой стороне и бюста императора Константина на обороте.

**СПИСОК ВАЖНЕЙШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ПО ИСТОРИИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ АНТИЧНОЙ ЭПОХИ**

1. Классики марксизма-ленинизма.

- Маркс К. и Энгельс, Собр. соч., т. XIX, ч. I.
Маркс К., *Формы, предшествующие капиталистическому производству*.
«Вестник древней истории», 1940, № 1, стр. 1 и след.
Энгельс Ф., *Происхождение семьи, частной собственности и государства*. Госполитиздат, 1950.
Ленин В. И., *О государстве*. Соч., изд. 4, т. 29.
Сталин И. В., *Вопросы ленинизма*, изд. 11-е, стр. 412, 432, 535—563.
Сталин И. В., *Марксизм и вопросы языкознания*, изд. «Правда», 1950.

2. Источники.

- Латышев В. В., *Известия древних писателей греческих и латинских. О Скифии и Кавказе* (Siythica A. Caucasica), т. I — греческие писатели, СПб 1893; т. II — латинские писатели, СПб 1904. В настоящее время переизданы в «Вестнике древней истории», 1947, №№ 1—4; 1948, №№ 1—4.
Граков Б. Н., *Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии*, «Вестник древней истории», 1939, № 3, стр. 231—315.

3. Литература.

- Артамонов М. И., *Вопросы истории скифов в советской науке*, «Вестник древней истории», 1947, № 3, стр. 68—82.
Артамонов М. И., *Общественный строй скифов*, «Вестник Ленинградского государственного университета», 1947, № 9, стр. 70—87.
Артамонов М. И., *К вопросу о происхождении боспорских Спартокидов*, «Вестник древней истории», 1949, № 1, стр. 20.
Блаватский В. Д., *Искусство Северного Причерноморья античной эпохи*, М. 1947.
Блаватский В. Д., *Античная архитектура в Северном Причерноморье*, Академия архитектуры. Сборник работ, 1940, стр. 127 и след.
Белов Г. Д., *Херсонес Таврический*, Л. 1948.
Гайдукевич В. Ф., *Боспорское царство*, М.—Л. 1949.
Голубцова Е. С., *Внешнеполитическое положение Боспорского царства на рубеже нашей эры*, «Вестник древней истории», 1949, № 4, стр. 62—74.
Дьяков В. Н., *Таврика в эпоху римской оккупации. Записки пединститута им. Ленина*, М. 1942.
Граков Б. Н., *Скифия*, Киев 1947.
Греков Б. Д., *Значение работ С. А. Жебелева «Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре» для истории нашей страны*, «Вестник древней истории», 1940, № 1, стр. 173—176.
Жебелев С. А., *Греческая колонизация* (гл. V в книге «История древнего мира», т. II, «Древняя Греция», ч. 1, 1936, стр. 146—170).

Жебелев С. А., Народы Северного Причерноморья в античную эпоху, «Вестник древней истории», 1938, № 1/2.

Жебелев С. А., Основные линии экономического развития Боспорского государства, Известия АН СССР, отд. общественных наук, 1934, № 8, стр. 589—607, 1934, № 9, стр. 661—679.

Жебелев С. А., Возникновение Боспорского государства, Известия АН СССР, отд. гуманитарных наук, 1930, № 10, стр. 799—829.

Жебелев С. А., Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре, «Вестник древней истории», 1938, № 3/4, стр. 49—71.

Жебелев С. А., Боспорские этюды, ИГАИМК, вып. 104, стр. 7—56.
Иессен А. А., Греческая колонизация Северного Причерноморья, Л. 1947.

Каллистов Д. П., Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи, Л. 1949.

Каллистов Д. П., Этюды по истории Боспора римского времени, «Вестник древней истории», 1938, № 4, стр. 174—183.

Каллистов Д. П., Политика Августа в Северном Причерноморье, «Вестник древней истории», 1940, № 2, стр. 65—77.

Книпович Т. Н., Танаис, Л. 1949.

Латышев В. В., Исследования об истории и государственном строе Ольвии, СПб, 1887.

Мошинская В. И., О государстве синдов, «Вестник древней истории» 1946, № 3, стр. 203—208.

Струве В. В., Восстание Совмака, «Вестник древней истории», 1950, № 2.

Тюменев А. И., Херсонесские этюды, «Вестник древней истории», 1938, № 2/3; 1949, № 4; 1950, №№ 2, 4.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Введение	5
I. Мир «варваров» Северного Причерноморья	8
II. Колонизация северного побережья Чёрного моря	49
III. Северочерноморские города-колонии	65
Ольвия	79
Херсонес	90
Боспор	101
Боспор и Митридат Евпатор	141
IV. Северное Причерноморье в конце I века до н. э. и в пер- вых веках н. э.	153